

Журнал зарегистрирован Министерством связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 - 40505

Почтовый индекс журнала 24819

Мир политики и социологии

2012, № 2

Санкт-Петербург
2012

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Мир политики и социологии», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Александров А.И., Первый заместитель председателя комитета Конституционного законодательства Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Бейдина Т.Е., доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного, муниципального управления и политики Читинского государственного университета

Бродский М.Н., доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор

Гончаренко Л.Н., доктор философских наук, профессор

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ

Керимов Д.А., член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Крылов Д.А., доктор философских наук, доцент, заместитель руководителя исполнкома Забайкальского регионального отделения политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ»

Малышев А.В., заместитель руководителя управления по внутренней политике Администрации Президента Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент

Макаров А.В., директор Юридического института Читинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Масленников Д.В., проректор по научной работе Национального открытого института России, доктор философских наук, профессор

Оганян К.Н., заведующий кафедрой социологии Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор философских наук, профессор

Покровский И.Ф., доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный работник культуры РФ

Родионова А.К., доктор политических наук, профессор Байкальского государственного университета экономики и права

Хабибулин А.Г., помощник министра внутренних дел РФ, доктор юридических наук, профессор

Чибинев В.М., декан факультета права и экономической безопасности Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор юридических наук, профессор

Швецов М.Ю., доктор педагогических наук, профессор, директор института социально-политических систем Читинского государственного университета

Щендрыйгин Е.Н., заведующий кафедрой конституционного и избирательного права Орловского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

СОДЕРЖАНИЕ**История политических и правовых учений, учреждений и процессов**

<i>Алиев Я.Л., Сальников П.П.</i>	Традиции полиции: государственно-правовая сущность	7
<i>Дондоков Ц.С.</i>	Народное собрание: высший законодательный и представительный орган Дальневосточной республики	20

**История, теория, практика политico-правовых институтов России
и зарубежных стран**

<i>Бабаджанов И.Х.</i>	Жизнь человека как социальная ценность и право на жизнь	25
<i>Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Клишас А.А.</i>	Система судебного и квазисудебного конституционного контроля в Европе (континентальная модель): некоторые вопросы становления и развития	35

**Политика. Правовая политика. Политическая жизнь. Политическая
и государственная власть. Модернизация политической системы**

<i>Артамонова Г.К., Анохин П.В., Реуф В.М</i>	Государственный интерес: теория и практика	40
<i>Бондаренко В.В.</i>	Общие вопросы статуса юридических лиц публичного права	43

Демократия. Гражданское общество. Правовые аспекты политических процессов

<i>Ильичев В.В., Реуф В.М., Зацепа О.О.</i>	Народовластие: от правового принципа к государственной правовой идеологии	50
<i>Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г.</i>	Материальный и духовный мир человека и общества как объект охранительных правоотношений: ценностный подход	57

**Экономические потрясения и социальная экономика. Модернизация экономики.
Примиrительные процедуры разрешения споров**

<i>Черепов К.А.</i>	Общественные организации и фонды как организационно-правовые формы некоммерческих объединений в Российской Федерации	63
---------------------	---	----

**Социология. Социология и реализация демографических программ. Политика
в области материнства и детства**

<i>Игнатьева О.А.</i>	Реконструкция концепции власти М. Вебера и ее методологическое значение	67
<i>Бабиченко И.В.</i>	Трудновоспитуемые дети и подростки: психолого-педагогическая работа в образовательном учреждении	74

**Национальная, государственная, экономическая, финансовая информационная
и военная безопасность. Внешняя политика, международная безопасность
и экономическая интеграция.**

<i>Кондрат Е.Н.</i>	Региональный финансовый контроль: понятие и общая характеристика	81
<i>Реуф В.М., Удычак Ф.Н.</i>	Политико-правовая система общества и национальная безопасность России: современные проблемы государственно-правовой идеологии	89
Безопасность человека, общества и государства. Экологическая безопасность и правовые аспекты охраны окружающей среды		
<i>Александров Р.А., Берова Д. М., Кондрат И.Н., Шхагапсоев З.Л.</i>	Органы дознания и уголовно-процессуальные функции	93
<i>Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л.</i>	Личность гражданина, виновного в совершении автотранспортного преступления: общественно-опасные черты и установки	98
<i>Пиров М.Т.</i>	Правовые и организационный основы сотрудничества государств в борьбе с торговлей людьми и использованием рабского труда	105
Правосознание. Правовая культура. Социология права		
<i>Безрядин В.И., Сальников П.П., Шхагапсоев З.Л.</i>	Профессиональная культура юриста: некоторые современные проблемы формирования	116
<i>Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.М.</i>	Право и закон в современном правоведении	127
<i>Ибрагимов К.М.</i>	Становление обычного права на Северном Кавказе	134
<i>Вашкевич А.В., Козлов Е.Н.</i>	Актуальные вопросы профессионально-психологической подготовки сотрудников госавтоинспекции к служебной деятельности	137
Информация для авторов		
141		

CONTENTS

History of political and legal doctrines, institutions and processes

<i>Aliev Ya.L., Sal'nikov P.P.</i>	Police traditions: state-and-legal essence	7
<i>Dondokov Tz.S.</i>	The People's Assembly: the supreme legislative and representative body of the Far Eastern Republic	20

History, theory, practice of political-and-legal institutions of Russia and foreign countries

<i>Babadzhanyan I.Kh.</i>	Human life as a social value and the right to life	25
<i>Artamonova G.K. Gorbashev V.V. Klishas A.A.</i>	The system of judicial and quasi-judicial constitutional control in Europe (continental model): some issues of formation and development	35

Politics. Legal policy. Political life. Political and state power. Modernization of the political system

<i>Artamonova G.K., Anokhin P.V., Reuf VM.</i>	State interest: theory and practice	40
--	---	----

<i>Bondarenko V.V.</i>	General issues of legal entities status within public law	43
------------------------	---	----

Democracy. Civil society. Legal aspects of political processes.

<i>Il'ichev V.V., Reuf VM., Zatzepa O.O.</i>	Government by the people: from legal principle to the state legal ideology	50
--	---	----

<i>Babadzhanyan I.Kh., Reuf VM., Khasanova S.G.</i>	Material and spiritual world of the individual and society as an object of protective legal relations: value approach	57
---	--	----

Economic perturbations and social economy. Modernization of the economy. Preliminary procedures for dispute resolution.

<i>Cherepov K.A.</i>	Public organizations and funds as organizational-legal forms of noncommercial associations in the Russian Federation	63
----------------------	---	----

Sociology. Sociology and implementation of demographic program. Policy in the area of motherhood and childhood.

<i>Ignatjeva O.A.</i>	M. Weber's Power Conception Reconstruction and Its Methodological Meaning	67
<i>Babichenko I.V.</i>	Problem children and adolescents: psychological-and-pedagogical work in educational institution	74

National, state, economic, financial, informational, environmental and military security.
Foreign policy, foreign policy and international integration.

Kondrat E.N. Regional financial control: the concept and general characteristics 81

*ReufVM,
Udychak F.N.* Political-and-legal system of the society and national security of Russia:
contemporary problems of national legal ideology 89

Human, society and state security.
Environmental security and legal aspects of environmental protection.

*Aleksandrov R.A.,
Berova D.M.,
Kondrat I.N.,
Shkhagapsoev Z.L.* Bodies of inquiry and criminal procedural functions 93

*Aliev Ya.L.,
Aruev K.B.,
Sal'nikov S.P.,
Tret'yakov I.L.* The identity of citizen guilty of committing motor vehicle crime:
socially dangerous traits and attitudes 98

Pirov M.T. Legal and organizational foundations for cooperation of states in the fight
against human trafficking and the use of slave labor 105

Legal consciousness. Legal culture. Sociology of law.

*Bezryadin V.I.,
Sal'nikov P.P.,
Shkhagapsoev Z.L.* Lawyer's professional culture: some modern problems of formation 116

*Artamonova G.K.,
Gorbashev V.V.,
Retunskaya T.P.,
ReufVM.* The right and the law in modern legal law 127

Ibragimov K.M. Common law formation in the North Caucasus 134

*Vashkevich A.V.,
Kozlov E.N.* Topical issues related to professional-and-psychological training
of traffic police officers for official employment activities 137

Information for the authors 141

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ, УЧРЕЖДЕНИЙ И ПРОЦЕССОВ

АЛИЕВ Якуб Ломалиевич,

профессор кафедры организации работы полиции
Санкт-Петербургского университета МВД России,

доктор юридических наук, профессор

E-mail: yakub@mail.ru

САЛЬНИКОВ Павел Петрович,

профессор Саратовского юридического института
МВД России,

доктор юридических наук, профессор

E-mail: naukarf@yandex.ru

**Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве**

ТРАДИЦИИ ПОЛИЦИИ: ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ

Аннотация. В статье анализируется государственно-правовая сущность традиций полиции. Путем изучения традиций советской, российской милиции, зарождающихся традиций полиции современной России, традиций полиции зарубежных стран, авторы прослеживают их государственно-правовое содержание. Являясь составной частью силового блока любого общества, полиция вбирает в себя присущие соответствующему праву и государству значимость. С изменением общественного строя, государства и права происходят изменения и в сущности традиций полиции.

Авторы показывают теснейшую взаимосвязь политики, политических, государственно-правовых традиций и традиций полиции. В качестве примера они выбрали ситуацию конца 80-х – начала 90-х годов, на примере раз渲ла СССР, политики «перестройки», показали политическую сущность государственно-правовых традиций. Идет речь о теснейшей взаимосвязи политических и правовых традиций. Обосновывается тезис о том, что прогрессивное право и правовые традиции способствуют формированию и реализации прогрессивной политики и политических традиций, создают для них необходимую организационно-нормативную базу, стабилизируют и укрепляют сложившиеся политические отношения.

Интерес вызывает и позиция авторов о том, что право и правовые традиции, имея единую социально-политическую и нормативно-правовую сущность, одновременно являются и противоположностями между собой и по отношению к политике и политическим традициям. В статье довольно подробно обосновывается данная мысль, как и идея о том, что существенной особенностью традиций полиции является не только и не столько политическая, сколько государственно-правовая сторона их сущности. Для традиций полиции характерны присущие всем государственно-правовым традициям единые экономические, социально-политические, культурные, духовные и идеологические принципы и основы, а также проблемы и противоречия российского общества.

Заслуживает внимания мысль авторов о соединении в традициях России государственно-правовых традиций стран Европы, Азии и даже Америки. Интересны и требуют внимательных раздумий выводы, приведенные на заключительных страницах статьи.

Ключевые слова: традиции; политические традиции; правовые традиции; государственно-правовые традиции; традиции полиции; государство; право; общество; сущность; явление; общественный строй; прогресс; нормативно-правовая база; противоречия; экономика; политика; культура; духовность; идеология.

ALIEV Y.A.L.
SAL'NIKOV P.P.

POLICE TRADITIONS: STATE-AND-LEGAL ESSENCE

The summary. The state-and-legal essence of the police is analyzed in the article. By means of study of the Soviet, Russian militia, the emerging traditions of the modern Russian police, the traditions of the police in foreign countries, the authors trace their state-and-legal content. Being an integral part of the power block of any society the police takes up the significance inherent in the corresponding law and state. With the change of social system, state and law the changes in the essence of the police traditions take place.

The authors show the closest interrelation between politics, political, state-and-legal traditions of the police traditions. As an example they chose the situation of the late 80's – early 90's as exemplified in the USSR collapse, "perestroika" politics, showed the political essence of state-and-legal traditions. The subject is concerned with the closest interrelation of political and legal traditions. The justified thesis is that a progressive law and legal traditions contribute to formation and implementation of progressive policy and political traditions, create the organizational-and-regulatory basis necessary for them, stabilize and strengthen the established political relations.

Besides the authors' standpoint concerning the fact that the law and legal traditions having a single social-and-political and legal-and-regulatory essence are at the same time opposites to each other and to the politics and political traditions arouse an interest. The article proves this thought in considerable detail as well as the idea that an essential feature of the police traditions is not only and not just the political as the state-and-legal side of their essence. Inherent in all state-and-legal, cultural, spiritual and ideological principles and foundations are characteristic to the police traditions as well as problems and contradictions of Russian society.

Noteworthy is the authors' idea of combination of the state-and-legal traditions of European, Asian and even American countries in the traditions of Russia. The conclusions given in the final pages of the article are interesting and require thoughtful reflections.

Key words: traditions; political traditions; legal traditions; state-and-legal traditions; police traditions; the state; law; society; essence; phenomenon; social system; progress; legal-and-regulatory framework; contradictions; economy; politics; culture; spirituality; ideology.

Для анализа государственно-правовой сущности традиций полиции важно показать механизм их связи с политикой, политической и правовой системами общества, государством, правом, общественным сознанием, социальной психологией, идеологией, их институтами и традициями.

Государственно-правовая сущность традиций полиции обусловлена социально-политической стороной их предназначения. Политика есть, прежде всего, отношения между социальными общностями (классами, нациями, государствами).

Эти отношения складываются на основе существующего исторического типа способа производства, производственных отношений, которые определяют место и роль различных социальных общностей, социально-политических сил в системе конкретно-исторических общественных отношений [8; 9; 10; 19; 21; 27; 29; 32; 33; 34; 36; 39; 42; 43; 45; 47; 52; 55; 56; 57; 60; 61; 62; 63; 64; 68; 69; 70; 71; 73; 78]. Разные и даже противоположные социальные цели и интересы движущих сил (субъектов) общественных отношений предопределяют и разные способы

достижения поставленных задач и осуществления интересов этих сил. В любом случае общественные отношения складываются в виде определенной исторической модели или политической традиции. Политические традиции отражают относительную устойчивость, стабильность социальных целей и интересов социально-политических сил данного общества. В свою очередь, эта устойчивость и стабильность зиждется на принципах конкретной социальной системы, на тех экономических основаниях (характер и уровень развития орудий труда, производительных сил), которые присущи этой системе.

Политика, политические традиции как непосредственное воплощение экономики и экономических традиций являются основополагающими для понимания сущности и особенностей традиций во всех других сферах общественных отношений, общественной жизни. Основополагающий характер политики и политических традиций по отношению к другим традициям определяется тем, что она, политика:

- непосредственно выражает социально-историческое, особенное экономическое положение, место и роль данной социальной общности, силы;
- ставит и оформляет цели и интересы данной социальной силы;
- определяет и решает способы и средства достижения ее целей и интересов;
- создает необходимые условия и обеспечивает ресурсами достижение целей и интересов.

По отношению к государственно-правовым традициям политика и политические традиции выступают в качестве:

- основного источника их возникновения, формирования и функционирования;
- целеуказания и функционального предназначения;
- движущей силы, обеспечивающей изменения государственно-правовых традиций;
- базой для функционирования и развития, создающей субъект и объект этих традиций.

Историческим примером указанного механизма диалектики взаимодействия политики, политических и государственно-правовых традиций может служить факт смены общественного строя, политической системы общества в период «перестройки». «Перестройка»

выдвинула на авансцену российской истории ее основных носителей в лице М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина из той части партийно-бюрократического государственного аппарата и населения СССР, которые были заинтересованы в изменении сущности советского общественно-государственного строя, разрушении СССР, всей советской системы, ее экономической основы – социалистической собственности. Интересны воспоминания бывших соратников М.С. Горбачева, которые детально описывают факты, подспудные намерения и состояние М.С. Горбачева в канун его смещения с поста Президента СССР.

М.С. Горбачев, чувствуя перемену отношения к себе со стороны американцев, впадал порой в бессильную ярость. «Вы уже уверовали, что мой корабль тонет?» – с гневом спрашивал он Метлока, при встрече с послом США 7 мая 1991 года. Английский министр иностранных дел Бейкер в беседе с премьер-министром М. Тэтчер и в ответ на ее призыв поддержать М.С. Горбачева и «встретить его на попутки» с насмешкой заявил: «Он идет по пути к нам, так пусть же идет и дальше» [25, стр. 675]. Во время очередного заседания «семерки» летом 1991 г. при встрече с Президентом США Дж. Бушем (старшим) М.С. Горбачев спросил Буша: «На основании той информации, которой я располагаю, я знаю, что Президент США – человек основательный, что его решения – это решения серьезного политика, а не импровизация, и на основе этих решений мы уже продвинулись к большим перспективам в нашем диалоге в области безопасности. И в то же время создается впечатление, что мой друг Президент США еще не пришел к окончательному ответу на главный вопрос – каким Соединенные Штаты хотят видеть Советский Союз? А до тех пор, пока не будет дан окончательный ответ на этот вопрос, мы будем спотыкаться на тех или иных частных вопросах отношений. А время будет уходить. В этом контексте встреча с «семеркой» удачный повод для большого разговора. Главный вопрос – это вопрос об органическом включении Советского Союза в мирохозяйственные связи. Конечно, тут многое зависит, прежде всего, от нас самих. Меня спрашивают: чего же ждет Джордж Буш? Если после этого ланча, на «семерке» мои коллеги будут в основном говорить мне, что мол, нам нравится то, что вы делаете, мы это поддерживаем, но, по сути, вы должны вариться в своем котле, то я говорю: а ведь суп-то общий! Мне вот что странно:

нашлось сто миллиардов долларов, чтобы справиться с одним региональным конфликтом (имеется в виду война в Персидском заливе), находятся деньги для других программ, а здесь речь идет о таком проекте – изменить Советский Союз, чтобы он достиг нового, иного качества, стал органической частью мировой экономики, мирового сообщества, не как противодействующая сила, не как возможный источник угрозы. Эта задача беспрецедентная» [72, стр. 178-179]. По воспоминаниям помощника М.С. Горбачева А.С. Черняева, сидевшего рядом с президентом СССР на встрече с «семеркой», Дж. Буш на глазах багровел, его взгляд темнел, он смотрел не на М.С. Горбачева, а то на меня, то на Примакова, то, оглядываясь, будто недоуменно вопрошал своих – Бейкера, Скоукрофта. Перестал есть, задвигал желваками ... кончил М.С. Горбачев. Пауза. Заговорил Буш сдержанно, подавляя раздражение: «Видимо, я не достаточно убедительно излагаю свою политику, если возникают сомнения относительно того, каким мы хотим видеть Советский Союз. Я мог бы понять, если бы возник вопрос о том, что могли бы сделать Соединенные Штаты, чтобы помочь Советскому Союзу, но если на обсуждение опять поставлен вопрос о том, каким хотят США видеть Советский Союз, то я попробую ответить еще раз. Мы хотим, чтобы Советский Союз был демократической, рыночной страной, динамично интегрированной в западную экономику, наконец, – пусть не покажется, что вмешиваюсь в ваши внутренние дела, но я говорю это в связи с экономикой – Советский Союз, в котором успешно решены проблемы между Центром и республиками. Это принципиально важно для притока частных капиталовложений. Итак: первое – демократия, второе – рынок, третье – федерация...» [72, стр. 179-180].

Застольная беседа в американском посольстве в Лондоне двух президентов показывает, что М.С. Горбачев полностью утратил самостоятельность как глава великой державы, превратился в человека, ждающего указаний со стороны, желающего услышать, «каким Соединенные Штаты хотят видеть Советский Союз». Он забыл об интересах страны, о воле народов, ее населяющих, которые на референдуме высказали свою позицию и, конечно, не ратовали об ущемлении государственного суверенитета [67, стр. 373]. По возвращении в Москву, по словам А.С. Черняева, «М.С.» сказал ему: «Знаешь,

пришла информация. Буш после моего завтрака с ним в Лондоне сказал своим, что Горбачев устал, нервничает, не владеет ситуацией, не уверен в себе, поэтому подозревает меня в неверности, ищет большей поддержки.... Надо переключаться на Ельцина» [72, стр. 177].

Последующие события, очевидцами которых являются и авторы настоящей статьи, показали характер и направление развития ситуации в России. СССР перестал существовать в результате политического соглашения и решения в Беловежской пуще. Тогда же был подписан и проект документа, ставший юридическим основанием разрушения не только СССР, но и формальной предтечей гибели советской социальной системы. За ним последовали другие документы, оформившие восстановление новой России [74].

Приведенный пример является наглядным подтверждением приоритета политики в возникновении и формировании новых, прежде всего, политических традиций. Он показывает производный характер, зависимость и обусловленность государственно-правовых традиций от их политического собрата.

Политические и правовые традиции тесно и диалектически взаимосвязаны. У них имеется много общих, совпадающих элементов. Основными из них являются субъекты традиций. Как сказано, субъектами, носителями и политических, и правовых традиций, являются социально-политические силы, социальные общности с их коренными интересами и целями. Общим в этих традициях является важнейший идеальный элемент их сущности – интересы и цели субъектов традиций, а также социальная направленность последних, определяемая носителями.

Приоритетный характер политики и политический традиций, производность от них правовых традиций не означает относительной самостоятельности и своей социальной роли права и правовых традиций. Они представляют в известной степени обособленное социальное явление. Имеют свою сущность, характерные особенности и реализуют свою социальную роль [5; 6; 7; 12; 14; 15; 31; 40; 44; 48; 50; 75; 76; 77]. По отношению к политике и политическим традициям правовые традиции являются:

- формой практического воплощения, закрепления и реализации политики и

политических традиций;

- имеют свои закономерности возникновения, формирования, реализации и изменения;
- выполняют самостоятельные социальные функции – социально-организующую, предметно-деятельную, нормативно-регулятивную, правоохранительную, кумулятивную, прогностическую и др. (раскрываются далее);
- обладают большей устойчивостью, консервативностью, сохраняясь и действуя даже тогда, когда политика и политические традиции подверглись существенным изменениям;
- оказывают обратное воздействие на политику и политические традиции тем, что или способствуют, или тормозят их функционирование и реализацию в зависимости от своей социальной сущности и направленности.

Прогрессивные право и правовые традиции способствуют формированию и реализации прогрессивной политики и политических традиций, создавая для них необходимую организационно-нормативную базу, стабилизируя и укрепляя устойчивость сложившихся политических отношений. Регрессивное право и регрессивные правовые традиции, наоборот, создают препятствия и существенные, порой непреодолимые, ограничения для политических отношений, для их дальнейшего функционирования и развития.

Американский исследователь военных традиций К. Набулси выделяет две основных военных традиций, подчеркивая их органическую и диалектическую связь с политикой и политическими традициями, – политическую и республиканскую. По его мнению, политическая традиция характеризует социально-политическую сущность войны, рассматривая войну как инструмент и решающий способ достижения политических и идеологических целей. Республиканская традиция войны считает войну нарушением правового договора между противостоящими сторонами. Оценивает войну как существенный способ и форму возникновения новых политических и правовых моделей общественных отношений, государственного устройства, политики, права, политического и правового сознания [80, р. 74-77].

Набулси акцентирует внимание на методологической стороне сущности традиций

войны, которые, по его мнению, формируются «на основе духовной [интеллектуальной] истории, политической науки, социологического анализа и философии морали». Он делает вывод о том, что «традиции войны служат моделями мышления и практики, как в пределах, так и за пределами данного исторического промежутка времени» [80, р. 79].

Не давая оценку характера и степени научности классификации военных традиций, выделения политического и республиканского направлений этих традиций, обратим внимание на вывод Набулси о двуединой – социально-политической и политico-правовой сущности и функций любых традиций, на их диалектические связи и взаимодействие между собой. В качестве аргументов Набулси ссылается на историю, в частности Древнего Рима, на народные традиции гротов, чьи захватнические войны способствовали падению Римской империи [53].

Право и правовые традиции, имея единую социально-политическую и политico-правовую сущность, одновременно являются и противоположностями между собой и по отношению к политике и политическим традициям. Внутри права, правовых традиций, а также между ними и политикой, политическими, правовыми традициями имеются существенные противоречия. Эти противоречия включают взаимодействие между исключающими или отличными друг от друга сторонами, связями, элементами.

Во-первых, политика, политические традиции, как и право, правовые традиции имеют свою сущность, свое содержание и форму, а также свой механизм взаимосвязи и взаимодействия. Если сущность политики составляют социально-политические отношения, то политические традиции по своей сущности являются лишь относительно устойчивыми моделями (идеальными и материальными слепками) этих отношений. Сущность права составляет система правовых норм и правовых отношений, выражющих коренные интересы экономически и политически-господствующего носителя [35, стр. 158-169]. Сущность правовых традиций составляют относительно устойчивые модели (идеальные и материальные слепки) правовых норм и правоотношений.

Во-вторых, право и правовые традиции, как и политика и политические традиции содержат внутри себя противоположные и, в известной мере,

взаимоисключающие элементы – идеальные и материальные, имеющие свою сущность и свои закономерности формирования и развития, а также свои закономерности взаимодействия между собой. Характерные закономерности выражают и диалектику политики и права, политических и правовых традиций. Право является формой проявления и реализации политических отношений и политических традиций. Правовые традиции являются составной частью права и правовой системы, как и политические традиции являются органической частью политики и политической системы. Они соотносятся между собой как часть и целое, где частью являются правовые или политические традиции, а целым – право, правовая система или политика и политическая система. Целое (право и правовая система или политика и политическая система) по отношению к части имеет более высокое качество, чем качество части.

В-третьих, будучи содержанием и формой, политика и политические традиции, с одной стороны, и право и правовые традиции, с другой стороны, по-разному взаимодействуют друг с другом. Политика и политические традиции обладают известным приоритетом и определяющей функцией по отношению к праву и правовым традициям. В свою очередь, право и тем более правовые традиции, будучи производными от политики и политических традиций, являются более консервативными элементами социальной системы. Они более длительное время, а точнее в течение определенной исторической эпохи, в пределах данного исторического способа производства сохраняют свою социальную сущность, свое содержание, и форму. Тем самым они выступают определенной преградой, известным тормозом по отношению к политике и политическим традициям, подверженным более частым изменениям и даже переменам сущности.

В Российской Федерации политика и политическая система стали качественно иными в период с 1991 по 1993 гг., в то время как право и правовая система, а также правовые традиции и по содержанию, и по форме до сих пор в значительной мере остаются «советскими». Изменение соотношения социально-политических сил в стране в пользу либеральных демократов, позволившее занять им главенствующее положение в органах законодательной власти, обусловило принятие целой серии нормативно-правовых актов,

включая конституционные законы, существенно опрокидывающие и устраниющие и правовые нормы, и правовые традиции советского периода. И, в то же время, советское право и советские правовые традиции оказались достаточно живучими в, казалось бы, уже изменившей свою сущность социальной системе. Если советское право и советские правовые традиции во многом сохранили существенные элементы буржуазного права и буржуазных правовых традиций, то «новые» законы Российской Федерации сохраняют значительные элементы и в содержании, и в форме советского права и советских правовых традиций. Они сохраняют и значительные элементы своей сущности.

Существенной особенностью традиций полиции является не только и не столько политическая, сколько государственно-правовая сторона их сущности. В научной литературе нет однозначного подхода к пониманию сущности и социальной роли государственно-правовой природы традиций МВД и традиций правоохранительных органов государства (полиции, суда, прокуратуры, уголовно-исполнительных органов, органов государственной безопасности и т. п.). В целом можно выделить три концептуальных подхода в понимании сущности и социальной роли традиций полиции и соответствующих ему органов внутренней безопасности и общественного порядка в зарубежных странах: формально-легалистский, социологический, диалектико-материалистический.

Формально-легалистское понимание традиций МВД исходит из концепции правового государства [11; 15; 20; 26; 37; 38; 46; 49; 58; 66], сущность которой составляет абсолютный приоритет права над государством, принципы разделения властей на три ветви, господства права, признание права как естественной данности и как естественного регулятора общественных отношений, а также как высокий правовой статус личности. Источниками права согласно этой концепции является система писаных правовых норм, законодательных и иных нормативно-правовых актов [16; 84, р. 10-34].

Указанную концепцию можно рассматривать и как правовую традицию, занимающую существенное самостоятельное место в системе правовых традиций, ибо постулаты этой концепции являются и постулатами формально-легалистской традиции права. Она оказывала и оказывает значительное воздействие и на дальнейшее

развитие права, и на все социальные процессы. Примером может служить тот факт, что формально-легалистское понимание преступления закреплено в Федеральном уголовном законодательстве США, в том числе в Едином кодексе военной юстиции США. Преступлением, согласно легалистской традиции, признается «виновное действие или бездействие, нарушение уголовного права и наказуемое государством в качестве фелонии или мисдимиона. Главным признаком в понятии преступления считается противоправность деяния [82, р. 54-55]. Полиция в понимании сторонников указанной концепции, являющейся одновременно и правовой традицией, является неотъемлемым особым органом государства, созданным и действующим на основании и в пределах, предусмотренных законом [81].

Социологическая концепция традиций МВД рассматривает правовые традиции как социальное явление, обусловленное обычаями данного общества. Полиция, в понимании этой концепции традиции, не является некоей самостоятельной социальной группой. Она – суть, органическая часть, имеющая тот же статус, что и рядовой гражданин государства [83].

Диалектико-материалистическая концепция (традиция) исходит из понимания правовой традиции как единства и противоположности, диалектического взаимодействия политики и права, права и государства, государства и его органов, как диалектическая взаимосвязь идеальных и материальных элементов. Она рассматривает политику, право, государство, их традиции как производные и, в то же время, относительно самостоятельные социальные явления, имеющие сложную системную и противоречивую сущность, взаимодействующие друг с другом по законам диалектики.

В российском законодательстве, в том числе в Конституции РФ, а также в российской юридической науке преимущественное место занимают формально-легалистская и социологическая концепции права и правовых традиций. Диалектико-материалистическая концепция права [24; 25; 30; 41], правовых институтов и традиций утратила свое господствующее положение, как это было в советское время. Однако это не означает ее научную несостоятельность. Она менее востребована теми социальными силами, которые

в ней не заинтересованы.

История, социальная практика, включая практику государственного и правового строительства, доказывает известную ограниченность и исторические пределы и формально-легалистской, и социологической концепций права и правовых традиций, с одной стороны, и научную обоснованность, исторические перспективы диалектико-материалистической концепции (традиции) этих социальных явлений и институтов, с другой стороны.

Ограниченнность и исторические пределы формально-легалистской и социологической концепций права и правовых традиций состоят в том, что:

- несмотря на их, казалось бы, противоположную сущность, элементы такой противоположности, несомненно, имеются, они страдают односторонностью, формализмом и субъективностью;
- их сущность сводится к субъективному идеализму, признающему приоритет духовных, рациональных элементов права и правовых традиций по отношению к их материальным элементам;
- более того, большинство авторов-сторонников указанных концепций отрицают материальные основы и материалистическую сущность права;
- правовые традиции они рассматривают в основном через призму социальной психологии, обыденного уровня морали как формы общественного сознания;
- по своей социальной направленности они служат экономически и политически-господствующим социальным силам, интересы которых противоположны с интересами подавляющей части общества;
- они упрощают сложный системный и противоречивый характер указанных социальных явлений и институтов и, тем самым, не могут служить теоретическим обоснованием прогрессивного воздействия права и правовых традиций на социальные процессы и будущее человечества.

Диалектико-материалистическая концепция и традиция государства, права и государственно-правовых институтов не отрицает ни легалистской, ни социологической традиций права. Она указывает на их односторонность и субъективизм, требует всестороннего полного и объективного научного

анализа государственно-правовых явлений и институтов, является результатом возникновения и развития социальных сил, интересы которых в своей сущности совпадают с целями и интересами подавляющей части общества. В современных условиях эта традиция менее востребована, поскольку существенно изменились объективные факторы общественного развития. Но это не значит, что эта традиция не имеет значения. У нее есть свои носители, в том числе и те слои населения, коих абсолютное большинство, которые не осознают своего социального положения.

Недаром в западной политико-правовой мысли возникла новая правовая концепция и традиция – корпоративизм [17; 18]. Сторонники корпоративизма не противопоставляют его плюрализму или pragmatизму, являющимся традиционными методологическими основами государства и права. Они рассматривают его как развитие этих мировоззренческих и методологических подходов в теории и в социальной практике. «Как теория, – пишет профессор С. Колин, – корпоративизм во многих отношениях более точно отражает современные отношения между государством и гражданским обществом, чем это делает плюрализм». С. Колин считает, что «корпоративизм и плюрализм должны сотрудничать» [79, р. 93, 89]. Корпоративизм «более эффективен», поскольку он выступает «за кооперирование, за согласованное строительство», что он представляет собой «просто «новое имя» старой практики» [79, р. 89, 90, 92].

В методологическом отношении корпоративизм: не отрицает плюралистического многообразия методов научного исследования. Он выступает за большее «равноправие» различных методологий и методов познания. Призывает к сочетанию различных методов и методик научных исследований. Готов признать классовый характер идеологии, классовую борьбу в антагонистических обществах. Признает практическую значимость диалектико-материалистического метода познания.

Сторонники корпоративизма признают ограниченность легалистской и социологической традиций в праве. Они менее воинственно настроены по отношению к марксизму как к мировоззрению и методологии. По Колину, «марксизм еще недалеко распространил свое влияние»; «научные принципы ... исторического материализма применимы к изучению права»,

поскольку они имеют «солидные позиции», «историческую связь между структурой, контекстом и теорией идеологии», «богатую историю», «результативность анализа» [79, р. 207, 238-244].

Согласно диалектико-материалистической концепции государства и права государственно-правовая сторона природы традиций МВД состоит в том, что они, эти традиции:

- являются органической частью общих национально-государственных традиций и содержат в себе их существенные единые элементы;
- как часть общих традиций они обладают относительной обособленностью, самостоятельностью, отличающей их от традиций в других сферах общественной жизни;
- их особенности обусловлены и связаны со спецификой сферы их проявления – государство, право, политico-правовые отношения, нормы и институты;
- имеют присущих им субъектов (носителей), характерные для них формы проявления и выполняют особую социальную роль.

Для традиций полиции характерны присущие всем государственно-правовым традициям единые экономические, социально-политические, культурные, духовные и идеологические принципы и основы, а также проблемы и противоречия российского общества. Они имеют единое с любыми традициями объективное и субъективное содержание. Субъекты и носители этих традиций являются органической частью социальной структуры данного общества, его социальных слоев, составляющих кадровую и материально-ресурсную базу органов внутренних дел. Совсем недавно по закону, на службу в органы внутренних дел принимались в добровольном порядке граждане Российской Федерации не моложе 18 и не старше 40 лет (на службу в милицию – не старше 35 лет) независимо от национальности, пола, социального происхождения, имущественного и должностного положения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, способные по своим деловым, личным и нравственным качествам, образованию и состоянию здоровья выполнять служебные обязанности [2]. Недавно принятый Федеральный Закон «О полиции» также определяет порядок и условия приема на службу

российских граждан. Он не изменил существа дела [4].

Единство традиций полиции с национально-государственными традициями выражается также в исторически-конкретных принципах и основах их организации и деятельности. С изменением этих основ изменялась и сущность традиций ОВД. В Проекте Комиссии по преобразованию полиции в Империи (1911 г.) говорилось, что для определения на должности по уездной и городской полиции «Комиссия не могла не считаться с общими культурными особенностями российской жизни и со степенью распространения просвещения в стране. Устанавливать высокие требования представлялось комиссии тем более затруднительным, что наличие их в законе сделало бы постановления его практически неприменимыми и потому тем более опасными. Таким образом, надлежало остановиться на требованиях минимальных, дабы затем возможно было, путем неуклонного их применения в жизни достигать постепенного повышения уровня состава полиции» [59]. Декрет ВЦИК от 10 июня 1920 г. «О рабоче-крестьянской милиции» содержал некоторые ограничения при комплектовании органов РКМ, отражавшие социально-классовые основы их организации и деятельности. На службу в милицию принимались только лица, достигшие 21 года, грамотные, пользовавшиеся избирательным правом в Советы, не состоящие под следствием и судом по обвинению в преступлениях, вполне здоровые и пригодные для службы, красноармейцы согласно постановлению Совета рабоче-крестьянской обороны от 13 февраля 1920 г. [54].

Специфика, особенности государственно-правовой сущности ОВД проявляются, прежде всего, в особенностях сферы общественных отношений, характеризующих их организацию, функционирование и социальную роль, место в системе государственного аппарата и во всей системе государственно-правовой надстройки, субъекты и функции в общественной жизни.

Сферой организации и деятельности полиции являются политические отношения, то есть отношения между социальными общностями и всеми элементами социальной структуры общества, прежде всего, отношения между государством и обществом, государством и личностью, а также внутригосударственные (внутриведомственные) отношения. Эти

отношения отражают насущные интересы и устремления важнейших социально-образующих носителей социальной системы во главе с их господствующими социально-политическими силами, по различным данным составляющими от 0,5 до 12% населения 50 страны. Субъекты этих отношений – очень богатые, богатые и средне зажиточные люди, которым принадлежит более 70 % всего национального достояния. По данным американского журнала «Форбс», в России в 2002 году насчитывалось 17 миллиардеров. Им принадлежит более половины всего национального богатства. Ясно, что коренные интересы этой части населения концентрируются на укреплении и сохранении своего богатства и своего господствующего положения. Эти слои оказывают решающее воздействие на все стороны и сферы общественных отношений и общественной жизни, о чем свидетельствует реальная политическая жизнь в современной России.

По своему положению в политической системе государства органы МВД России представляют собой органическую часть государственного механизма и, в частности, ту его часть, которую называют силовыми структурами, то есть это часть аппарата принуждения, составляющего силовую основу любого государства. Согласно Закону о милиции, милиция в РФ выступала как система государственных органов исполнительной власти, призванных защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан, собственность, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств и наделенных правом мер принуждения. Милиция входила в систему Министерства внутренних дел РФ [3]. Современная полиция также входит в систему МВД России и выполняет, по существу, аналогичные функции.

Основной особенностью традиций полиции, выражающей его правовую сущность, является нормативно-правовой характер форм их проявления.

Основными формами проявления общенациональных традиций России являются нравственно-этические установления, правила, нормы и предписания. Значительное место в них занимают формы обыденного сознания и повседневной социальной практики – социальные чувства, обычай, потребности, привычки, представления, а также повседневная жизнедеятельность людей, включая

производственную практику, культуру, быт народов России. С учетом того, что Россия является многонациональным государством с присущими ему национально-государственным устройством, множественностью этнических, национально-демографических, географических (естественных) и социально-культурных особенностей бытия, культуры и быта, то и эти традиции характеризуются, с одной стороны, множественностью, разнородностью, национальными особенностями, а, с другой стороны, они синтезируют и интегрируют в себе наиболее высокие эталонные достижения традиций разных народов и разных культур. Это не может не сказаться на традициях полиции России, вбирающих в себя всю специфику и все особенности общих традиций. В традициях полиции в большей мере, чем в иных традициях отражается общее, единое государственное начало, характерное для традиций правоохранительных органов любого государства.

Для традиций ОВД России характерно соединение государственно-правовых традиций стран Европы, Азии и даже Америки, поскольку по своему географическому и демографическому положению, народонаселению Россия является евразийской страной и государством, которому присущи элементы современного национально-государственного устройства и формы правления многих государств мира.

Основной государственно-правовой традицией России, как, впрочем, и любого другого государства, является закрепленный в Конституции РФ и законодательстве принцип законности, означающий обязательность и неукоснительность соблюдения законов всеми органами государства, общественными организациями и гражданами [39, стр. 4, 15, 18, 76]. Однако, содержание и, особенно, практика реализации этого принципа, а также его формы в Российской Федерации во многом отличаются от сущности и механизма реализации этого принципа в других государствах.

Переходный характер этапа развития российской государственности, кризисные явления во всех сферах общественной жизни обусловливают и главное противоречие в государственно-правовых традициях России - между демократическими и социально-необходимыми по форме и содержанию декларациями закона и крайне низким уровнем их

реализации государством и гражданами на практике.

Выводы.

1. Традиции полиции являются органической составной частью общенациональных государственных традиций. И, как таковые, они содержат многие единые элементы общенациональных и государственных традиций и обладают существенными специфическими особенностями их сущности, содержания и формы.

2. Важными общими элементами общенациональных и государственно-правовых традиций РФ, в том числе традиций полиции, являются их единые общественно-государственная, социально-экономическая, естественно-географическая, демографическая, политическая, культурная, идеологическая, национально-психологическая основы, множественность и разнородность их характера и содержания, а также форм проявления; наличие в этих традициях значительного элемента морально-нравственных установлений, норм, правил и предписаний, характеризующих особенности морали и социальной психологии народов многонациональной России.

3. Традиции полиции по своей сущности являются государственно-правовыми, политико-правовыми, поскольку сферой их приложения и проявления являются государственно-политические отношения, то есть отношения, реализующие интересы и устремления основных социально-образующих социально-политических сил, государственно-правовые формы проявления этих традиций.

4. Важнейшие государственно-правовые традиции, как правило, закреплены в основополагающих законодательных и нормативно-правовых актах государства в виде общих, обязательных, исходящих от государства предписаний, правил и норм, отражающих специфические закономерности государственного строительства и многовековые обычаи, нравы и особенности национальной психологии народов, населяющих Российскую Федерацию.

5. По своему характеру и содержанию традиции полиции отличаются четкостью, строгостью, определенностью и существенными правовыми последствиями их несоблюдения.

6. Государственно-правовая сущность традиций полиции, нормативно-правовые формы их проявления и реализации заключают в себе

существенное внутреннее противоречие между этими традициями и другими общенациональными, в том числе государственными традициями. Если в последних заключена значительная морально-нравственная сила, передаваемая многими поколениями ее народов, то в традициях полиции эта сила в определенной мере ослаблена государственно-правовым характером и формами их содержания и реализации.

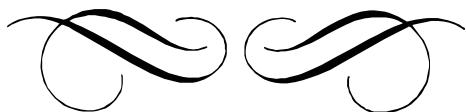
7. Социально-необходимые и высокие по гражданскому смыслу и предназначению государственно-правовые традиции, закрепленные в нормативно-правовых актах государства, нередко превращаются в не имеющую реальной силы и практического воплощения декларацию, существенно снижающую, а то и вообще устраняющую ее смысл, содержание и социальное назначение.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: Официальный текст. – М: Норма, 1999.
2. Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации. Утв. Постановлением Верховного Совета Российской Федерации 23 декабря 1992 г. № 4202-1 // Российская милиция: Законы, указы, постановления, положения (1991-1993 г.). – М.: Интер право, 1993.
3. Федеральный Закон РФ № 68-ФЗ «О милиции» от 31 марта 1999 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 14. – Ст. 1666.
4. Федеральный Закон РФ № ФЗ-3 «О полиции» от 2 февраля 2011 г. // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
5. Александров А.И., Кузнецов Э.В. Вызов закону XXI века. – М., 1998.
6. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ильичев В.В., Минаков И.А., Ретунская Т.П., Рейф В.М. Право и закон в теории юридического позитивизма // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 148-152.
7. Артемов В.М. Идея права и проблемы ее реализации в современной России // Труды Академии управления МВД России. – 2011. – № 4 (20). – С. 3-7.
8. Бабурин С.Н. ТERRITORIA государства: правовые и geopolитические проблемы. – М., 1997.
9. Байтинг М.И. Сущность и типы государства // Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 2000.
10. Байтинг М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух всков). – Саратов, 2001.
11. Батурина Ю.М., Лившиц Р.З. Социалистическое правовое государство: от идеи к осуществлению. Политико-правовой взгляд. – М.: Наука, 1989.
12. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры: методология причинного анализа. – СПб., 2005.
13. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема. – СПб., 2002.
14. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права. Краткий словарь. – СПб., 2000.
15. Безрядин В.И., Сальников В.П., Шхагапсоев З.Л. Юридическое образование как социальная ценность гражданского общества и правового государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 35-42.
16. Боер В.М., Городинец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 1999.
17. Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. – СПб., 1999.
18. Величко А.М. Нравственные и национальные основы права (сборник статей по философии и истории права). – СПб., 2002.
19. Витченко А.М. Теоретические проблемы исследования государственной власти. – Саратов, 1982.
20. Гавриленко Д.А. Правовое государство и дисциплина. – Минск: Наука и техника, 1991.
21. Гинс Г.К. На путях к государству будущего. От либерализма к социализму. – Харбин, 1930.
22. Гражданское общество и правовое государство: предпосылки формирования / Отв. ред. Г.Н. Манов. – М., 1991.
23. Графский В.Г. Понимания права: некоторые актуальные аспекты традиционной темы // Труды МГЮА: Сб. статей. – 2003. – № 10. – С. 60-65.
24. Гревцов Ю.И. Основы теории и социологии права. – СПб., 1996.
25. Гревцов Ю.И. Социология права: Курс лекций. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
26. Григонис Э.П. Понятие и основные черты механизма правового государства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2000. – № 2 (6). – С. 51-57.
27. Добреньев В.И. Глобализация и Россия: Социологический анализ. – М.: ИНФРА-М, 2006.

28. Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1982-1986). – М., 1997.
29. Затонский В.А. Эффективная государственность / Под ред. А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2006.
30. Казимирук В.П., Кудрявцев В.Н. Современная социология права. – М., 1995.
31. Карташов В.Н. О многообразии подходов к праву и интегративному его определению // Труды МГЮА: Сб. статей. – 2003. – №10. – С. 77-84.
32. Керимов А.Д. Сильное государство – ответ на вызов современной эпохи. – М.: NOTA BENE, 2009.
33. Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории. – М.: Норма, 2008.
34. Керимов А.Д. Стратегические просчеты российской политической элиты. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2011.
35. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). – М: Аванта+, 2000.
36. Кистяковский С.А. Власть и право. Проблемы правового государства. – М., 1915.
37. Коваленко А.И. Проблемы теории и практики правового государства: Теорет. курс. авториз. изложения. – М.: Изд-во МЭГУ, 1994.
38. Козлихин И.Ю. Идея правового государства. История и современность. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993.
39. Котляревский С.А. Власть и право. Проблемы правового государства / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 2001 (Мир культуры, истории, философии).
40. Лазарев В.В. Инструментальный подход к праву // Труды МГЮА: Сб. статей. – 2003. – №10. – С. 94-99.
41. Лапаева В.В. Социология права. – М.: ИНФРА-М, 2000.
42. Маликов А.В. Нетрадиционные теории общественного развития о типологии государства // Юрист. – 1998. – №6.
43. Малько А.В. Обзор нетрадиционных типологий государства // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 1998. – №6. – С. 102-111.
44. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М: Норма, 2007.
45. Мамут Л.С. Государство в ценностном измерении. – М., 1998.
46. Мамут Л.С. Демократическое правовое государство в России: проблемы становления // Журнал российского права. – 2006. – № 12. – С. 108-116.
47. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. – М.: Проспект, 2008.
48. Матузов Н.И. О праве в объективном и субъективном смысле: гносеологический аспект // Правоведение. – 1999. – №4. – С. 129-142.
49. Нерсесянц В.С. История идей правовой государственности. – М., 1993.
50. Нерсесянц В.С. Право и закон. Из истории правовых учений. – М., 1983.
51. Нерсесянц В.С. Правовое государство, личность, законность. – М., 1997.
52. Новгородцев П. Кант и Гегель в их учении о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. – М., 1901.
53. Новгородцев П.И. Политические идеалы Древнего и Нового мира. Вып. 1-2. – М., 1913-1914.
54. О рабоче-крестьянской милиции: Декрет ВЦИК от 10.06.1920 г. № 60 // СУ РСФСР. 1920 -№ 14. Ст. 86 или Милиция России: документы и материалы. – Саратов, 2001. – С. 89.
55. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.
56. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. – М.: МГУ, 1999.
57. Парк Р.Э Современное общество. Личность. Культура. Общество. – М., 2001.
58. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
59. Проект Комиссии по преобразованию полиции в Империи // Учреждение полиции с постатейными материалами. СПб., 1911.
60. Ромашов Р.А. Государство: теория, население, власть. – СПб.-Пушкин, 1998.
61. Ромашов Р.А. Типология государства в контексте сравнительного государствозведения: Открытая лекция. – Киев: Институт государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины; Киевский национальный ун-т им. Тараса Шевченко; Изд-во Логос, 2009.
62. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (методологические основы geopolитической доктрины России). – СПб., 2006.
63. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. – СПб., 2001.
64. Синенко Ю.С. Типология государства: сравнительно-правовой анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.
65. Степашин С.В. Государственный аудит и экономика будущего. – М.: Наука, 2008.
66. Тиунова Л.Б. Право. Конституция. Правовое государство: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 1992.
67. Фроянов И.Я. Погружение в бездну (Россия на исходе XX века). СПб., 1999.
68. Хабибулин А.Г. Научные основы типологии государства: вопросы теории и практики. – СПб., 1997.

69. Хабибулин А.Г. Теоретико-методологические проблемы типологии государства: Автореф. дис. ... док. юрид. наук. – СПб., 1997.
70. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типологии государственности. – СПб., 1998.
71. Халилов В.Ф. Энциклопедия власти. – М.: Академический проект; Культура, 2005.
72. Черняев А.С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. М, 1997.
73. Шахназаров Г.Х. Современная цивилизация и Россия. – М., 2003.
74. Шахрай С.М. Беловежские соглашения: мифы и факты // Вестник СПб. ун-та МВД России. – 2001. – №4(12). – С. 3-5.
75. Явич Л.С. Общая теория права. – Л.: ЛГУ, 1976.
76. Явич Л.С. Право и социализм. – Л.: ЛГУ, 1982.
77. Явич Л.С. Сущность права. – Л.: ЛГУ, 1985.
78. Яковец Ю.В. История цивилизации. – М., 1997.
79. Colin S. Studying Ideologies: an investigation into the marxist theory of ideology and law. N.Y., 1979.
80. Nabulsi K. Tradition of War. Occupation, Resistance, and the law. Oxford. University Press. 1999.
81. Report of the Royal Commission on Police Powers and Procedure. 1929. Cmd. 3297. § 15.
82. Schafer S. Theories in Criminology. N.Y., 1969.
83. Simpson H. B. The office of constable II English Historical Review. October. 1895.
84. Tappen P. Crime, Correction and Society. N.Y., 1960.

ДОНДОКОВ Цирен Сомонович,
заместитель директора Юридического института
Читинского университета по научной работе,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: dtsyren@inbox.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ: ВЫСШИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЙ ОРГАН ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются характерные особенности функционирования органов законодательной власти Дальневосточной республики. Выделяя конкретный исторический период, автор путем комплексного анализа политики государства в сфере реализации государственных полномочий, акцентирует внимание на актуальных проблемах, связанных с законотворческой деятельностью представительного органа Дальневосточной республики, делает обобщающие выводы и высказывает интересные предложения.

Ключевые слова: законодательная власть; Дальневосточная республика; парламентаризм.

DONDOKOV Tz.S.

THE PEOPLE'S ASSEMBLY: THE SUPREME LEGISLATIVE AND REPRESENTATIVE BODY OF THE FAR EASTERN REPUBLIC

The summary. The subject of the article is the characteristic features of functioning of the legislative power bodies of the Far Eastern Republic. Distinguishing the specific historical period the author through a comprehensive analysis of the state policy in the area of state powers implementation focuses on the topical issues related to the law-making activities of the representative body of the Far Eastern Republic, draw generalizing conclusions and gives some interesting proposals.

Key words: legislative power; the Far Eastern Republic; parliamentarism.

Процесс становления правового государства всегда вызывает повышенный интерес к парламентаризму как демократической системе государственной власти, при которой существует четкая «система сдержек и противовесов» – распределение функций между законодательными, судебными и исполнительными органами. В период Советской власти наука отрицательно относилась к парламентаризму, считая, что он может быть только буржуазным. Отрицательно к буржуазному парламентаризму относился и В.И. Ленин. Вместе с тем он предлагал в будущем

использовать положительные черты буржуазного парламентаризма, в том числе принцип представительства трудового населения в государственных законодательных органах [2, стр. 48]. Более того, В.И. Ленин указывал о необходимости появления пролетарского парламентаризма и предлагал коммунистам «создать новый, необычный, неоппортунистический, некарьеристский парламентаризм, разрывающий с парламентской практикой реформистов» [4, стр. 307]. Эти установки В.И. Ленина большевики последовательно

внедряли в государственную систему. При образовании нового «буферного» государства на Дальнем Востоке коммунистами были взяты на вооружение эти идеи и сделана попытка их внедрения в парламентскую деятельность нового государства.

Несомненно, представляет определенный интерес опыт парламентской деятельности различных политических сил, накопленный в период своеобразного «буферного» государства.

Верховная государственная власть Дальневосточной республики по Конституции принадлежала Народному Собранию. Это был однопалатный высший представительный и законодательный орган, который формировался на основе всеобщих, прямых, равных выборов при тайном голосовании по пропорциональной системе сроком на 2 года и составлялся из расчета по одному депутату на 15000 граждан республики [1, ст. 33].

Выборы в этот представительный и законодательный орган буферной республики проводились на основе «Положения о выборах в Народное Собрание ДВР» 11 ноября 1920 г., которое было принято Учредительным Собранием. Анализ данного Положения позволяет сделать вывод о том, что выборы в Народное Собрание проводились на тех же правовых основах, что и выборы в Учредительное Собрание. Различия сводились в основном к нормам представительства. В Народное Собрание от гражданского населения избирался 1 член от 15000 граждан. Для военнослужащих была установлена норма представительства – 1 член от 7500 избирателей (т. е. в два раза ниже, чем от гражданского населения). Утверждая такую норму представительства, депутаты-коммунисты стремились, чтобы народоармейцы проголосовали за своих кандидатов из рабочих и крестьян, которые, как наиболее революционная часть населения, происходили в основном из их среды.

Активным и пассивным избирательным правом в Народное Собрание обладали все граждане республики без различия пола, вероисповедания и национальности, достигшие 18 летнего возраста, находящиеся в здравом уме и неограниченные в правах по суду.

Лица, состоящие на военной службе, также обладали избирательным правом в Народное Собрание со всеми гражданами и голосовали на выборах совместно с населением. Исключение из

правила составляли военнослужащие частей армии, находящихся на фронте или в процессе передислокации и передвижении войск. В случае избрания лиц, находящихся на военной или иной государственной службе в состав Народного Собрания, они освобождались от несения своих обязанностей по службе на все время пребывания их членами Народного Собрания.

В законодательстве и в Основном законе страны в отношении представителей Народного Собрания употреблялись термины «член» Народного Собрания, «депутат» Народного Собрания. Например: в Конституции ДВР в ст. 33 применяется термин «депутат Народного Собрания», ст. 40 «член Народного Собрания», ст. 41 опять «член Народного Собрания» и т. п. Законодателем буферной республики эти понятия употребляются как идентичные правовые категории.

Депутаты Народного Собрания обладали определенным иммунитетом: «Никто из членов Народного Собрания не может быть задержан или подвергнут уголовному преследованию иначе, как по постановлению самого Народного Собрания, за исключением захвата на месте преступления. В этом последнем случае о задержании должно быть доведено до сведения Председателя Народного Собрания не позднее, чем 24 часа после задержания. Председатель может своей властью освободить задержанного, но обязан в следующем же заседании Народного Собрания поставить вопрос о произошедшем для вынесения Народным Собранием соответствующего постановления» [1, ст. 41].

Ст. 40 Конституции уполномочивала депутатов на избрание тайным голосованием и простым большинством голосов Президиума Народного собрания. Эта статья, взятая из конституционной практики и призванная обеспечить интересы отдельных политических партий и группировок, была нарушена на сессии Народного Собрания второго созыва, когда этот рабочий орган, исходя из соответствующего опыта Советской России, был избран открытым голосованием. Большинство в Президиуме принадлежало блоку коммунистов и беспартийных. Председателем Народного Собрания был избран секретарь Дальбюро ЦК РКП(б) А.М. Буйко.

Согласно ст. 34 Основного закона Народному Собранию принадлежало вся полномочия законодательной власти. Однако, закрепляя данное

положение в Конституции страны, законодатель одновременно предоставляет полномочия по принятию законов Правительству республики. В статье 43 Конституции было установлено «В промежутке между сессиями Народного Собрания Правительство имеет право издания временных законов, не терпящихся отлагательства до созыва следующей сессии Народного Собрания. Такие законы не могли изменять нормы Основного закона республики или приостанавливать его действия в целом или в частях и должны заключать в себе ссылку на статью 43. Изданные в таком порядке законы должны быть внесены на рассмотрение и утверждение Народного Собрания тотчас, по возобновлении его сессии. Народное Собрание может приостановить действие таких законов до их рассмотрения».

Народное Собрание работало в сессионном порядке. Сессии могли быть очередными и экстренными. Очередные сессии Народного Собрания должны были открываться дважды в год: 1 февраля и 1 ноября.

По Конституции ДВР продолжительность сессии устанавливалась Постановлением Народного Собрания. Чтобы не помешать проведению полевых работ в сельской местности, сессии Народного Собрания могли прерваться при необходимости во время проведения полевых работ.

Вновь избранное Народное Собрание открывал Председатель Народного Собрания прежнего состава или его члены. По открытии заседания члены Собрания немедленно тайным голосованием избирали из своей среды Президиум. Первое заседание Народного Собрания считался законным при наличии не менее 2/3 общего числа его членов, а дальнейшие заседания – при наличии более половины.

Конституция ДВР и последующее законодательство не определили орган власти, который должен был созывать очередные сессии Народного Собрания. Депутаты возложили эту обязанность не на Правительство, а на Президиум Народного Собрания. Данный вопрос был решен частично с позиции парламентаризма, провозглашающей отделение законодательной власти от исполнительной.

Экстренные сессии Народного Собрания, в случае необходимости могли созываться по инициативе Правительства республики или по требованию половины всех членов

представительного органа (но эти конституционные положения в практике ДВР не были применены).

Однако сложная внутриполитическая обстановка в ДВР в 1921 и 1922 гг. мешала регулярному созыву сессий. Из-за военной обстановки эту конституционную установку выполнить в 1921 – 1922 гг. не удалось. Народные Собрания первого и второго созывов провели лишь по одной очередной сессии (13 ноября – 18 декабря 1921 г. и 14–15 ноября 1922 г.).

Для предварительного рассмотрения вопросов повестки дня Народное собрание создавало комиссии:

- а) хозяйственную;
- б) личного состава;
- в) по наказам;
- г) финансово-экономическую;
- д) торговую;
- е) промышленную;
- ж) военную;
- з) земельную и др.

В предмет введения Народного Собрания Конституция ДВР относила:

«1. рассмотрение и принятие законов по вопросам общественной и государственной жизни;

2. рассмотрение и одобрение всех международных (торговых и иных) договоров между Правительством Дальневосточной республики и иностранными правительствами;

3. установления государственной росписи доходов и расходов и рассмотрение отчета по исполнению росписи ассигнования сверхсметных кредитов, установление налогов, пошлин и повинностей, рассмотрение и утверждение займов, разрешение эмиссий, утверждение концессионных договоров за исключением тех, кои представлены исключительному ведению Правительства и Совета Министров;

4. установление и изменение монетной и денежной системы, а равно системы мер и весов на территории Республики;

5. установление основ организации вооруженных сил республики;

6. высший надзор за управлением;

7. дарование амнистии;

8. объявление войны и заключение мира;

9. разрешение всех других вопросов, которое Народное Собрание признает необходимым подвергнутым своему рассмотрению» [1, ст. 42].

Верховное государственное руководство Народное Собрание ДВР осуществляло путем

принятия соответствующих законов. Народному Собранию принадлежало право верховного управления и контроля за деятельностью центральных государственных органов исполнительной власти. В отличие от буржуазного парламента Народное Собрание ДВР не только принимало законы, но и непосредственно претворяло их в жизнь.

Необходимо отметить, что деятельность комиссий не ограничивалась только подготовкой вопросов для обсуждения в Народном Собрании. Комиссии обсуждали и проверяли работу Правительства и Совета Министров, осуществляли контроль за деятельностью государственных учреждений и ведомств, став постоянно действующими подсобными органами Народного Собрания. Через комиссии устанавливались связи Народного Собрания с избирателями.

В отличие от зарубежных государств в ДВР Конституцией не было предусмотрено создание специального органа по контролю за конституционностью законов. По Конституции Правительство ДВР, выполняющее обязанности коллегиального президента, имело право «приостановить введение в действие законов, принятых Народным Собранием, в случае, если таковые будут им признаны противоречащими Основному закону». Однако приостановленный Правительством закон возвращался в Народное Собрание и считался окончательно «принятым, если при новом голосовании за него выскажутся 2/3 присутствующих в заседании членов Народного Собрания».

Депутаты Народного Собрания совмещали работу в этом представительном органе государственной власти с выполнением своих профессиональных обязанностей. Деятельность депутатов не прекращалась в промежутках между сессиями Народного Собрания. Депутаты встречались с избирателями и отчитывались перед ними за выполнение наказов. В Народном Собрании ДВР законодательная и исполнительная деятельность депутатов были соединены. Как верховный государственный орган Народное Собрание ДВР не только принимало законы буферной республики, но и осуществляло их исполнение.

По Конституции Народному Собранию было предоставлено право избирать Правительство ДВР. Но эту прерогативу Народному Собранию не суждено было осуществить, т. к. полномочия

Правительства, избранного Учредительным собранием 26 апреля 1921 г., заканчивалась лишь через два года. Перед Народным Собранием были ответственны Совет Министров и каждый министр в отдельности (ст. 59 Конституции ДВР).

В Дальневосточной республике действовало Народное Собрание двух созывов. Народным Собранием первого созыва объявило себя Учредительное Собрание ДВР.

Народное Собрание второго созыва было избрано в июне 1922 года в обстановке острой классовой борьбы. Предвыборную кампанию коммунисты проводили лозунгом всемерного укрепления блока пролетариата и крестьянства, изгнания интервентов и укрепления развития всесторонних связей с Советской Россией. Партийные организации РКП (б) проводили в городах и селах Дальнего Востока большую агитационно-massовую работу. На предвыборных собраниях трудящиеся республики высказали наибольшую поддержку РКП (б) и Правительству ДВР. На выборах в Народное Собрание ДВР коммунисты и им сочувствующие одержали внушительную победу. По своему социальному и партийному составу Народное Собрание второго созыва было коммунистическим по сравнению с Народным Собранием первого созыва.

В Народное Собрание второго созыва было избрано 124 депутата (из-за сложности обстановки и процедуры проведения выборов на временно занятой интервентами и белогвардейцами территории Дальнего Востока не удавалось избрать установленного количества депутатов). Полных данных о результатах выборов в отдельных областях ДВР в материалах Центральной избирательной комиссии не сохранилось. В составе депутатов Народного Собрания ДВР второго созыва было 85 (68%) коммунистов и сочувствующих им, 18 (15%) эсеров, 3 (2%) меньшевиков, 12 (10%) крестьян фракции меньшинства (кулаков), 1 (1%) демократ-максималист и 5 (4%) правых, т.е. преобладающее большинство в верховном государственном органе ДВР вновь получили представители левых сил – коммунисты и им сочувствующие [3, стр. 143].

В работе сессии Народного Собрания второго созыва (14-15 ноября 1922 г.) приняло участие 90 депутатов из 124. К началу сессии не прибыли депутаты-военнослужащие, находящиеся в составе действующей армии в Приморье. Некоторые ответственные работники ДВР были заняты на

восстановительных работах в Приморье. Потерпев поражение на выборах, в знак протеста против просоветской политики ДВР, часть депутатов от оппозиции сняли с себя депутатские полномочия. Депутаты Народного Собрания разделились на 4 фракции (коммунистов, крестьянского большинства, сибирских эсеров и меньшевиков). По сравнению с Народным Собранием первого созыва число фракций сократилось с 7 до 4, не были образованы фракции эсеров, крестьянского меньшинства, буржуазных демократов, что усилило позиции коммунистов.

Руководящей фракцией Народного Собрания второго созыва являлась фракция коммунистов,

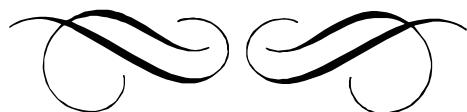
полностью поддерживаемая крестьянским большинством.

На ноябрьской сессии Народного Собрания была избрана всего одна комиссия по проверке личного состава и полномочий депутатов, в то время как на предыдущей сессии 1921 г. насчитывалось 15 постоянной действующих комиссий.

Таким образом, Народному Собранию ДВР были присущи как черты Всероссийского съезда Советов, так и парламента демократического государства. Народное Собрание являлся однопалатным народным представительным и законодательным органом, выражавшим волю населения Забайкалья и Дальнего Востока.

Список литературы

1. Конституция (Основной закон) Дальневосточной республики. – 1921 г. 27 апреля. Ст. 33. – Чита, 1921.
2. Василевский В.В. К вопросу о парламентаризме в ДВР // Из истории Дальневосточной республики: Сб. научных трудов. – Владивосток, 1992.
3. Гавло Ю.Н. Государственный строй Дальневосточной республики. – Томск, 1980.
4. Ленин В.И. Тезисы об Учредительном собрании // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 35.
5. Сонин В.В. Великий Октябрь и становление Советской государственности на Дальнем Востоке (1917-1922). – Владивосток, 1987.

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

БАБАДЖАНОВ Исрофил Хусейнович,
председатель суда района Рудаки Республики
Таджикистан,
доцент Таджикского национального университета,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: babadzhanov@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ И ПРАВО НА ЖИЗНЬ

Аннотация. В статье жизнь человека представлена в качестве абсолютной социальной ценности высшего приоритета. Она гарантируется и охраняется правом и государством. Для человека наивысшее благо это жизнь, а для общества и государства таким наивысшим благом является обеспечение человеческой жизни. Право на жизнь является необходимым условием всех остальных прав и свобод, поэтому в этом смысле право на жизнь носит абсолютный характер. Подтверждение приведенного тезис автор находит в различных международно-правовых документах и правовых актах государств: Всеобщей декларации прав человека; Международном пакте о гражданских и политических правах; Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод; Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека; Американской конвенции о правах человека; Арабской хартии прав человека; Каирской Декларации; Конституции Республики Болгария; Конституции ФРГ; Конституции Португалии; Конституции Республики Словении; Конституционном законе Республики Албания “Об основных конституционных положениях”; Конституции Республики Хорватия; Конституции Чешской республики; Конституции Испании; Конституции Республики Таджикистан.

Интересно в работе представлены позиции классиков российской философско-правовой мысли (Н.Н. Алексеев, Н.М. Коркунов, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, И.А. Покровский) и мыслителей зарубежных стран (Г. Гроций, Дж. Локк, Шарль Луи Монтескье, А. Швейцер). Анализируются и современные правовые системы.

Ключевые слова: жизнь человека; социальная ценность; право на жизнь; высший приоритет; абсолютная ценность; наивысшее благо; международно-правовые акты; конституции; охрана жизни; обеспечение жизни; действующее законодательство; правоприменительная практика; государственная гарантия.

BABADZHANOV I.Kh.

HUMAN LIFE AS A SOCIAL VALUE AND THE RIGHT TO LIFE

The summary. Human life is presented in the article as an absolute social value of the highest priority. It is guaranteed and protected by the law and the state. It is the highest good for

a human being to live, and for the society and the state such highest good is to ensure human life. The right to life is a prerequisite for all other rights and freedoms therefore in this sense the right to life is absolute in its character. Confirmation of the above thesis is found by the author in various international legal documents and legal acts of states: The Universal Declaration of Human Rights; the Covenant on Civil and Political Rights; The European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms; the Convention of the Commonwealth of Independent States on Human Rights and Fundamental Freedoms; American Convention on Human Rights; Arab Charter on Human Rights; the Cairo Declaration; the Constitution of the Republic of Bulgaria; the Constitution of Federal Republic of Germany; the Constitution of Portugal; the Constitution of the Republic of Slovenia; the Constitutional Law of the Republic of Albania "On fundamental constitutional provisions"; the Constitution of the Republic of Конституции Republic of Croatia; the Constitution of the Czech Republic; the Constitution of Spain; the Constitution of the Republic of Tajikistan.

Of point of interest are presented in the article the standpoints of Russian philosophical-and-legal thought (N.N. Alekseyev, N.M. Korkunov, P.I. Novgorodtsev, L.I. Petrazicky, I.A. Pokrovskiy) and thinkers of foreign countries (H. Grotius, J. Locke, Charles Louis Montesquieu, A. Schweitzer). Modern legal systems are analyzed as well.

Key words: *human life; social value; right to life; the highest priority; absolute value; the highest good; international legal acts; constitutions; life protection; life assurance; current legislation; law enforcement practice; state guarantee.*

Сегодня в рамках цивилизованного общества жизнь рассматривается в качестве абсолютной социальной ценности высшего приоритета, которая должна гарантироваться и охраняться правом [11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 31; 35; 36; 37; 40; 41; 49; 50; 52; 53; 55; 56; 57; 60; 61]. В связи с этим в последнее десятилетие категория «право на жизнь» стала объектом пристального внимания различных отраслей знания, в том числе и гуманитарного [57, стр. 10-11]. В соответствии с этой общей посылкой, право на жизнь должно рассматриваться как особое субъективное право, соглашаясь с общей логикой исследования любого субъективного права, так как является в определенном смысле частным проявлением более общего явления.

Жизнь является величайшим и самым важным из социальных и правовых благ личности. Ибо все остальные права, свободы и обязанности утрачивают смысл и значение в случае гибели человека.

Исследованию данной проблемы много внимания уделяют философы, социологи, биологи, психологи, медики, экономисты и другие учёные. Пришло время и юристам попытаться определить, что представляет собой жизнь и право на жизнь. Данная проблема для правовой науки является далеко не простой и имеет первостепенную

значимость. Это объясняется тем, что в действующем законодательстве и правоприменительной практике возникает достаточно много вопросов с определением правового содержания и правовых критериев нормального функционирования жизни человека, а также начала и конца жизни. Имеет место неопределенность в механизме регулирования, осуществления, охраны и защиты различных сторон жизни. Определенности в понятии, способах регулирования и реализации данного права, мы пока не имеем. Наука и действующее законодательство не дают полного и четкого ответа на вопросы, касающиеся нормального функционирования жизни. Теоретико-правовая доктрина пытается избежать здесь прямого ответа. Задача же заключается в том, чтобы четко определить и сформулировать в теории права и гражданско-правовой науке правовое содержание и правовые критерии нормального функционирования жизни человека, ее начала и конца. Эта проблема совсем недавно стала предметом исследования учеными-юристами.

Конституция Республики Таджикистан, например, (ст. 5) объявляет жизнь человека «высшей ценностью», провозглашает в качестве основного права право на жизнь и гарантирует его запрещением «произвольного лишения жизни»

(ст. 18 Конституции).

Как объект юридической охраны жизнь закреплена в Конституции и ГК Республики Таджикистан (ст. 170) впервые. Ни одна из предшествующих конституций этого государства, ни текущее законодательство в прошлом права на жизнь не содержали. Законодательство шло по пути охраны отдельных элементов жизни применительно к различным сферам социальной действительности (например, неприкосновенность личности, тайна переписки, врачебная тайна и др.). В настоящее время отчетливо стал вопрос о реализации субъективного права человека на жизнь. Для того чтобы успешно разрешить его, необходимо определить категорию жизни [32, стр. 56].

Для человека, на которого, кстати, прежде всего и направлено действие права, наивысшим благом является именно жизнь. Поэтому главное общество благо состоит в ее обеспечении. И наоборот, общество, государство оправдывают и обеспечивают свое существование только тогда, когда они в силах защитить жизнь своих граждан.

Признание государством права на жизнь означает, что жизнь человека является наивысшей ценностью, ибо все остальные права и свободы зависят от этого права. Право на жизнь является необходимым условием других прав и свобод. В этом смысле право на жизнь носит абсолютный характер.

Именно поэтому положение о праве на жизнь провозглашено всеми важнейшими международно-правовыми документами по правам человека.

Так, в ст. 3 Всеобщей декларации прав человека констатируется, что «каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» [1].

В ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах сказано: «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни» [8].

Связь права на жизнь и запрета произвольного ее лишения подчеркивается и в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. [3].

Региональные конвенции также придерживаются устоявшейся традиции. Аналогична по содержанию Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека [4].

Американская конвенция о правах человека, закрепляя право на жизнь в ст. 4, основное содержание посвящает ограничениям применения смертной казни. Пункт 2 указывает, что таковая может устанавливаться только за наиболее серьезные преступления. Далее расшифровывается, что она не может быть назначена за политические и схожие с ними преступления.

Арабская хартия прав человека, подобно Всеобщей декларации прав человека, объединяет в одной статье (ст. 5) право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, дополняя, что эти права защищены законом.

В статье 2 Каирской Декларации – «Жизнь человека определена, как дар от Бога, и право на жизнь гарантировано каждому человеческому созданию» [2].

Фундаментальный характер права на жизнь широко признается как международными судами по правам человека, так и многими теоретиками в этой области*. Более того, определение этого права как «неотъемлемого» (ст. 6 Международной конвенции о гражданских и политических правах) показывает также, что оно является частью международного обычного права.

Текстуальное закрепление в европейских конституциях права на жизнь строится практически по одинаковой схеме. Либо краткая констатация данного права (ст. 28 Конституции Республики Болгария; ст. 2 Конституции ФРГ), либо еще фиксируются и гарантии недопущения произвольных казней или полного запрета на применение данного вида наказания. Например, Конституция Португалии (ст. 17) провозглашает: «1. Человеческая жизнь неприкосновенна. 2. Применение смертной казни не допускается» (ст. 24). Аналогичная формулировка содержится в Конституции Республики Словения (ст. 17): «Человеческая жизнь неприкосновенна. В Словении нет смертной казни». Статья 1 главы V Конституционного закона Республики Албания «Об основных конституционных положениях» гласит: «Право человека на жизнь защищается законом. Никто не может быть лишен жизни, иначе как на основании вступившего в законную силу приговора суда, вынесенного в связи с умышленным особо тяжким преступлением, за которое законом в качестве меры наказания предусмотрена смертная казнь. Смертная казнь не применяется к лицам, не достигшим на момент совершения

преступления 18-летнего возраста, а также к женщинам». Таким же примером является собой ст. 21 Конституции Республики Хорватия: каждый человек имеет право на жизнь. В Республике Хорватия нет смертной казни.

Конституция Словацкой республики (ст. 15) и Конституция Чешской республики (ст. 6) дополнительно выделяют, что человеческая жизнь достойна охраны еще до рождения. Конституция Ирландии идет по такому же пути: «Государство признает право на жизнь нерожденного и, имея в виду равное право на жизнь матери, гарантирует в своих законах уважение и, насколько это возможно, защищает и поддерживает своими законами это право» (ст. 40).

Применительно к такому способу текстуального закрепления следует выделить значение словосочетания «право на жизнь нерожденного». Противники такого подхода могут отметить, что нерожденный не может существовать вне организма матери. Он лишен способности самостоятельно функционировать. Отсутствует дыхание, система кровообращения зависит от материнского организма и т. д. Можно ли говорить, что нерожденный живет? С другой стороны, лицо, находящееся в коме, также поддерживается с помощью искусственных мероприятий (вентиляция легких, питание, кровообращение). Однако нельзя говорить, что с потерей сознания человек утрачивает и право на жизнь [51, стр. 18-19].

Следует добавить, что право на жизнь – всего лишь констатация данного явления со стороны государства в том смысле, что государство не может самостоятельно создать новую жизнь. Для этого необходима инициатива человека. Зарождение жизни – последовательный биологический процесс, который с момента слияния сперматозоида с яйцеклеткой не зависит от воли индивидуума. Возможно прерывание жизни, но и как в случае убийства необходимо сознательное совершение определенных действий, одного лишь волеизъявления будет недостаточно. Процесс зарождения человека и его появления на свет носит необратимый характер, он может быть только прерван, но самостоятельно приостановиться не сможет [51, стр. 20].

Нередко конституционное закрепление права на жизнь происходит в комплексе с другими правами в рамках одной статьи. Примером может служить ст. 15 Конституции Испании [Тексты конституций цит. по: 5]: «Все имеют право на жизнь, физическую

и моральную неприкосновенность, никого ни в коем случае нельзя подвергать пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Отменяется смертная казнь, за исключением случаев, предусмотренных военными уголовными законами во время войны» [Подробнее см. 58].

Итак, право на жизнь – одно из важнейших личных прав и свобод, гарантирующих телесное существование человека как биологического существа и субъекта общественных отношений. И либо благодаря этому, либо вопреки – содержание, соблюдение и защита этого права порой становятся предметом острой полемики, поскольку затрагивают широкий спектр различных сфер жизнедеятельности общества и государства: право, политику, мораль, религию, философию, медицину.

Как правило, при характеристике права на жизнь делается акцент на его естественном характере. Под этим подразумевается, что «мать естественного права есть сама природа человека» [21, стр. 45].

Теория естественных прав человека, формировавшаяся в XVI – XVII вв., рассматривала право на жизнь как неотъемлемое свойство бытия. Джон Локк, один из основателей понятия «естественное право», писал: «Человек рождается, имея право на полную свободу и неограниченность пользования всеми правами и привилегиями естественного закона и по природе своей обладает властью охранять свою собственность, т.е. свою жизнь, свободу и имущество» [34, стр. 310].

При этом среди естественных прав Дж. Локк одним из первых, выделял именно право на жизнь. Шарль Луи Монтескье также подчеркивает, что всем гражданским и политическим законам «предшествуют законы природы, названные так потому, что они вытекают единственно из устройства нашего существа» [39, стр. 165]. Иными словами, сторонники концепции естественных прав человека подчеркивали независимость их юридического закрепления от усмотрения законодателя. «Это естественное право абсолютно не обусловлено ни временем, ни местом. Оно существовало бы и было бы тем же самым, если бы даже Бога вовсе не существовало» [28, стр. 19], – отмечал позже русский ученый-юрист Н.М. Коркунов.

Идеи ценности человеческой жизни красочно и

образно воплотились в этическом принципе «благовенения перед жизнью», сформулированном в 1915 г. известным гуманистом А. Швейцером, который утверждал: «Человек, отныне ставший мыслящим, испытывает потребность относиться к любой воле к жизни с тем же благовением, что и к собственной. Он ощущает другую жизнь как часть своей. Благом считает он сохранять жизнь, помогать ей; поднимать до высшего уровня жизнь, способную к развитию; злом уничтожать жизнь, вредить ей... Это и есть главный абсолютный принцип этики... Этика благовенения перед жизнью, таким образом, объемлет все, что можно назвать любовью, преданностью, сопереживанием» [62, стр. 572].

Однако само право на жизнь впервые нашло свое нормативное закрепление лишь в конце XVIII в. в Декларации независимости США 4 июля 1776 г., в которой в качестве первой среди «самоочевидных истин» провозглашалась та, что «все люди сотворены равными и что все они наделены определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат жизнь, свобода и стремление к счастью» [7, стр. 167].

С принятием Декларации в мире стали утверждаться правила о том, что, представляя собой абсолютную ценность мировой цивилизации, право на жизнь должно находиться под максимальной правовой защитой. Право обязано охранять жизнь любого человека вне зависимости от его пола, возраста, расовой или национальной принадлежности, вне зависимости от места и роли в обществе, вне зависимости от того, может этот человек жить еще много лет или его дни сочтены. Жизнь человека должна охраняться как абсолютное благо, на которое никто не вправе посягать.

Прошло много лет, но проблема обеспечения права на жизнь и сегодня находится в центре внимания всего мирового сообщества, ученых, общественности, является злободневной задачей в деятельности каждого цивилизованного государства.

И это нисколько не удивительно, так как реальность обеспечения права на жизнь, возглавляющего всю существующую в современном обществе систему прав личности, один из важнейших показателей уровня демократичности государства, если хотите – точка отсчета института прав и свобод личности в правовом государстве.

Однако точные нормативные границы права на жизнь слегка размыты. Чем очерчивается жизнь? Только ли фактом рождения, чувственным восприятием окружающего мира и умиранием обозначено данное явление? Выходит ли право на жизнь за пределы простого негативного обязательства государства предотвращать произвольное или незаконное убийство? Или государства обязаны принимать положительные меры, чтобы устранить угрозу праву на жизнь и обеспечить его осуществление (в том числе экономические и социальные меры в таких областях, как медицина, здоровье и жилье)? Такие вопросы не раз ставили перед собой ученые.

Еще в середине XIX века известными русскими юристами П.И. Новгородцевым и И.А. Покровским [42; 43; 44; 45; 46; 47; 48] в качестве основного компонента права на жизнь выделялось право на существование (имеются в виду необходимые и достаточные условия для поддержания физиологической деятельности организма, как-то: пища, медикаменты и т. п.). «Речь идет о том, чтобы обеспечить для каждого возможность существования и освободить от гнета таких условий жизни, которые убивают физически и нравственно», – писал П.И. Новгородцев [48, стр. 4]. Право, согласно его научной концепции, должно взять на себя определение известных условных границ, очерчивающих тот уровень жизни, который считается нормой. За его пределами начинается недопустимая крайность, которая, в частности, может выражаться в реальной угрозе голодной смерти конкретного лица [48, стр. 5].

Развивая эту мысль, И.А. Покровский подчеркнул, что «если государство признает себя обязанным спасать людей от голодной смерти – значит, каждый отдельный человек имеет право требовать этого от государства, и, таким образом, искомое право на существование уже есть!» [48, стр. 6].

Не чужда такая позиция и нашим современникам. Находит своих приверженцев она и сегодня [22, стр. 64].

И тем не менее, весьма опрометчиво проводить знак равенства между правом на жизнь и правом на существование. Поскольку право на существование скорее составляет содержание другого самостоятельного социального права индивида – права на достаточный уровень жизни.

Развивая эту мысль, ряд ученых утверждает,

что право на жизнь квалифицируется в международном праве как императивная норма, или *jus cogens*, и выражение «неотъемлемое право на жизнь» не должно пониматься в ограниченном смысле. Так, автор очерка «Жизнь» Хал Борленд, рассматривая, как право на жизнь регулируется американской Конституцией, описывал: «И право на жизнь, на человеческую жизнь, есть нечто большее, чем право на простое существование. Все мы обладаем правом на существование, но оно даруется нам наряду с долгом прожить полезную жизнь – жизнь, посвященную какой-то цели. Без этого жизнь не имеет осмыслиенного значения» [9]. Приведенное высказывание предполагает, что «жизнь должна рассматриваться правом не только как форма биологического существования, но и как способ самореализации конкретной личности» [51].

Вообще, в юридической науке советского периода право на жизнь рассматривалось в составе права на неприкосновенность личности, под которым понималось право на государственную охрану и защиту от неправомерных посягательств на личную безопасность лица. Традиционно в конструкции личной безопасности выделяли три разновидности неприкосновенности: «физическую (жизнь, здоровье, физическая целостность), нравственную (честь, достоинство), духовную (возможность на основе свободы волеизъявления располагать своими поступками, не подвергаться незаконному принуждению)» [54, стр. 76].

«Если *Homo sapiens* оценивать как биологический вид, то в чем – в чем, а в государстве и праве человек меньше всего нуждается. Дикие животные, микроорганизмы живут вне государственных институтов» [51, стр. 7]. Такой акцент долгое время служил объяснением того, что данное право отсутствовало во всех конституциях советского периода развития нашего государства.

С нормативным закреплением, например, в ст. 18 Конституции РТ 1994 г. права на жизнь появилась возможность его самостоятельного рассмотрения. Право на жизнь – самостоятельное право, имеющее присущую только ему индивидуальную внутреннюю структуру. В то же время никто не оспаривает, что, например, личная неприкосновенность – одно из непреложных условий обеспечения права на жизнь. Однако отдельные авторы считают, что «жизнь, здоровье и физическая свобода – это блага, являющиеся

биологическими характеристиками человеческого существования и при этом настолько тесно связанные между собой, что составляют единый объект – личную безопасность человека» [38, стр. 10]. Забывая при этом, что право на свободу и личную неприкосновенность является самостоятельным гражданским правом индивида, провозглашенным в статьях Международного пакта о гражданских и политических правах.

Существуют различные определения, толкования жизни, особенности которых объясняются спецификой тех отраслей знаний, в рамках которых эти определения сформулированы. Например, философия, биология, медицина, физика, химия и другие науки отражают свое видение человеческой жизни как феномена природы.

В настоящее время считается общепринятым, что в природе человека присутствуют элементы как биологического, так и социального происхождения.

Биологическая жизнь – это высшая форма существования человеческой материи, закономерно возникающая при определенных условиях в процессе ее эволюции.

Социальная жизнь – это форма реализации биологической жизни человека, проявляющаяся в процессе его участия в общественных отношениях.

Для нас представляет интерес дефиниция жизни с правовой точки зрения. Ведь сама по себе жизнь – это объект правовой защиты, а рождение и смерть человека являются юридическими фактами – событиями, с которыми законодатель связывает возникновение и прекращение самого права на жизнь.

Итак, «право на жизнь» и «жизнь» – понятия, бесспорно, не тождественные. Право – это социальная категория, а жизнь – биологическая.

Данное право имеет сложную структуру и содержание, так как оно не означает, что государство тем самым разрешает, дозволяет жизнь собственных граждан. Жизнь возникает вне государственных велений, и биологическое рождение ребенка меньше всего нуждается в наличии государственных институтов. Как отмечал Н.Н. Алексеев, «юридическая норма не обладает способностью производить на свет живые существа» [10, стр. 79]. Одновременно, закрепляя в Конституции, государство вкладывает определенный смысл в данное субъективное право, выражющееся именно в его юридическом

значении. Право на жизнь не означает саму жизнь, это субъективное правомочие, имеющее формально-атрибутивное оформление. Поэтому следует отличать такие различные категории, как право на жизнь и саму жизнь [51, стр. 10-11].

Понятие «жизнь» употребляется различными отраслями права. Уголовное право ставит жизнь под особую охрану, предусматривая уголовную ответственность за лишение жизни. Социальное законодательство закрепляет обязательное страхование жизни отдельной категории лиц. Фиксируются такие понятия, как «условия жизни», «жизнедеятельность» и т. д. Так, Л.О. Красавчикова устанавливала, что «... в биологическом (естественнонаучном) плане «жизнь» – это физиологическое существование человека или животного, а «жизнедеятельность» – совокупность жизненных отправлений, составляющих деятельность организма» [30, стр. 14]. Употребление в праве такого ряда терминов обуславливает необходимость уяснения содержания представлений о жизни.

Малая советская энциклопедия вводила следующую дефиницию: «Жизнь – особая форма движения материи, возникающая на определенном этапе ее исторического развития и свойственная сложным белковым телам. Впервые обобщающее научное определение жизни было дано Ф. Энгельсом: «Жизнь есть способ существования белковых тел, и этот способ существования заключается по своему существу в постоянном обновлении их химических составных частей путем питания и выделения» [63]. Однако до настоящего времени так и не была создана искусственным путем из материи хотя бы одна живая субстанция.

Это высказывание Ф. Энгельса имеет принципиальное значение для определения понятия жизни человека, которая с биологической точки зрения состоит в непрерывном обмене веществ, питания и выделении. С прекращением этих функций прекращается и жизнь человека. Таким образом, можно заключить, что жизнь – это «природно-биологическая форма существования человека, являющаяся его предпосылкой» [59, стр. 64]. Из этого определения человеческой жизни, как формы бытия человека, данной от природы, следует, что понятие «жизнь» остается сугубо естественным понятием.

Несмотря на глубочайшие изменения, произведенные научным прогрессом в понимании

человеком своего места во Вселенной, отношение человека к природе и его образ жизни в ней изменились куда меньше. Основные вопросы жизни и смерти ответа не получили, да фактически и не было серьезных попыток на них ответить, ибо и жизнь и смерть вообще рассматривались не как «проблемы», а как нечто, безусловно естественное. Рождение и смерть, еда и сон, возможно даже мышление, воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Это просто часть человеческого бытия то, что назначено уделом каждому человеческому существу; остается лишь насколько возможно лучше приспособливаться выполнять свое предназначение. Но сейчас, когда исчезли старые биохимические и исторические рамки жизни, установленные на опыте и даже частично объясненные в течение столетий, такие взгляды оказались неприемлемыми не только в том, что касается человека, но и в отношении Вселенной в целом. Наука не только не указала пути к счастливой жизни для всех, но и открыла перспективу всеобщей гибели – не только для человечества, но вообще для всего живого на Земле. Чтобы избежать такой судьбы, нам следует поразмыслить; хотим мы того или нет, но нам следует поразмыслить также и над другими последствиями – желательными или нежелательными – того, что наука дает человечеству. Мы должны, например, предотвратить гибель сотен миллионов детей во всем мире, ныне, однако, неизбежную, ибо правящие классы экономически развитых стран не могут «осознать экономическую и политическую необходимость пойти по пути, обеспечивающему равные средства к существованию для всех. Это означает гораздо большую производительность, чем та, которую могут обеспечить традиционные, но безнадежно неэффективные методы, применяемые в сельском хозяйстве и промышленности в большинстве стран мира. Мы должны отрешиться от глубоко укоренившейся привычки воспринимать как нечто само собой разумеющееся даже те вещи, которые кажутся нам простыми. Мы должны изучать природу, с тем, чтобы понять ее, а не просто наблюдать ее и смиряться с ее требованиями. Глупость перестала быть извинительным личным недостатком, она подчас перерастает в социальное зло. Итак, побуждения, которые уже привели к исследованиям, позволившим создать современную – весьма, надо

сказать, примитивную и ограниченную – картину возникновения жизни во Вселенной, весьма сложны и многочисленны [23, стр. 206-207].

Главный практический мотив для изучения возникновения жизни состоит в том, что без этого мы не сможем понять современную жизнь и, следовательно, не сможем управлять ею. Необходимо изучить возникновение жизни для того, чтобы разобраться в ее сущности, в ее возможностях и ограничениях, а затем уже и для того, чтобы развить первые и преодолеть вторые. В более широком понимании изучение происхождения жизни представляет собой дальнейшую попытку поисков смысла жизни. С древнейших времен смысл жизни усматривали в самых различных вещах, но со временем все яснее становилась ложность разнообразных трактовок

смысла жизни, их конечная несостоятельность. Вплоть до средних веков и даже позднее назначение жизни в общей системе миропорядка считалось известным. Разные люди в различных цивилизациях по-разному решали этот вопрос, но решения эти были настолько сходными, что их можно считать вариантами одного и того же ответа. Простейший ответ сводился к тому, что жизнь имеет смысл в предназначениях всеведущего и всемогущего бога. Волю господню следует исполнять, а если понять, в чем она состоит, подчас затруднительно, то допускаются различные толкования. Но из всех таких ответов правильным может быть лишь один, и каков этот ответ – дано знать не всем, а лишь истинно верующим [23, стр. 207-208]. Они, безусловно, требуют своего дальнейшего изучения и анализа.

Примечания

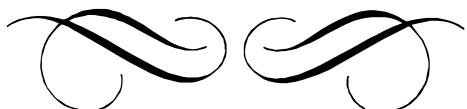
* Так, Европейский суд по правам человека отметил: «Ст. 2 считается одним из основных положений Конвенции. Вместе со ст. 3 Конвенции (рассматривается в разд. 4.2) она также воплощает одну из основных ценностей демократических обществ, составляющих Совет Европы. Поэтому положения этой статьи должны толковаться достаточно определенно». См. McCann and Others v. UK, решение 27 сентября 1995 г. (1996) 21, когда суд определил на решение права на жизнь в отношении расстрела трех террористов, подозреваемых Специальной службой авиации Великобритании (SAS).

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (111) от 10.12.1948 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org>
2. Декларация Каирской встречи на высшем уровне по вопросам прав человека в религии ислама //Бюллетень ОБСЕ/БДИПЧ. – 1997. – Т. 5. – № 2.
3. Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 08.01.2001. № 2. Ст. 163; Бюллетень международных договоров. 2001. – № 3.
4. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека // Российская газета. – 1995. – № 120. 23 июня.
5. Конституции государств Европы: В 3 т. – М., 2001.
6. Конституции зарубежных государств. – М., 1996.
7. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII – XIX вв. – М., 1957.
8. Международный пакт о гражданских и политических правах // Права человека: Сб. нормативных актов. В 7-и томах / Сост. А.М. Диноршоев. – Душанбе, 2009.
9. «Неотъемлемые права» Декларации независимости // 200 лет США. – Вашингтон, 1976.
10. Алексеев Н.Н. Основы философии права / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань 1998. (Мир культуры, истории, философии).
11. Артамонова Г.К., Бабаджанов И.Х., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.И. Социальное назначение права и правовая жизнь человека и общества // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 122-127.
12. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь в аксиологическом измерении // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – №1.
13. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь и право на смертную казнь в юридической теории и практике. – Душанбе: «ЭР-граф», 2011.

14. Бабаджанов И.Х. Право человека на жизнь как юридическая квинтэссенция витальных возможностей человека. – Душанбе, 2010.
15. Бабаджанов И.Х. Правовая жизнь и смерть как правовое состояние и специфическое юридическое явление // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №1. – С. 8-16.
16. Бабаджанов И.Х. Содержание права на жизнь: некоторые вопросы теории и законодательной формализации // Юридический мир. – 2010. – №2.
17. Бабаджанов И.Х., Оль Е.М., Тарайко В.И. Благоприятная окружающая среда и право человека на жизнь // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 122-127.
18. Бабаджанов И.Х., Реуф В.И., Хасanova С.Г. Правовая охрана, идеологическая сущность и ценность восприятия человека, общества и государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 135-147.
19. Безрядин В.И., Сальников П.П., Шхагапсоев З.Л. Юридическое образование как социальная ценность гражданского общества и правового государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 35-42.
20. Горбачев В.Г., Растопчин В.Г., Тищенко В.И. Культурные ценности. – М., 1994.
21. Гроций Г. О праве войны и мира. – М., 1957.
22. Денисов А.И. Общая система социалистической демократии. М., 1975.
23. Джон Бернал. Возникновение жизни / Пер. с английского И.Б. Бухвалова, Ю.И. Лашкевича и К.А. Любарского. Под ред. акад. А.И. Опарина. – М.: Мир, 1969.
24. Кальченко Н.В. Право человека на жизнь. – Волгоград, 2003.
25. Карнаухов С.С. «Интересы» или «ценности»: основная проблема исследований безопасности как государственно-правового феномена // История государства и права. – 2009. – №7.
26. Кейзеров Н.М., Шамба Т.М. Интеллектуальная собственность и культурные ценности (проблемы социально-правовой защиты). – М., 1994.
27. Ковалев М.И. Право на жизнь и право на смерть // Государство и право. – 1992. – №7.
28. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – СПб., 1898.
29. Косарев А. Ценности и оценки в истории государства и права // Юридическое образование. – 2006. – №4.
30. Красавчикова Л.О. Личная жизнь граждан под охраной закона. – М., 1983.
31. Кудрявцев В.Н. Право как элемент культуры // Право и власть. – М.: Прогресс, 1990.
32. Линник Л.Н. Правовое понятие жизни // Право и жизнь. Независимый научно-популярный журнал. – М., 1994. – № 4.
33. Линник Л.Н. Конституционное право гражданина РФ на жизнь: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1993.
34. Локк Дж. Два трактата о правлении // Дж. Локк. Соч. В 3-х т. Т. 3. – М., 1988.
35. Мамут Л.С. Государство в ценностном измерении. – М., 1998.
36. Мартышин О.В. Проблемы ценностей в теории государства и права // Государство и право. – 2004. – №10. – С. 5-15.
37. Матузов Н.И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов // Правоведение. – 1998. – № 1.
38. Мигнас И.А. Юридические гарантии личной безопасности граждан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000.
39. Монтескье Ш. О духе законов // Ш. Монтескье. Избранные произведения. – М., 1955.
40. Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / Сост. В.Г. Графский. – М., 2006.
41. Неновски Н. Право и ценности. – София: Болгарская академия наук, 1983.
42. Новгородцев П.И. Введение в философию права. – М., 1909.
43. Новгородцев П.И. Введение в философию права. – Т II. Кризис современного правосознания. – М., 1909.
44. Новгородцев П.И. Введение в философию права: Кризис современного правосознания / Отв. ред. В.П. Сальникова, Ю.А. Сандулов. – Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 2000. (Мир культуры, истории, философии).
45. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учении о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. – М., 1901.
46. Новгородцев П.И. Политические идеалы Древнего и Нового мира. – Вып. 1-2. – М., 1913-1914.
47. Новгородцев П.И. Право и нравственность // Правоведение. – 1995. – №6.
48. Новгородцев П.И., Покровский И.А. О праве на существование. М., 1863.
49. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
50. Рабинович П.М. Социалистическое право как ценность. – Львов, 1985.
51. Романовский Г.Б. Гносеология права на жизнь. – СПб., 2003.
52. Ромашов Р.А. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – № 1.
53. Ромашов Р.А. Правовая культура современности: от контраста цивилизаций к цивилизационному содружеству / Журнал российского права. – 2008. – №8. – С. 157-163.

54. Рудинский Ф.М. Личность и социалистическая законность. – Волгоград, 1976.
55. Самигуллин В.К. Закат права или переоценка ценностей // Право и политика. – 2005. – №12.
56. Смоленский М.Б. Право и правовая культура как базовая ценность гражданского общества // Журнал российского права. – 2004. – № 11.
57. Тюменева Н.В. Право на жизнь как объект теоретико-правового исследования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2008.
58. Фомиченко Т.М. Конституционно-правовые проблемы обеспечения в РФ права на жизнь в свете правовых стандартов Совета Европы: Дис. канд. юрид. наук. – М., 2004.
59. Фролов И.Т. О человеке и гуманизме. – М.: Политиздат, 1952.
60. Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 5-14.
61. Шамба Т.М. Законность и правопорядок в системе политico-правовых ценностей современной правовой жизни // Научные труды Российского государственного торгового университета. – М., 2004.
62. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М., 1992.
63. Энгельс Ф. Диалектика природы // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собрание сочинений. Т. 20. – С. 635.

АРТАМОНОВА Галия Калимуловна,
профессор кафедры теории и истории государства
и права Санкт-Петербургского университета
Государственной противопожарной службы МЧС
России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: artamonova@mail.ru

ГОРБАШЕВ Вадим Вадимович,
кандидат юридических наук
E-mail: VVG123@mail.ru

КЛИШАС Андрей Александрович,
доктор юридических наук
E-mail: klishas-aa@mail.ru

Специальность 12.00.02 – Конституционное
право; конституционный судебный процесс;
муниципальное право

СИСТЕМА СУДЕБНОГО И КВАЗИСУДЕБНОГО КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В ЕВРОПЕ (КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ): НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению возникновения, формирования и развития системы судебного и квазисудебного конституционного контроля в Европе. Авторы, акцентируя внимание на зарубежном опыте в области конституционного контроля, формулируют и обосновывают предложения, направленные на совершенствование механизма конституционного контроля в России с учетом особенностей ее правовой системы.

Ключевые слова: конституционный контроль; судебный контроль; конституционные нормы; конституционный суд; конституционный надзор.

**ARTAMONOVA G.K.
GORBASHEV V.V.
KLISHAS A.A.**

THE SYSTEM OF JUDICIAL AND QUASI-JUDICIAL CONSTITUTIONAL CONTROL IN EUROPE (CONTINENTAL MODEL): SOME ISSUES OF FORMATION AND DEVELOPMENT

The summary. The article is concerned with consideration of the origin, formation and development of the system of judicial and quasi-judicial control in Europe. The authors focusing on the foreign experience in the area of constitutional control formulate and justify proposals aimed at improving the mechanism of constitutional control in Russia taking into account the peculiarities of its legal system.

Key words: constitutional control; judicial control; constitutional provisions; constitutional court; constitutional supervision.

Необходимость конституционного контроля (всеобъемлющий характер которого должен рассматриваться неотъемлемой частью всего общественно-политического процесса) обусловлена целым рядом – в основном взаимозависимых – причин, в том числе, иерархичностью правовых норм. Концептуально, обоснованность создания механизмов действенного судебного контроля (надзора) за конституционностью нормативных правовых актов и деятельности органов государственной власти приобрела специфический оттенок в связи с победой над фашизмом во II Мировой войне. Актуальным стало требование о «связанности» законодателя требованиями соблюдения основных прав и свобод, гарантированных Конституцией. С этого периода, собственно, органы конституционного, как специализированного, так и неспециализированного контроля рассматриваются в качестве одной из важнейших политico-правовых и институциональных гарантий соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Авторский вывод не только находит подтверждение в теории и практике современного конституционализма [46; 47; 48; 26; 27; 33; 17; 18; 50; 51; 52; 53], но и во многом созвучен с обобщениями тех ученых, которые признают, что сложный и противоречивый процесс становления правового государства в России [8; 9; 13; 19; 22; 23; 32; 35; 38; 39; 10; 28, стр. 11-30; 29, стр. 45-53] делает весьма актуальным сравнительно-правовое исследование его организационных институтов и юридических форм, сложившихся на рубеже веков [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 11; 12; 14; 15; 16; 20; 21; 24; 25; 30; 31; 34; 36; 37; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 49].

Вместе с тем нельзя не признать, что процесс адаптации и приспособления в значительной мере качественно иных, прежде всего, по сравнению с периодом становления современного конституционализма – взаимоотношений государства, общества и отдельных индивидов имел, по целому ряду объективных причин, исключительно бесконфликтный характер. Указанная особенность не только на протяжении многих лет носит перманентный характер, но и присуща в первую очередь государствам романо-германской (континентальной) правовой семьи. Хотя сказанное, в той или иной мере, может быть применимо и к странам, традиционно ассоциируемым с ангlosаксонской системой права. Тем самым все отчетливее начинает проявляться тенденция

своего рода *взаимного проникновения* двух «классических» правовых традиций, в основе которого – лежат принцип разделения властей и система «сдержек и противовесов».

Несмотря на те тенденции, которые стали носить, по существу, общеевропейский характер лишь со второй половины XX века, следует признать, что первый европейский конституционный судебный орган был учрежден в Австрии еще в 1919 году. Судя по всему, применительно к ведущим государствам европейского континента романо-германской правовой традиции речь должна идти о том, что исторически изначальной была форма неспециализированного конституционного контроля. Следует обратить внимание на одно принципиально важное обстоятельство. Несмотря на то, что Австрия не относилась к ангlosаксонской правовой семье, и судебный прецедент (в его, так сказать, традиционном значении) не должен был действовать как источник права, тем не менее, решения, принимавшиеся Конституционным судом в порядке специализированного конституционного контроля, носили нормативный характер.

Более того, без каких-либо существенных ограничений о тенденции, которую вполне допустимо характеризовать как *процесс конвергенции* комплекса базовых элементов двух классических – ангlosаксонской и романо-германской правовых традиций, по всей видимости, можно говорить применительно к «европейской» модели конституционного контроля и конституционного правосудия в целом. С другой стороны, это свидетельствует о том, что с институциональной точки зрения *дифференциация* «американской» и «европейской» моделей судебного конституционного контроля все отчетливее начинает приобретать условный характер. Причем, в той или иной мере, постепенное «стирание граней», позволявших с уверенностью идентифицировать соответствующую модель конституционного контроля, обусловлено, судя по всему, вполне объективными причинами, непосредственно связанными с реализацией конституционных принципов становления гражданского общества и формирования демократического правового государства, в контексте чего – роль и значение судебных институтов существенным образом возрастает.

Практическим подтверждением тенденций

подобного рода, служит так называемая «гибридная», или смешанная модель конституционного контроля, в рамках которой рельефно проявляются черты, ранее присущие исключительно той или иной традиционной системе судебной защиты Конституции, основных прав, свобод и законных интересов граждан. Проводя сравнительно-правовой анализ, нельзя не согласиться с выводом, что «смешанная» модель конституционного контроля представляет собой структуру органов конституционного контроля, сочетающую в себе элементы «европейской» и «американской» (в терминологии ряда авторов – традиционной) систем конституционной юстиции, где функции специализированного контроля осуществляются несколькими органами в отношении нормативных правовых актов, имеющих различное происхождение.

Понимание необходимости создания особых контрольных публичных институтов пришло не сразу: наглядным примером служили механизмы конституционного контроля, в течение длительного времени действовавшие в Соединенных Штатах Америки, в основе которых лежала система судов общей юрисдикции. Тем не менее, в ходе столь противоречивых по своему характеру и содержанию процессов развития идей конституционной юстиции, их практической реализации в ряде стран романо-германской (континентальной) правовой семьи, в Западной Европе возникла принципиально иная, по сравнению с североамериканской, «европейская» (или австрийская – отдавая дань государству, в котором традиционный Конституционный суд появился впервые) модель конституционного контроля и конституционного правосудия. Одновременно отметим, что интерпретировать политico-правовой статус, организационную структуру и юрисдикцию органов конституционного контроля, применительно к Европе в целом, как нечто исключительно идентичное, лишенное своеобразия, региональных или национальных особенностей, не совсем корректно и с научной, и с практической

точки зрения. Не в последнюю очередь, если рассматривать отдельные государства, многое зависело от статуса, реального места в государственно-политической системе, степени институциональной и функциональной автономности, независимости и авторитета судебной власти вообще. Так как указанные критерии объективно не могли быть реализованы адекватным образом (не говоря уже об объеме) без учета исторических особенностей и национальных традиций, уровня правосознания отдельных граждан и правовой культуры общества, той или иной формы политического режима («традиционность» и «обыденность» которого нередко не воспринимались в контексте тоталитаризма и недемократичности).

На современном этапе развития конституционализма отчетливо проявляется тенденция к следующему: изменение Основного закона страны формально допустимо парламентским способом, посредством всенародного референдума или при помощи конституанты. Однако наиболее мобильным и часто применяемым способом изменения Конституции последних десятилетий является ее толкование специализированными судебными органами конституционного контроля. Как следствие, толкование Конституций и конституционных законов (в общетеоретическом смысле слова) становится одним из основных направлений деятельности органов конституционного контроля и одной из важнейших сфер их полномочий.

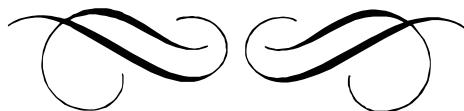
В европейских странах, которые принято ассоциировать с романо-германской (континентальной) системой права, несмотря на тот факт, что прецедент, как правоприменительный акт судебного органа, принимаемый по вопросам конституционного характера, не является – в официально признанной системе источников – одним из видов источников конституционного права, роль и значение функции судебного правотворчества существенно повышается.

Список литературы

1. Азаров А.Я. Защита прав человека. Международные и российские механизмы. – М., 2000.
2. Акимов А.Н., Чекин А.Н. Правовая культура на примере стран романо-германской и ангlosаксонской правовых семей // История государства и права. – 2006. – №10.
3. Александров Р.А., Горленко В.А., Кондрат И.Н., Третьяков И.Л. Россия на рубеже XX – XXI веков: реформа

- судебной системы // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 97-101.
4. Антонов М.В., Поляков А.В. Право и правовые культуры в XXI веке: различие и единство // Правоведение. – 2008. – №2.
 5. Артамонова Г.К., Анохин П.В., Ильичев В.В., Минаков И.А., Рейф В.М. «Сильное государство»: общая характеристика политico-правовой концепции // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 27-34.
 6. Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и geopolитические проблемы. – М., 1997.
 7. Барковская Е.Ю. Мусульманское право и правовая культура. – М., 2001.
 8. Батурина Ю.М., Лившиц Р.З. Социалистическое правовое государство: от идеи к осуществлению. Политико-правовой взгляд. – М.: Наука, 1989.
 9. Беззядин В.И., Сальников П.П., Шхагапсов З.Л. Юридическое образование как социальная ценность гражданского общества и правового государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 35-42.
 10. Бельнов Г.В. Законодательная власть в правовом государстве. – М., 1995.
 11. Бирюкова Л.Г. Правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации как источник права: вопросы теории и практики: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Казань, 2004.
 12. Боботов С.В. Васильев Д.И. Французская модель правового государства // Сов. государство и право. – 1990. – №1.
 13. Боэр В.М., Городенец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алитейя, 1999.
 14. Брежнев О.В. Судебный конституционный контроль в России: проблемы методологии, теории и практики: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2006.
 15. Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. – СПб., 1999.
 16. Визер Б., Будер И. Принцип правового государства в конституционном правосудии Австрии // Государство и право. – 1999. – №11.
 17. Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991 – 2001 гг.): Очерки теории и практики. – М., 2001.
 18. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2011.
 19. Гавриленко Д.А. Правовое государство и дисциплина. – Минск: Наука и техника, 1991.
 20. Гаврилов В.В. Взаимодействие международной и национальных правовых систем и правосознание // Журнал российского права. – 2006. – №2.
 21. Гражданское общество в России: западная парадигма и российская реальность. – М., 1996.
 22. Гражданское общество и правовое государство: предпосылки формирования / Отв. ред. Г.Н. Манов. – М., 1991.
 23. Григонис Э.П. Понятие и основные черты механизма правового государства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2000. – № 2 (6). – С. 51-57.
 24. Дадонов В.Н. Институт правовой ответственности главы государства в современном мире / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2006.
 25. Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы всероссийского научного методологического семинара. 28- 30 июня 2004 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
 26. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М.: Норма, 2007.
 27. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. – М.: Норма, 2010.
 28. Керимов Д.А. Государство и правовое государство // Д.А. Керимов. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. – М.: Издательский дом «Академия», 2007.
 29. Керимов Д.А. Гражданское общество и правовое государство // Д.А. Керимов. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. – М.: Издательский дом «Академия», 2007.
 30. Клишас А.А. Конституционная юстиция в зарубежных странах. – М., 2004.
 31. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование / Под ред. В.В. Еремяна. – М., 2007.
 32. Козлихин И.Ю. Идея правового государства. История и современность. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993.
 33. Кравец И.А. Формирование Российского конституционализма (проблемы теории и практики): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002.
 34. Ломцева М.Л. Российская и американская системы конституционного судебного контроля: сравнительно-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004.
 35. Мамут Л.С. Демократическое правовое государство в России: проблемы становления // Журнал российского права. – 2006. – № 12. – С. 108-116.
 36. Мирзоев С.Б. Становление и развитие конституционного надзора и контроля в Таджикистане: историко-правовое и общетеоретическое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. – Душанбе, 2011.
 37. Михайлова М.Ю. Институт федерального вмешательства в зарубежных странах: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.

38. Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / Сост. В.Г. Графский. – М., 2006.
39. Нерсесянц В.С. История идей правовой государственности. – М., 1993.
40. Несмеянов С.Э. Теоретико-правовое исследование конституционного судебного контроля в Российской Федерации: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004.
41. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (методологические основы geopolитической доктрины России). – СПб., 2006.
42. Тихомиров Ю.А. Государство на рубеже столетий // Государство и право. – 1997. – №2.
43. Холиков К.Н. Конституционный суд Республики Таджикистан: статус, организация и деятельность. – М., 2009.
44. Честнов И.Л. Общество и юриспруденция на исходе второго тысячелетия. – СПб., 1999.
45. Честнов И.Л. Право как диалог: к формированию новой антологии правовой реальности. – СПб., 2000.
46. Шахрай С.М. Глобализация в современном мире: политico-правовые аспекты / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2004.
47. Шахрай С.М. Государство и глобализация: методологические и политico-правовые проблемы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2005.
48. Шахрай С.М. Конституционное правосудие в системе российского федерализма / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
49. Шодиев И.Р. Развитие судебной системы в Таджикистане (вторая половина XIX – начало XXI вв.): Дис. ... канд. юрид. наук. – Душанбе, 2009.
50. Шульженко Ю.Л. Институт конституционного надзора в Российской Федерации. – М., 1998.
51. Шульженко Ю.Л. Конституционный контроль в России. – М., 1995.
52. Шульженко Ю.Л. Правовая охрана Конституции. – М., 1991.
53. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд. – М., 1997.
54. Юдин Б.А., Шульженко Ю.Л. Конституционное правосудие в федеративном государстве (сравнительно-правовое исследование). – М., 2000.

ПОЛИТИКА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ. МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ.

АРТАМОНОВА Галия Калимуловна,
профессор кафедры теории и истории государства
и права Санкт-Петербургского университета
Государственной противопожарной службы МЧС
России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: artamonova@mail.ru

АНОХИН Павел Викторович,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: anokhin@gmail.com

РЕУФ Владислав Маркович,
старший преподаватель кафедры государственно-
правовых дисциплин Самарского юридического
института ФСИН России,
кандидат юридических наук
E-mail: reyf@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению такой политico-правовой категории, как государственный интерес. Авторы, путем комплексного анализа, базируясь на фундаментальных теоретико-прикладных и политico-правовых положениях, акцентируют внимание на актуальных проблемах, связанных с исследованием понимания и использованием термина «государственный интерес», а также приводят и обосновывают свое определение указанного понятия.

Ключевые слова: этимология понятия «интерес»; политico-правовая категория «государственный интерес»; признаки государства.

ARTAMONOVA G.K.
ANOKHIN P.V.
REYF V.M.

STATE INTEREST: THEORY AND PRACTICE

The summary. The article is concerned with consideration of such a political-and-legal category as the state interest. The authors through a comprehensive analysis based on the fundamental theoretical-and-applied and political-and-legal provisions focus on the topical issues related to the study of understanding and the use of the term “state interest” as well as give and justify their own definition of the specified concept.

Key words: etymology of the concept “interest”; political-and-legal category “state interest”; characteristic features of the state.

Термин «интерес» происходит от латинского слова *interest*, т. е. то, что имеет значение, важно. В современном русском языке интерес – это то, что составляет благо кого-либо, чего-либо, служит на пользу кому-, чему-либо; нужды, потребности [3, стр. 672]. Соответственно, применительно к социальным явлениям термин «интерес» можно интерпретировать как *нужды, потребности субъектов общественных отношений*. «Если физический мир, – писал Гельвеций, – подчинен закону движения, то мир духовный не менее починен закону интереса. На земле интерес есть всесильный волшебник, изменяющий в глазах всех существ вид всякого предмета» [1, стр. 34]. Таким образом, интересы – это еще и «реальная причина социальных действий, событий, свершений, стоящая за непосредственными побуждениями – мотивами, помыслами, идеями и т. д. – участвующих в этих действиях индивидов, социальных групп, классов» [5, стр. 213].

Проблема соотношения индивидуальных интересов и интересов социума является одной из важнейших проблем в общественных науках. От ее трактовки в значительной степени зависит направленность той или иной концепции в целом. В этой связи можно выделить два основных, традиционных подхода. В соответствии с первым, главенствующее место отводится нуждам и потребностям личности. В соответствии со вторым подходом приоритетными являются интересы социума.

Отдельные идеи о приоритете интересов социума над интересами индивида можно найти в философских учениях практически всех времен и народов. С появлением первых государственных образований, по мере философского осмысления феномена «государство», начинают формироваться взгляды об его главенствующей роли, о приоритете государственных интересов, как интересов специфического коллективного субъекта, над интересами отдельных людей которые нормально существуют, и развиваются лишь благодаря своей организации в политическое целое. Святая обязанность личности, в рамках данных взглядов часто сводится к служению интересам государства, а в случае необходимости

к принесению себя и своих личных интересов в жертву интересам государственным. Соответствующие идеи в той или иной степени присущи различным политико-правовым концепциям Древней Греции и Древнего Рима, особенно четко они прослеживаются у Платона и Цицерона. Но в целостное политико-правовое учение идеи о государственном интересе сложились намного позже, в период формирования централизованных государств.

Уже в XV веке, необходимость государственного единства становится настолько очевидной, что «государственный интерес» начинает рассматриваться как высшая политическая цель, ради достижения которой хороши все средства. Религия перестает играть заметную роль в политике. Политика перестает связываться с моралью.

Раньше других и, пожалуй, наиболее последовательно эти новые взгляды на государство и политику были выражены у Н. Макиавелли который фактически вскрыл подлинные основы «реалистической» политики государей, укрепляющих и расширяющих свою власть всеми средствами, «дозволенными» и «недозволенными».

Обосновывая необходимость политического объединения феодально-раздробленной Италии под единой верховной властью монарха, Макиавелли высшим политическим интересом провозгласил «интерес государства» (*raison d'etat*), которому должны подчиняться все остальные интересы в обществе. Поэтому государственным интересом, по мнению мыслителя, оправдывается и насилие по отношению к народу [2, стр. 63].

В своем сочинении «Государь» мыслитель нарисовал тип монарха, которому все дозволено ради одной цели – безграничного расширения своей власти. Но, освобождая своего государя от всяких моральных стеснений, Макиавелли мечтал использовать государственную власть в интересах объединения Италии. Для этого все важнейшие сферы человеческой деятельности подчинялись у Макиавелли принципу «государственного интереса».

«Следует иметь в виду, – говорит Макиавелли в своем «Государе», – что есть два рода борьбы;

один – посредством законов, другой – силы. Первый свойственен людям, второй – зверям, но так как первый часто оказывается недостаточным, то приходится прибегать ко второму. Поэтому государю необходимо пользоваться приемами и зверя и человека. Если же государь принужден научиться приемам зверя, то он должен выбрать из числа зверей лису и льва, ибо лев не может защититься от змеи, лиса – от волков. Следовательно, надо быть лисой, чтобы распознать змей, и львом, чтобы расправляться с волками».

«Государю, – заключает Макиавелли, – необходимо обладать духом настолько гибким, чтобы принимать направление, указываемое веяниями и превратностями судьбы, и, как я отметил выше, не уклоняться от пути добра, если это возможно, но уметь вступать и на путь зла, если это необходимо».

О политическом реализме Макиавелли, выросшем из потребностей эпохи, свидетельствует то, что его идеи разделялись крупнейшими политическими деятелями позднего средневековья и нового времени.

Так английский посол во Франции сэр Генри Уоттон так определял в XVI веке функцию посла: «Муж добный, отправленный на чужбину, дабы там лгать на пользу своей страны» [4, стр. 173].

Для крупнейшего государственного деятеля XVII века, кардинала Ришелье, который правил Францией с 1624 по 1642 г., принципы Макиавелли кажутся не лишенными подлинного величия. «Государственный интерес» (*raison d'etat*) господствует у Ришелье в его взглядах и в его практике. «Государство» превыше всего. «Государство» есть ценность, во имя которой все средства хороши, – таков смысл рассуждений Ришелье в его замечательном «политическом

завещании». «Быть суровым, – советует он королю, – по отношению к людям, которые хвалятся тем, что они пренебрегают законами и распоряжениями государства, это значит действовать во имя «общего блага». Христиане должны забывать об оскорблении, наносимых им лично, но правители должны помнить проступки, которые наносят ущерб общему интересу. В самом деле, оставлять их безнаказанными значит совершать их дважды... Бич, который является символом правосудия, никогда не должен оставаться без применения» [4, стр. 173].

В современной юридической науке существует множество трактовок категории «государственный интерес» и ее содержания. По нашему мнению, содержание рассматриваемой категории целесообразно выводить из самих сущностных признаков государства, которые в своей совокупности характеризуют феномен государства, а так же из его функций. Так, например, в качестве важнейших факторов характеризующих государственный интерес можно выделить такие как: государственная безопасность, территориальная целостность, максимально полная реализация публичной политической власти на всей государственной территории, эффективное функционирование государственного механизма, нормальная жизнедеятельность населения, наличие необходимой экономической базы. Необходимо отметить, что все вышеуказанные компоненты, в конечном счете, можно свести к обеспечению государственного суверенитета, его защите от внешних и внутренних деструктивных воздействий. В этом смысле «государственный суверенитет» представляет собой фундаментальное понятие теории государственного интереса.

Список литературы

1. Гельвеций К.А. Об уме. – М., 1938.
2. Макиавелли Н. Государь. – М., 1998.
3. Словарь русского языка: В 4 т. Т.1. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985.
4. Сказкин В.С. Общая характеристика дипломатии и дипломатических органов в XVI – XVIII веках // История дипломатии Т.1. / Под ред. В.П. Потемкина. – М., 1941.
5. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983.

БОНДАРЕНКО Владислав Владимирович,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Национального исследовательского университета
Высшей школы экономики (г. Санкт-Петербург)
кандидат юридических наук
E-mail: vladbond77@gmail.com

Специальность 12.00.03 – Гражданское право;
предпринимательское право; семейное право;
международное частное право

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ СТАТУСА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Аннотация. Статья посвящена анализу такого понятия, как юридическое лицо публичного права. Необходимость данного анализа обусловлена существованием в российском правопорядке юридических лиц с непонятным, с точки зрения действующего законодательства, статусом. Речь идет о государственных корпорациях, Банке России, иных юридических лицах, являющихся собою ярко выраженное опосредованное участие государства в гражданском обороте. При раскрытии данного вопроса активно используется опыт зарубежных правопорядков.

Ключевые слова: публичное и частное право; юридическое лицо публичного права; юридическое лицо частного права; казна; коммуны; публичные корпорации и заведения; юридические лица публичного права, всеобщего признания и специализированные юридические лица публичного права; публичные учреждения; предприятия публичного права.

BONDARENKO V.V.

GENERAL ISSUES OF LEGAL ENTITIES STATUS WITHIN PUBLIC LAW

The summary. The article deals with the analysis of such a concept as public law legal entity. The need for this analysis is caused by the existence in the Russian law order of legal entities with unclear status from the viewpoint of the current legislation. The subject is concerned with government owned corporations, the Bank of Russia, other legal entities which are a distinct representation of indirect state participation in the civil circulation. In revealing this issue the experience of foreign law orders is actively used.

Key words: public and private law; public law legal entity; private law legal entity; treasury; communes; public corporations and institutions; public law legal entities, general recognition and special legal entities of public law; public institutions; public law enterprises.

Понятие «юридическое лицо публичного права» было известно российским дореволюционным [14, стр. 122] и современным ученым [8, стр. 35; 12], оно выделяется и зарубежным законодателем*. Л. Эннекерус к юридическим лицам публичного права относил «юридические лица, которые либо созданы непосредственно в силу закона или административного акта в качестве исполнителей задач публичного характера с тем, что устройство

регламентируется нормой закона, либо такие, которые, осуществляя публичные задачи, хотя бы впоследствии признаются наделенными правами путем закона или административного акта компетентного органа государства» [15, стр. 419]. Исходя из предложенного определения, признаками юридических лиц публичного права являются те, которые: созданы на основе публично-правового акта; преследуют в своей деятельности публичные

цели; могут наделяться властными полномочиями.

Сложность характеристики этих субъектов связана с отсутствием легального определения в отечественном и иностранном праве [9, стр. 295].

Однако правоприменительная практика выявляет необходимость учета особенностей регулирования отношений с участием этих лиц и их права на принадлежащее им имущество.

Страны континентальной Европы, правовая система которых признает деление права на частное и публичное, различают юридические лица частного и публичного права**. Категория «юридические лица публичного права» возникла в Германском праве [10, 13]. Разработчики ГГУ и ШГУ основополагающим критерием при отнесении юридических лиц к категории публичных и частных считали, нормами какого права регулируется само возникновение юридического лица. Так, согласно доктрине, по вопросу о возникновении и устройстве и по вопросу об ограничении юридических лиц публичного права от юридических лиц частного права (обществ, учреждений) решающим являлось не Гражданское Уложение, а публичное Имперское право или право отдельных государств (земель), в зависимости от источника, вызвавшего к жизни юридическое лицо [15, стр. 419]. В подтверждение этого тезиса можно отметить, что понятие «юридическое лицо публично-правовых образований» означает, что данный субъект гражданских правоотношений учрежден на основании законных актов, а не создан в силу гражданско-правовых договоров***.

В отечественной литературе категория юридического лица публичного права также не осталась без внимания. Так, данный термин употреблял Г.Ф. Шершеневич, говоря, что на первом месте среди юридических лиц публичного права находится государство – казна [14, стр. 122]. К основным особенностям юридических лиц публичного права относится наделение их властными публичными полномочиями наряду с предоставлением им права участвовать в гражданском обороте. А.В. Бенедиков отмечал, что в буржуазном законодательстве к юридическим лицам публичного права подходят лишь как к участникам гражданского оборота [2, стр. 636]. Для гражданского права изначально наиболее существенными являются не публичные функции юридических лиц публичного права, а их гражданская правосубъектность [9, стр. 296]. В этой связи М.И. Кулагин сознательно не выделяет

специфические признаки юридических лиц публичного права, при этом он указывает, что такое лицо наделяется государственно-властными полномочиями, что не присуще публичному лицу частного права [8, стр. 31]. В своей работе М.И. Кулагин также отмечает, что особенностями юридических лиц публичного права являются особый порядок назначения управляющих, своеобразие органов. Такие лица выступают как носители государственной воли, носители публичных прав и обязанностей. Общественные отношения с их участием могут регулироваться и гражданским, и административным, и конституционным правом (в качестве примера приводится государственный банк, действующий как управляющий субъект, например, при определении учетной ставки, и как хозяйствующее лицо, когда принимает вклады или учитывает векселя) [8, стр. 33-37].

В этой связи, говоря о юридических лицах публичного права, следует иметь в виду, что речь идет о праве частном, а не об институте публичного права. Действительно, образования публично-правовые, но юридические лица публичного права участвуют в гражданском обороте на основе гражданского права. Вместе с тем существует идея о межотраслевой концепции юридического лица. Аdeptы данного подхода полагают, что она может использоваться любой отраслью права для обозначения субъекта права, отличного от физического лица [12].

В целом, изучая природу юридических лиц публичного права, можно обозначить присущие им общие специфические признаки, не углубляясь в дискуссию об отраслевой или межотраслевой концепции юридического лица.

В германской доктрине среди юридических лиц публичного права выделяются:

- казна. Государство выступает не только как носитель верховных прав и обязанностей, иными словами, как суверен, а также может являться субъектом имущественных прав и обязанностей. В этом своем качестве государство именуется фиском (казной);
- коммуны, местные общины (городские и сельские, округа, провинции и районные союзы);
- публичные корпорации и заведения для педагогических, научных и художественных целей, как университеты и высшие технические школы, гимназии (если они

являются юридическими лицами), академии и т. д.

- многочисленные публично-правовые юридические лица, преследующие хозяйствственные или социальные цели общего характера или служащие интересам известных профессиональных групп. Сюда могут относиться страховые товарищества, занимающиеся социальным страхованием, кредитные общества, торговые и сельскохозяйственные палаты, государственные хозяйствственные предприятия [15, стр. 422-424].

Объединяющим началом для всех юридических лиц публичного права в Германии является порядок их образования, они образуются на основании публично-правового акта, т. е. в распорядительном порядке. Кроме того, следует отметить, что правоспособность данной категории хозяйствующих субъектов, как правило, носит специальный характер.

Французская доктрина также признает существование юридических лиц публичного права [6, стр. 233]. На современном этапе французское право к юридическим лицам публичного права относит юридические лица публичного права всеобщего признания и специализированные юридические лица публичного права.

К первой группе относятся государство и административно-территориальные образования. Юридическими лицами второй группы являются лица специализированные в осуществлении определенной функции. Это публичные учреждения, объединения в публичном интересе, Банк Франции, как частный случай, и в некоторых случаях независимые административные органы, которые обладают правоспособностью.

Для сравнительного анализа с правовым статусом государственных корпораций и государственных «квази-корпораций» наиболее схожей организационно-правовой формой являются публичные учреждения, поэтому остановимся на них несколько подробнее.

Правовой статус учреждений (публичный или частный) в большинстве случаев определен законодательно.

Однако в ситуациях, когда вопрос их правового статуса законодательно не урегулирован, он разрешается в судебном порядке, где анализу подвергаются следующие признаки:

- происхождение учреждения. Если его

основание является следствием закона или административного акта, чаще всего оно имеет публичный характер;

- цель деятельности учреждения. Если это цель всеобщего интереса, это признак публичной природы учреждения;
- отношения между учреждением и администрацией или правительством. Чем в большей мере они являются узкими, тем больше у учреждения шансов иметь публичную природу;
- существование «прерогатив публичной власти» (например, полномочие принятия решений, которые обязательны для управляемых лиц). Если учреждение ими обладает, это чаще всего лицо публичного права.

Ни один из этих признаков не является определяющим: судья использует технику, называемую «пучок признаков» (присутствие многих признаков, идущих в том же смысле), чтобы определить природу учреждения [16; 23].

Публичные учреждения (*Les établissements publics*) – это основные специализированные публичные лица. Правовой режим их деятельности различается в зависимости от того, осуществляют они административные или торгово-промышленные функции.

К последним, в частности, относятся: Национальные железные дороги – SNCF, транспортная сеть Парижа – RATP и т. д.

Общими чертами правового режима публичных учреждений являются.

1. Публичные учреждения – это, как уже было отмечено, публичные лица. Это влечет ряд последствий. В частности, в отношении них невозможны исполнительное производство или процедура судебной санации платежеспособности или ликвидация имущества по решению суда. Кроме того, они не могут использовать арбитраж. Статус публичного лица открывает для публичных учреждений ряд возможностей. Например, их сотрудники могут иметь статус чиновников, а их имущество может находиться под режимом публичной собственности. Но речь идет именно о возможностях, так как их фактическое применение отличается для каждого публичного учреждения.

2. Три принципа применяются ко всем публичным учреждениям.

Первый принцип – автономия. Публичные учреждения – это юридические лица, которые

автономны внутри административного аппарата. Их возглавляют административные советы, состоящие из назначаемых или выборных членов. Они имеют собственный бюджет, который финансируется за счет поступлений от государства или территориальных образований, а часто и за счет оплаты от пользователей услуг, за счет займов, пожертвований и т. д.

Второй принцип несколько оттеняет эту автономию: речь идет о принципе привязки учреждения к территориальному образованию (государство, регион, департамент, коммуна). В результате различают национальные, региональные публичные учреждения, а также публичные учреждения департаментов и коммун. Привязка означает, что публичные учреждения подвергаются контролю, называемому «опека», который осуществляется территориальным образованием, от которого они зависят. Этот контроль (административный и финансовый) очень различен по интенсивности и способам осуществления.

Третий принцип – это принцип специализации, т. е. публичные учреждения обладают специальной правоспособностью, поскольку они могут реализовывать только предметные полномочия, список которых закрыт и которые касаются строго определенных сфер деятельности [17; 18; 19; 20].

В Италии традиционно в качестве одной из правовых форм деятельности предприятий используется форма предприятия публичного права. Так, крупные государственные холдинги (IRI в промышленной области, ENI в нефтяном секторе и т. д.), а также некоторые предприятия, работавшие в режиме монополий (ENEL в области энергоснабжения), получали статус предприятий публичного права. Особенностью их правового статуса является то обстоятельство, что, несмотря на статус юридических лиц публичного права, тем не менее, они выступают обычными участниками гражданского оборота с точки зрения заключения сделок. Однако они не подлежат банкротству в режиме обычного коммерческого предприятия. Их капитал именуется «предоставленным фондом» и принадлежит государству. Государство, в свою очередь, выступает гарантом их долговых обязательств. Совет директоров каждого предприятия назначается Правительством.

Подобным статусом обладает и ряд банков:

Банко ди Наполи, Банко ди Сицилиа, Банко Национале ди Лаворо (Национальный трудовой банк), сберегательные кассы. Контрольным органом деятельности предприятий публичного права является Счетная палата Италии [1, стр. 152-153].

По пути принятия концепции юридических лиц публичного права пошли законодатели ряда стран на постсоветском пространстве.

В 2004 г. вступили в силу новый Гражданский кодекс и первый в истории Украины Хозяйственный кодекс. В качестве одной из безусловных новелл явились урегулирование вопроса о гражданско-правовом статусе юридических лиц, где за основу разработчиками указанного института было взято их разделение на юридических лиц частного и публичного права в зависимости от способа создания. В частности, согласно п. 2 ст. 81 ГК Украины юридическое лицо публичного права создается распорядительным актом Президента, органа государственной власти, органа власти АР Крым или органа местного самоуправления.

В действительности, внедрение подобного института на Украине в настоящее время имеет больше вопросов, чем ответов [3], однако следует отметить, что возникшие проблемы имеют характер правоприменительной практики при недостаточной законодательной регламентации. В целом же внедрение в гражданский оборот института юридических лиц публичного права не воспринимается как категория, требующая «операционного удаления».

Помимо Украины, правовая система Грузии различает юридические лица частного и публичного права. Данное деление признается не только в правовой науке [7, стр. 217; 11, стр. 211], но закреплено также в законодательстве. С одной стороны, ГК Грузии содержит нормы о юридических лицах публичного права****, с другой стороны, ГК закрепляет примерный перечень этих лиц [4]. Кроме того, существует Закон о юридических лицах публичного права*****, согласно которому «юридическое лицо публичного права – это созданная на основе соответствующего закона, указа президента страны либо административного акта органа государственного управления организация, которая под контролем государства независимо осуществляет политическую, государственную, социальную, просветительскую, культурную и иную публичную деятельность».

ГК Грузии содержит нормы, определяющие принципы участия юридических лиц публичного права в гражданско-правовых отношениях. В частности, согласно ст. 8 ч. 2 ГК Грузии, частноправовые отношения органов государства и юридических лиц публичного права с другими лицами также регулируются гражданскими законами, если эти отношения, исходя из государственных и общественных интересов, не урегулированы публичным правом. Кроме того, согласно ст. 24 ч. 3 ГК Грузии, юридические лица публичного права участвуют в гражданско-правовых отношениях так же, как юридические лица частного права. Порядок их создания, организации и деятельности определяется законом. Ст. 25 ч. 1 ГК указывает на то, что правоспособность юридических лиц публичного права, в отличие от правоспособности юридических лиц частного права, является специальной.

Таким образом, ГК Грузии признает существование юридических лиц публичного права, с одной стороны, и предоставляет им возможность участия в гражданско-правовых отношениях наравне с юридическими лицами частного права, с другой стороны.

Основополагающим законом, определяющим правовое положение юридических лиц публичного права, является Закон о юридических лицах публичного права, согласно которому юридическое лицо публичного права может быть создано на основе членства (корпорация публичного права) или путем передачи государственного имущества для осуществления определенных публичных или государственных задач (учреждения). Учреждение не имеет членов.

Юридическое лицо публичного права может быть создано на основе закона, указа Президента страны, административного акта органа государственного управления в прямо предусмотренных законом случаях, нормативного акта высшего исполнительного органа автономной республики. Оно может быть также создано совместно несколькими государственными органами управления.

Юридические лица публичного права могут быть созданы только для осуществления публичных целей и функций, осуществление которых не входит в непосредственную компетенцию государственных органов управления. Юридическое лицо публичного права имеет право осуществлять коммерческую

деятельность, однако только в форме дополнительной деятельности.

В российском законодательстве (в отличие от законодательства ряда зарубежных стран) словосочетание «юридическое лицо публичного права» не используется. Однако, независимо от того, признает или нет возможность их существования отечественный законодатель, де-факто участники гражданского оборота, которые, на основе изложенных особенностей, по сути, являются юридическими лицами публичного права, реально существуют. Наглядное тому подтверждение – множество созданных государством юридических лиц, не соответствующих классическому восприятию организационно-правовых форм, установленных гражданским законодательством. Подтверждением этому являются обозначенные ранее хозяйствующие субъекты, среди которых наиболее выраженными в обозначенном нами контексте, являются государственные корпорации.

Безусловно, создание общего понятия юридического лица публичного права является достаточно сложным, поэтому нам представляется, что, вырабатывая такое понятие, необходимо изначально определить специфические признаки, присущие категории юридических лиц публичного права, трансформируя их впоследствии на государственные и «квази-государственные» корпорации.

Исходя из анализа зарубежной доктрины и практики, в качестве общего признака для всех юридических лиц публичного права в первую очередь следует выделить особый порядок их создания*****. Так, они создаются не в результате соглашения, а в распорядительном порядке. Иными словами, создание происходит посредством волеизъявления органов власти, а не на основе объединения, в результате договоренности лиц или их капиталов. Данное обстоятельство предопределяет те факты, что юридические лица публичного права, действуя на основе публично-правового акта, как правило, не имеют учредительных документов и далеко не всегда нуждаются в государственной регистрации. Если юридическое лицо публичного права принимает свой устав, то, в отличие от юридического лица частного права, его государственной регистрации недостаточно. Устав обычно подлежит утверждению вышестоящим органом власти.

Следующим объединяющим признаком является особый характер деятельности. Юридические лица публичного права преследуют в своей деятельности публично значимые цели, т. е. их целевым назначением является реализация не просто общих, а общественных интересов [12].

Юридические лица публичного права и их органы могут наделяться разными по своему характеру властными полномочиями. Такие полномочия могут иметь и нормоустанавливающий, и распорядительный, и иной характер, но в самом широком понимании это управлеческие полномочия. Они имеют дискреционный характер, что недопустимо для юридических лиц частного права, т. е. решения юридического лица публичного права, принимаемые им (его органами) по усмотрению, но в пределах закона, распространяются на третьих лиц [12].

Юридические лица публичного права имеют особый, отличный от юридических лиц частного права, порядок реорганизации и ликвидации. Кроме того, на них не распространяется законодательство о несостоятельности (банкротстве), регулирующее данную процедуру у юридических лиц частного права, а в ряде случаев и имеет место невозможность банкротства.

Специфическим следует признать характер ответственности, поскольку, наряду с частноправовой, она имеет публичный характер. Зачастую вместо специальной ответственности предусматривается персональная ответственность органов управления.

Юридические лица публичного права, как, впрочем, и частно-правовые, всегда обладают обособленным имуществом, правовой режим которого может иметь различный вещно-правовой характер, однако главенствующим является посыл в использовании его, в первую очередь, не для извлечения прибыли, в процессе хозяйственной деятельности, а для достижения поставленных публично значимых целей. Отличительной особенностью имущества юридических лиц публичного права является и то обстоятельство, что допускается возможность финансирования их деятельности из бюджета.

Исходя из этого, создание юридических лиц публичного права предопределено конкретными социальными, управлеческими и иными публично значимыми целями, правоспособность подобных образований носит специальный характер, в отличие от общего правила общей правоспособности юридических лиц частного права.

Примечание

* Так, §89 Германского Гражданского Уложения назван «Юридические лица публичного права»; в ст. 298 ГК Квебека указывается, что юридические лица бывают как публичного, так и частного права [5].

** Как это встречается в Италии (ст. 11 ГК Италии (*Persone giuridiche pubbliche*), Испании [22, с. 170], во Франции [21, с. 173, 174], в Турции [24, с. 16] и т. д.

*** Норма ст. 300 ГК Квебека устанавливает, что юридические лица публичного права регулируются прежде всего специальными законами, которыми они были созданы [5, стр. 42].

**** О принципах участия юридических лиц публичного права в частноправовых отношениях (ст. 24 ГК) и их правоспособности (ст. 25 ГК).

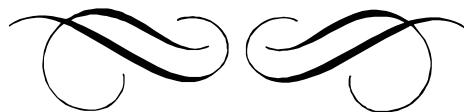
***** Закон был принят 28 мая 1999 г., последние изменения были внесены 22 марта 2005 г.

***** В правовых системах, где государство также признается юридическим лицом, речь идет о признании уже существующего факта (государство в целом, муниципальное образование, коммуна и т. п.). Однако данный аспект выходит за рамки нашего исследования, и мы остановимся на юридических лицах публичного права иного порядка.

Список литературы

1. Альдо Трави. Участие государства в коммерческой деятельности предприятий // Участие государства в коммерческой деятельности. – М.: Юрист, 2001.
2. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. – М.-Л., 1948.
3. Волошин Ю. Некоторые проблемные вопросы статуса юридических лиц публичного права [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pro-zakon.com/node/948>
4. Гражданский Кодекс Грузии. – Тбилиси, 1997.
5. Гражданский кодекс Квебека / Науч. ред. О.М. Козырь, А.А. Маковская. – М., 1999.

6. Жюллио Л. де ла Морандье. Гражданское право Франции. – М., 1958.
7. Зойдзе В. Рецепция европейского частного права в Грузию. – Тбилиси, 2005.
8. Кулагин М.И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо. – М., 1970.
9. Павлодский Е.А. Разграничение права собственности РВ и прав юридических лиц // Право собственности: актуальные проблемы / Отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. – М., 2008.
10. Савельев В.А. Германское гражданское уложение. §89. – М., 1983.
11. Хуба Г. Теория права. – Тбилиси, 2004.
12. Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права. – М., 2007.
13. Швейцарское Гражданское Уложение 10 декабря 1907 года. §597 / Пер. К.М. Варшавский. – Петроград: Тип. «Двигатель», 1915. – 340 с.
14. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М., 1911.
15. Эннекерус Л. Курс германского гражданского права. Т. 1. – М., 1948.
16. AUBY (Jean-Bernard), La notion de personne publique en droit administratif, Thuse, Bordeaux, 1979.
17. CONSEIL D'ETAT, Les établissements publics nationaux — Catégories et spécificités, La Documentation française, coll. Notes et études documentaires № 4784, 1985.
18. DUGRIP (Olivier) et SAIDI (Luc), Les établissements publics nationaux, LGDJ, coll. Systèmes, 1992.
19. DUPUIS (Georges), GUEDON (Marie-José), CHRETIEN (Patrice), Droit administratif, Dalloz, Sirey, 10ème éd. 2007.
20. GUETTIER (Christophe), Institutions administratives, Dalloz, collection Cours, 3ème éd., 2005.
21. Ньюнер, Ulrich, Constantinesco, Vlad, Einführung in das französische Recht. 4. Aufl. Beck. 2001.
22. Іббн, Ібн C., Einführung in das spanische Recht. 1. Aufl. Nomos. 1995.
23. LINDITCH (Florian), Recherche sur la personnalité morale en droit administratif, LGDJ, 1997.
24. Rumpf, Christian, Einführung in das türkische Recht. Beck. 2004.

ДЕМОКРАТИЯ. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ.

ИЛЬИЧЕВ Василий Валентинович,
кандидат юридических наук
E-mail: ilich@ya.ru

РЕУФ Владислав Маркович,
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России,
кандидат юридических наук
E-mail: reuf@yandex.ru

ЗАЦЕПА Олег Олегович,
аспирант кафедры теории и истории государства и права Северо-Западной академии государственной службы
E-mail: teuf@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

НАРОДОВЛАСТИЕ: ОТ ПРАВОВОГО ПРИНЦИПА К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматривается народовластие как основная характеристика демократического правового государства и гражданского общества, роль и место в системе народовластия государственно-правовой идеологии. Авторы прослеживают становление классической концепции народовластия, ее дальнейшее развитие в новых условиях, подчеркивают глобальность борьбы идеологий, каждая из которых берет на вооружение политico-правовые взгляды, основанные на базе ценностей народной власти. «Идея народовластия» выступает объединяющим принципом для правовой идеологии государств различных правовых систем.

Авторы анализируют понятия «народовластие» и «народный суверенитет», «референдум» и «плебисцит», «свободные выборы», «средства прямого народовластия». Они отмечают плюрализм подходов к пониманию феномена народного представительства, исследуют два подхода к определению парламентаризма как высшей формы такого представительства. Приходят к выводу о том, что прямое народовластие и народное представительство неразрывно связаны между собой и являются основой концепции народовластия.

Ключевые слова: народовластие; правовой принцип; государственно-правовая идеология; классическая концепция; народная власть; социальная ценность; правовая система; народный суверенитет; референдум; плебисцит; свободные выборы; плюрализм; парламентаризм.

IL'ICHEV V.V.
REUF V.M.
ZATZEPA O.O.

GOVERNMENT BY THE PEOPLE: FROM LEGAL PRINCIPLE TO THE STATE LEGAL IDEOLOGY

The summary. The article deals with government by the people as the main characteristic of democratic legal state and civil society; the role and place of the state legal ideology in the system of the rule of the people. The authors trace the formation of the classical conception of government by the people, its further development under the new conditions, emphasize the globality of the struggle between ideologies, each of which makes use of political-and-legal views based on the values sources of the people's power. The "idea of government by the people" acts as a consolidating principle for the legal ideology of states representing different legal systems.

The authors analyze the concepts "government by the people" and people's sovereignty", "referendum" and "plebiscite", "free election", "means of direct rule of the people". They notice the pluralism of approaches to understanding the phenomenon of the people's representation, study two approaches to the definition of parliamentarism as the highest form of such representation. They come to the conclusion that the direct rule of the people and people's representation are indissolubly related to each other and present the basis of the people's power conception.

Key words: government by the people; legal principle; state-and-legal ideology; classical conception; people's power; social value; legal system; народный people's sovereignty; referendum; plebiscite; free election; pluralism; parliamentarism.

Идея народовластия как справедливейшей из форм организации государственной власти уходит корнями в тысячелетнюю историю человечества и, вместе с тем, является неотъемлемым элементом правовой идеологии современного государства [21; 22; 20; 23; 27; 9; 11].

Вся история развития государственности, начиная с античных времен, неразрывно связана с борьбой различных, зачастую разительно отличающихся теорий наилучшего возможного воплощения идеалов народной власти. На Европейском континенте развитие концепции народовластия происходило неравномерно.

Пожалуй, средневековые явились тем периодом, когда идеи народовластия почти полностью уступили свое место в политico-правовой теории абсолютной, происходящей от Бога власти (хотя, с другой стороны, именно средние века породили один из важнейших, стержневых элементов конструкции народовластия – парламент). Однако Возрождение и последовавшая за ним череда буржуазных революций вывели развитие идей народовластия на качественно новый уровень.

К концу XVIII века теоретическая база классической концепции народовластия в целом сложилась. Основу ее составили труды французских просветителей, британских идеологов политического либерализма, разработки основателей американского государства.

Вместе с тем, немногим позже, в XIX столетии произошел очередной скачок в развитии политической и правовой мысли, обозначивший появление новой, альтернативной идеологии, претендовавшей на статус истинной теории народовластия – зарождение социализма и коммунизма.

Новейшее время (начиная с середины XX века) ознаменовалось глобальной борьбой идеологий, каждая из которых名义上 являла собой систему политico-правовых взглядов, построенных на базе ценностей народной власти. Этот процесс сопровождался, в частности, закреплением основных постулатов, составляющих принцип народовластия, в актах международного права.

Таким образом, вся история политической и правовой науки, история государства как социального института сопровождались конкуренцией различных теоретических концепций, объединяемых понятием «идея народовластия». Можно смело сказать, что данный принцип является объединяющим для правовой идеологии государств, относящихся к большинству существующих правовых систем [26; 15; 16; 17; 18; 5; 6; 7; 8; 24; 25; 29]. Однако плюрализм самих определений народовластия по сей день остается базой для научной дискуссии.

В литературе отмечается сходство или даже тождественность понятий «народовластие» и

«народный суверенитет». Так, авторы Большого юридического словаря указывают на то, что народовластие «в основном тождественно более употребительному в конституционном праве понятию народного суверенитета» [4, стр. 353]. Данная позиция представляется обоснованной, хотя, по нашему мнению, утверждение о том, что в науке конституционного права (по крайней мере – в отечественной) понятие «народный суверенитет» является более употребительным, спорно. Однако по существу, если исходить из общепринятого понятия суверенитета как верховной власти на собственной территории и независимости в международных делах, авторы настоящей работы готовы согласиться с изложенной выше точкой зрения. Впрочем, констатация тождественности (или крайней схожести) терминов «народовластие» и «народный суверенитет» все же не раскрывает нам саму сущность исследуемого явления.

Как отмечает Д.Ю. Шапсугов, «главным вопросом концепции народовластиия является вопрос о его сущности. В историко-политических теориях различные варианты его решения, как правило, связывались с качественными характеристиками народа, с исследованием осуществляющей им или при его участии власти. Из анализа отдельных институтов, процедур, форм, режима народовластиия, соответствующего политического сознания и политической культуры вытекал ответ на вопрос о его сущности» [28, стр. 66].

Для ответа на поставленный вопрос нам необходимо по отдельности проанализировать ряд институтов, традиционно рассматриваемых в правовой науке как проявление (а иногда и как сама сущность) народовластиия.

Вначале рассмотрим юридический институт, или, скорее, систему институтов, имеющих самое непосредственное отношение к народовластию и, как может показаться, составляющих его суть – непосредственное решение народом важнейших вопросов государственной жизни (прямое народовладение, непосредственную демократию).

Осуществление власти народом непосредственно, безусловно, в наибольшей степени отвечает самому определению «народовластиие». Но, в то же время, широко такой способ не может применяться, во-первых, из-за недостаточной оперативности, и, во-вторых, поскольку решение многих вопросов

государственной политики требует специальных знаний.

Таким образом, даже полномочия, обычно отводимые законодателю, в масштабах современного государства не могут осуществляться непосредственно народом. Не зря Платон, предлагавший осуществлять власть в государстве с привлечением народа, полагал, что территория такого государства должна ограничиваться полисом (городом) с численностью населения в 5040 человек.

Вместе с тем, в государстве, где народ является источником власти и носителем суверенитета, он должен при определенных условиях допускаться к решению важнейших, стратегических вопросов деятельности государства. Институтом, позволяющим народу осуществить данное право, является референдум. Кроме того, законодательство многих государств содержит указание на такие институты, как плебисцит и опрос граждан.

В юридической литературе существуют различные позиции относительно соотношения понятий «референдум» и «плебисцит». Так, французский юрист М. Дюверже отмечает, что референдум – это одобрение реформ, в то время как плебисцит выражает доверие к человеку. В первом случае голосуют за закон, во втором – за человека [цит. по: 10]. М.В. Баглай и В.А. Туманов указывают на идентичность процедур проведения плебисцита и референдума [2, стр. 401-403].

Также популярной является точка зрения о том, что плебисцит имеет своим предметом вопросы внешней политики государства, а референдум проводится по внутриполитическим проблемам. В частности, В.Н. Богатырев высказывает позицию, согласно которой «встречаются довольно часто суждения относительно того, что референдум и плебисцит представляют собой полностью совпадающие понятия. Думается, что это не совсем верно. При всем внутреннем органическом единстве стилистические различия имеют место. Плебисцит призван дать ответ на проблему присоединения или отделения существующего государственно-правового образования себе подобного» [3, стр. 63].

Нам представляется, что в целях нашего исследования вполне приемлемо такие институты, как референдум, плебисцит, иные формы решения общественно-значимых вопросов путем всенародного голосования рассматривать как

единий правовой институт. Полагаем разумным объединить перечисленные правовые явления под общим наименованием «средства прямого народовластия».

Рассматривая инструменты прямого народовластия, необходимо обратиться и к правовой природе выборов. Законодательство большинства государств, не исключая и Россию, говорит о выборах именно как об институте непосредственной демократии. Между выборами и референдумом проводится непосредственная аналогия.

Так, часть 3 статьи 3 Конституции Российской Федерации гласит: «Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы». В литературе референдум и демократические выборы также обычно рассматриваются в неразрывном системном единстве. Например, М.А. Медведев, характеризуя процесс легитимации власти, отмечает, что «непосредственная легитимация подразумевает признание власти непосредственно подвластным субъектом, например, через референдум или выборы...» [13, стр. 21]. В.В. Комарова определяет референдум, как наиболее распространенную форму непосредственного народовластия после выборов[10].

Несомненно, такой подход, нашедший свое отражение в юридической науке и в законодательстве, имеет под собой веские основания. Во-первых, и выборы, и референдум (плебисцит, опрос), безусловно, являются формами выявления воли народа. Во-вторых, сами процедуры подготовки и проведения выборов и референдума имеют много общего: голосованию предшествует период агитации, техническое обеспечение волеизъявления организуют специализированные комиссии, осуществляющие регистрацию избирателей (участников референдума), выдачу бюллетеней, подсчет голосов. В России в соответствии с действующим законодательством подготовкой и проведением федеральных выборов и референдумов руководит один и тот же государственный орган – Центральная Избирательная Комиссия Российской Федерации. Таким образом, как по юридической природе, так и по особенностям процедуры, референдум и выборы – институты родственные.

Вместе с тем, сопоставляя выборы и референдум, следует учитывать принципиальное

различие целей этих институтов. Референдум имеет целью непосредственное решение какого-либо важного для общества вопроса. В данном случае народ заменяет собой органы публичной власти и осуществляет свою власть непосредственно, вместо них.

Выборы же не имеют целью принятие решения по какому-то отдельному вопросу, они направлены на формирование органа или избрание должностного лица, которым народ доверяет дальнейшее осуществление власти. Таким образом, участвуя в выборах, народ с одной стороны, действует как источник власти, но, с другой стороны, не осуществляет власть непосредственно применительно к конкретной ситуации, а делегирует полномочия своим представителям, которым и будет вверена эта власть на определенный период.

Ввиду изложенного, полагаем возможным выделить «узкий» и «широкий» подходы к определению понятия «средства прямого народовластия». Во втором случае это понятие будет охватывать собой и выборы.

Как указывалось выше, использование прямого народовластия (в узком смысле) для оперативного решения широкого круга вопросов государственной жизни (да и вопросов местного значения в муниципалитетах со значительным числом избирателей), невозможно. Кроме того, как отмечает Е.Н. Медведев, «существует ряд серьезных сомнений в целесообразности применения референдума для решения сложных вопросов.

Во-первых, очевидна трудность принятия гражданином решения по сложному вопросу, например о проекте Конституции, состоящем из сотен предписаний, каждое из которых он может оценивать по-разному, а ответить вправе только «да» или «нет» один раз обо всем проекте, полагаясь, как правило, на свое общее впечатление о нем, на мнения и авторитет парламентариев, позиции политических партий и т. д.

Во-вторых, как работа над текстом законопроекта, так и компетентное голосование по вопросу о его принятии очень часто требуют специальных знаний в различных областях, что часто бывает затруднительно для рядового гражданина» [12, стр. 90].

Вместе с тем, набор инструментов прямого народовластия, понимаемый шире и включающий выборы, позволяет осуществлять народный

суверенитет непрерывно – через органы публичной власти, формируемые как непосредственно, так и опосредованно. В связи с этим одной из центральных идей, образующих теорию народовластия, является, безусловно, идея народного представительства.

Как отмечает И.И. Алипулатова, «в политической истории встречались ситуации использования институтов непосредственной демократии в ущерб представительной и наоборот. Ныне также в определенном плане они могут рассматриваться в контексте системы сдержек и противовесов (например, отмена на референдуме принятого парламентом закона). Однако в современном демократическом государстве эти две формы призваны прежде всего дополнять друг друга для обеспечения демократических форм правления и политического режима. Они тесно переплетены друг с другом уже потому, то сами выборы представительных органов являются формой прямого осуществления власти народом» [1, стр. 11].

Исследователи феномена народного представительства отмечают плурализм подходов к определению его природы. На основе синтеза различных подходов к юридической характеристике народного представительства делаются попытки выработать системный подход к данной проблеме. В частности, по мнению С.Н. Мул народное представительство как сложный социально-политический феномен следует рассматривать в трех аспектах:

- в институциональном аспекте под народным представительством понимаются политико-правовые институты, организационные формы, создаваемые в целях проведения народной воли, отражения общесоциальных интересов в политике;
- в функциональном аспекте народное представительство рассматривается как функция, осуществляемая носителями государственной власти, государственно-властными структурами, которые создаются в самых разных целях, причем необязательно определяемых необходимостью проведения общенародной воли;
- в идеологическом аспекте народное представительство интерпретируется как некая идея социальной справедливости, идея такого справедливого управления

обществом и государством, при котором в полной, или, по крайней мере, в максимальной возможной степени проводятся общесоциальные интересы. Интерпретируемая в таком аспекте идея народовластия близка по смысловому содержанию идее демократии как форме правления, создаваемой путем делегирования народом властных полномочий своим избранникам, которые должны использовать эти полномочия исключительно для обеспечения «народного блага» [14, стр. 12].

Таким образом, С.Н. Мул по существу допускает отождествление народного представительства (в идеологическом смысле) с идеей народовластия. Представляется, что такой подход несколько сужает понятие народовластия, сводя его к одной, пусть и важнейшей, идее, входящей в концепцию народного правления.

Как указывает Е.Н. Медведев, «анализируя проблему народовластия с точки зрения исторической ретроспективы, следует отметить, что свое первичное отражение она получила в рамках концепций представительного правления, засатки которой усматриваются в трудах античных мыслителей» [14, стр. 15].

Как греческие (Протагор, Анаксагор, Перикл, Горгий, Демосфен, Платон, Аристотель), так и римские (в частности, Цицерон) мыслители указывали на необходимость народного представительства как одной из основ государственного правления, хотя порядок формирования и деятельности представительных органов понимался, безусловно, по-разному.

Средневековье и эпоха Возрождения ознаменовали переход к новой организационно-правовой форме народного представительства – парламенту. Однако, говоря о парламентаризме как о высшей форме народного представительства, следует учитывать, что появление парламента как государственного органа и оформление парламентаризма разнесены во времени, причем весьма существенно.

Данный подход не раз выражался в работах, посвященных истории представительных органов власти. В частности, С.Н. Мул обоснованно считает, что парламентаризм, в отличие от парламента, зародился в эпоху Нового времени. Исследователь полагает, что обобщив множество взглядов и политico-правовых воззрений, в рамках

которых формировалась общетеоретическая модель парламентаризма, можно выделить ряд существенных признаков, которые характеризуют данный феномен и позволяют отделить его от средневековых институтов социально-политического представительства. К таким признакам С.Н. Мул относит:

- институализацию парламента как представительного органа государственной власти;
- создание соответствующего механизма формирования парламента и прежде всего юридическое закрепление всеобщего избирательного права;
- юридическое закрепление правового статуса политических партий, определение места и роли партий в системе парламентаризма;
- юридическое оформление правового статуса депутата парламента [14, стр. 15].

Обозревая историю народного представительства, необходимо отметить, что в науке существует два подхода к определению парламентаризма как высшей формы такого представительства.

Согласно первой позиции, о парламентаризме можно говорить не во всех случаях, когда в стране существует парламент, а лишь тогда, когда ему принадлежит верховная власть [2, стр. 301].

Как подчеркивает Н.В. Онишко, такой подход нашел широкое распространение в науке. Его сторонники полагают, что парламентаризм возникает и существует тогда, когда парламент наделен полномочиями законодательства, избрания правительства, контроля за его деятельностью, равно как и за деятельность других органов власти, их отставки, а также отставки президента. Только при таком положении парламента в системе органов государственной власти исключается извечное соперничество между законодательной и исполнительной ветвями власти, что обеспечивает единство народного представительства на общегосударственном уровне [19, стр. 10].

Нам представляется, что такая позиция является неоправданной попыткой обосновать преимущественное положение парламентской формы правления перед иными, которые могут воплощать идею народовластия столь же успешно.

Сторонники более широкого подхода считают,

что само наличие в структуре государственной власти представительного органа позволяет говорить о парламентаризме. По мнению Н.В. Онишко «более плодотворным в методологическом плане представляется взгляд на парламентаризм в широком аспекте, предполагающий наличие коллегиального представительного органа, обладающего законодательными (законосовещательными) полномочиями и обсуждающего наиболее значимые общественные проблемы» [19, стр. 11].

Последняя позиция представляется авторам более обоснованной, поскольку верховенство законодательного (представительного) органа по отношению к органам, относящимся к другим ветвям государственной власти, на наш взгляд, не является обязательным признаком народовластия.

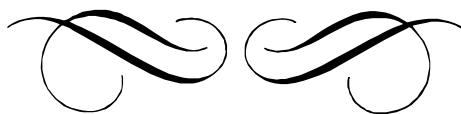
Впрочем, следует оговориться, что о парламентаризме как элементе народовластия можно говорить лишь в случаях, когда представительный орган обладает именно властными (хотя бы и ограниченными), а не исключительно совещательными полномочиями.

Итак, мы приходим к выводу о том, что народовладение в качестве обязательного условия предполагает существование в системе органов публичной власти представительного органа (органов). Такие органы могут составлять многоуровневую систему. В частности в России в силу ее федеративного устройства существуют представительные органы трех уровней: Федеральное Собрание – высший представительный орган государства, законодательные представительные органы государственной власти субъектов Федерации и представительные органы местного самоуправления. Причем последние также можно разделить на два под уровня, поскольку отечественное законодательство предполагает схождение менее крупных муниципальных образований (поселений) в более крупные – районы.

Таким образом, прямое народовладение и народное представительство представляют собой неразрывно связанные основы концепции народовластия. Непосредственное и представительное народовладение при нормальном функционировании политической системы общества являются взаимодополняющими и существуют в симбиотическом единстве.

Список литературы

1. Алипулатова И.И. Парламентаризм в Российской Федерации как основа демократического общества: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 2004.
2. Баглай М.В., Туманов В.А. Малая энциклопедия конституционного права. – М., 1998.
3. Богатырев В.Н. Референдум в системе институтов прямого народовластия России // Становление правового порядка в Российском государстве: реальность и перспектива (социально-правовые проблемы): Сб. науч. ст. / Под. ред. В.И. Новоселова. – Саратов, 1995.
4. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Круских. – М., 2001.
5. Давид Р., Жоффре-Спиноза К. Основные правовые системы современности. – М., 1999.
6. Затонский В.А., Малько А.В. Правовая система – ключевой компонент государственности, качественная основа правовой жизни общества // Российский юридический журнал. – 2007. – №2. – С. 14-23.
7. Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. – Ярославль, 1998.
8. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества. В 2-х томах. – Ярославль, 2005.
9. Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма (2-я половина XIX – начало XX веков: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
10. Комарова В.В. Референдум и сходные формы непосредственного народовластия (соотношение и проблемы) // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 9.
11. Крыгин С.С. Правовоспитательная функция современного российского государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009.
12. Медведев Е.Н. Историко-правовые и теоретические основания формирования и эволюции института народовластия: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004.
13. Медведев М.А. Идейно-теоретические и нормативно-правовые основания легитимации публичной политической власти: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004.
14. Мул С.Н. Социально-исторические условия и концептуальные основания российского парламентаризма: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004.
15. Мятинян М.А. Парламентское законодательство в правовой системе Англии (XI – XX вв.) (историко-правовой анализ): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009.
16. Нерсесянц В.С. История идей правовой государственности. – М., 1993.
17. Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. – М., 1996.
18. Нерсесянц В.С. Правовое государство, личность, законность. – М., 1997.
19. Онишко Н.В. Парламентаризм в России: история становления и эволюции. – СПб., 2002.
20. Рейф В.М. Государственная правовая идеология и ее воздействие на общественное правосознание (теоретико-правовой аспект проблемы) // Вестник академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – №2. – С. 67-72.
21. Рейф В.М. От принципов права к государственной правовой идеологии / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009.
22. Рейф В.М., Сальников П.П. Правовая идеология и правовые идеалы: некоторые дискуссионные аспекты понимания и соотношения // Вестник академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – №3. – С. 89-95.
23. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
24. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. – Саратов, 1994.
25. Синюков В.Н., Григорьев Ф.А. Правовая система. Вопросы правореализации. – Саратов, 1995.
26. Торосян В.Р. Правовая система России в условиях глобализации и межгосударственной унификации правовых стандартов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009.
27. Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и государственность / Автор вступит. ст. В.П. Сальников. – СПб., 1999.
28. Шапсугов Д.Ю. Проблемы теории и истории власти, права и государства. – М., 2003.
29. Шумилов В.М. Правовая система США. – М., 2003.

БАБАДЖАНОВ Исрофил Хусейнович,
председатель суда района Рудаки Республики
Таджикистан,
доцент Таджикского национального университета,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: babadzhanov@yandex.ru

РЕУФ Владислав Маркович,
старший преподаватель кафедры государственно-
правовых дисциплин Самарского юридического
института ФСИН России,
кандидат юридических наук
E-mail: reuf@yandex.ru

ХАСАНОВА Сульета Гидовна,
доцент кафедры уголовного права Адыгейского
государственного университета,
кандидат юридических наук
E-mail: khasanova@gmail.ru

**Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве**

МАТЕРИАЛЬНЫЙ И ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА КАК ОБЪЕКТ ОХРАНИТЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД

***Аннотация.** В статье с аксиологических позиций рассматриваются материальные и духовные потребности человека и общества, как объект охранительных правоотношений. Анализируются два подхода к пониманию объекта правоотношений: монистический и плюралистический. Подчеркивается традиционность выделения этих двух подходов, начиная с классиков русской истории философии права, а завершая современными представлениями теории правоведения. Приводятся многочисленная литература конца XIX – начала XX века и труды современников.*

Авторы понимают под объектом охранительных правоотношений конкретизированную область предмета правового регулирования, включающую материальные и духовные отношения, представляющие социальную ценность, но их мнение – это система осознанных обществом проявлений материального и духовного мира, охраняемых правом.

В этом контексте в статье идет речь о стратегии национальной политики, основанной на гражданском патриотизме. Подчеркивается, что для гражданского общества и правового государства общесоциальной ценностью выступает и образование. Оно играет важную роль в формировании мировоззрения, скрепляющего гражданскую нацию.

Ключевые слова: человек; общество; государство; материальный мир; духовный мир; монистический подход; плюралистический подход; охранительные правоотношения; объект; субъект; право; закон; социальная ценность; национальная политика; гражданский патриотизм; образование; многообразие образовательных программ.

MATERIAL AND SPIRITUAL WORLD OF THE INDIVIDUAL AND SOCIETY AS AN OBJECT OF PROTECTIVE LEGAL RELATIONS: VALUE APPROACH

The summary. Material and spiritual needs of the individual are considered in the article from axiological viewpoints as an object of protective legal relations. Two approaches to understanding of the object of legal relations are analyzed: the monistic and pluralistic ones. The emphasis is made on the traditionality of these two approaches starting with classics of the Russian legal philosophy history and ending with modern representatives of legal science theory. A numerous literature of the late XIX – early XX centuries and works of contemporaries are cited.

The authors understand the object of protective legal relations as a specified area of legal regulation subject including material and spiritual relations which represent a social value, but in their opinion is that this a system of material and spiritual world manifestations realized by the society which are protected by law.

In this context the article focuses on the strategy of national policy based on civic patriotism. It is emphasized that education also acts as all-social value for a civil society and legal state. It is of paramount importance for forming the world-view consolidating the civil nation.

Key words: individual; society; the state; material world; spiritual world; monistic approach; pluralistic approach; protective legal relations; object; subject; law; statute; social value; national policy; civic patriotism; education; diversity of educational programs.

В современной отечественной теоретико-правовой науке, как впрочем, и в дореволюционный период (Г.Ф. Шершеневич, Н.М. Коркунов и др. [12; 17; 18; 19; 59; 72; 48; 75; 6; 52; 47; 2; 3; 61; 21; 53; 62; 44]), традиционно выделяются два основных подхода к пониманию объекта правоотношения: монистический (концепция единого объекта) и плюралистический (концепция множественности объектов) [54]. В контексте монистической концепции единственным возможным объектом правоотношения признается поведение субъекта. Объект, таким образом, представляет собой однородное единство. Такая научная позиция наиболее развернутое выражение и обоснование получила в работах О.С. Иоффе, который исходил из того, что объект правоотношения должен обладать способностью к реагированию на правовое воздействие [8, стр. 82]. Монистической, но нетождественной позиции, придерживается М.Н. Марченко понимая под объектом правоотношений материальные и духовные блага, предоставлением и использованием которых удовлетворяются интересы упомянутой стороны правоотношений [30; 31; 32; 33; 34; 35; 36].

Сторонники плюралистической теории исходят из многообразия объектов правоотношений и их непосредственной зависимости от характера и видов самих правоотношений. По мнению ученых, придерживающихся этой точки зрения, объекты правоотношений столь же разнообразны, сколь многообразны регулируемые правом общественные отношения, т. е. сама жизнь [38; 39; 40; 41; 42; 43; 37]. В этом случае объектами правоотношений выступают материальные и нематериальные блага, поведение и действия субъектов, услуги и их результаты, продукты духовного творчества, ценные бумаги, официальные документы и т. д.

Монистический и плюралистический подходы, к пониманию объекта правоотношения, соответствующим образом детерминируют и понимание видового феномена «объект охранительных правоотношений». В контексте первого подхода, объектом охранительного правоотношения может выступать лишь то, на что направлено охранительное воздействие правовой нормы, выступающей в качестве формально-юридического основания возникновения, существования и изменения правоотношения. Но

воздействовать право может только на поведение людей [7; 14; 22; 23; 24; 25; 49, стр. 2; 50; 65]. При этом как субъективные права, так и юридические обязанности направлены на обеспечение в интересах уполномоченного лица определенного поведения лица обязанного. Поведение же обязанного лица, на которое вправе притязать уполномоченный, как раз и составляет в соответствии с монистическим подходом объект правоотношения [11, стр. 230]. В соответствии с данным подходом объектами охранительных отношений выступают поведенческие установки, возникающие в процессе обеспечения и защиты интересов заинтересованных лиц [4; 45; 55; 66; 67; 68; 69; 73; 74; 56; 16; 26]. В частности в рамках охранительных правоотношений, возникающих у гражданина с государством, субъекты вправе требовать друг от друга соблюдения определенных правил поведения, закрепленных в нормативно-правовых актах и обеспеченных юридическими гарантиями и санкциями.

Основанием критики данного подхода стало то, что он не может быть применен ко всем охранительным правоотношениям (например, в рамках данного подхода не дается убедительного разъяснения тому, как реализуются охранительные отношения, связанные с защитой индивида от вторжения в сферу его частных интересов со стороны самого государства). Поэтому плюралистическая теория объекта правоотношения не сводит последний, только к поведению обязанного лица, а понимает под объектом духовные и материальные блага, представляющие ценность для государства, общества, личности. Эти блага выступают как материальные ценности – *вещи*, а также *продукты духовного творчества, личные неимущественные блага* (жизнь, здоровье, честь, достоинство человека), социальные процессы, например поведение участников правоотношения и его последствия.

Нahождение общих для всех ценностей – важная задача гражданского общества и правового государства, государства-цивилизации, где характер взаимоотношений между людьми определяется общей культурой и общими ценностями. В таком государстве общественная мораль тоже выступает ценностью, как и образование. Важно «выстроить такую модель государства, цивилизационной общности, с таким устройством, – отмечает В.В. Путин, – которая

была бы абсолютно равно привлекательна и гармонична для всех, кто считает Россию своей Родиной» [1].

Обобщение высказываемых в современной юридической науке суждений позволяет заключить, что под объектом охранительного правоотношения понимается, по сути, конкретизированная применительно к отдельно взятому виду взаимодействия между субъектами права область предмета правового регулирования, включающая материальные и духовные отношения, представляющие социальную ценность [8; 9; 13; 15; 20; 27, стр. 45-54; 28; 29; 46; 51; 57; 58; 60; 63; 64; 70; 71, стр. 307-312].

Рассматривая объект охранительного правоотношения в ценностном аспекте необходимо учитывать различие общеупотребительной и философской интерпретаций категории «ценность». «В обыденном понимании ценность – все то, что ценят люди. А для них ценно обычно то, что полезно. С этой точки зрения ценностью могут быть природные и социальные явления, вещи и поступки, даже взгляды и убеждения. Однако при философском взгляде на понятие «ценность» можно заметить, что ценность проявляется через отношение кого-то к тем или иным вещам и явлениям. Этот кто-то признает ценным лишь то, что служит удовлетворению его потребностей и интересов и играет определенную роль в его деятельности, в его жизни. Иначе говоря, в этом случае ценность образует не сама вещь, а лишь ее значение для кого-то» [60, стр. 11]. В указанном значении, объектом охранительного правоотношения является *система осознанных обществом проявлений материального и духовного мира, охраняемых правом*. Эти явления объективной реальности имеют особую общественную значимость, относительно универсальный характер, признаны обществом и в силу этого выступают в качестве критерия публичной оценки поведения индивидуальных и коллективных субъектов социальной деятельности. Таким образом, ценность проявляет себя еще и как свойство объекта, необходимое субъекту ввиду его способности удовлетворять определенную потребность, отвечать конкретному интересу и поставленной цели.

Для современной России такой общенациональной ценностью должна выступить стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме. «Любой человек, –

обратил внимание В.В. Путин, – живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен прежде всего быть гражданином России и гордиться этим. Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства. Однако при этом сами законы государства должны учитывать национальные и религиозные особенности» [1].

Социальной ценностью для гражданского общества и правового государства выступает и юридическое образование [5]. Вообще невозможно переоценить роль образования в обществе. Ему принадлежит огромная роль. Для российского общества несомненным достижением выступает возможность выбора образовательных программ, многообразие образования. Хотя «вариативность, – по мнению В.В. Путина, – должна опираться на незыблемые ценности, базовые знания и представления о мире. Гражданская задача

образования, системы просвещения – дать каждому тот абсолютно обязательный объем гуманитарного знания, который составляет основу самоидентичности народа. И в первую очередь речь должна идти о повышении в образовательном процессе роли таких предметов, как русский язык, русская литература, отечественная история – естественно, в контексте всего богатства национальных традиций и культур» [1]. Образование, выступающее в качестве общесоциальной ценности способно сформировать, способно сформировать мировоззрение, скрепляющее гражданскую нацию. Привлекательность образования и его ценность – мощное средство, мотиватор интеграционного поведения для каждого, живущего в нашей стране. Это путь к такой модели государства и цивилизованного общества, которая является абсолютно равно привлекательной для всех и каждого, кто считает Россию своей Родиной [1].

Список литературы

1. Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – № 7 (5493). 23 января.
2. Алексеев Н.Н. Идея государства. 2-е изд. / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 2001 (Мир культуры, истории, философии).
3. Алексеев Н.Н. Основы философии права / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 1998 (Мир культуры, истории, философии).
4. Асмолов А.Г. Деятельность и установка. – М., 1979.
5. Безрядин В.И., Сальников П.П., Шхагапсов З.Л. Юридическое образование как социальная ценность гражданского общества и правового государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 35-42.
6. Гессен В.М. О правовом государстве. – СПб., 1906.
7. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. – М., 1982.
8. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М.: Норма, 2007.
9. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. – М.: Норма, 2010.
10. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. – Л., 1949.
11. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. – М., 1961.
12. История философии права / Отв. ред. А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб., 1998.
13. Карабанова Т.М. Условия жизни и реальное поведение людей. – М., 1995.
14. Карнаухов С.С. «Интересы или ценности»: основная проблема исследований безопасности как государственно-правового феномена // История государства и права. – 2009. – №7. – С. 18-21.
15. Кейзеров Н.М., Шамба Т.М. Интеллектуальная собственность и культурные ценности (проблемы социально-правовой защиты). – М., 1994.
16. Ковалева Е.Л. Правомерное и противоправное поведение: их соотношение. – М., 2002.
17. Коркунов Н.М. История философии права. – СПб., 1896.
18. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – СПб., 1909.
19. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. Введение и общая часть. – СПб., 1892.
20. Косарев А. Ценности и оценки в истории государства и права // Юридическое образование. – 2006. – №4.
21. Котляревский С.А. Власть и право. Проблемы правового государства / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 2001 (Мир культуры, истории, философии).
22. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. – М., 1978.
23. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. – М., 1982.

24. Кудрявцев В.Н., Малеин Н.С. Закон и пределы правомерного поведения // Сов. государство и право. – 1980. – № 10.
25. Лазарев В.В. Правомерное поведение как объект юридического исследования // Сов. государство и право. – 1976. – № 10.
26. Лукашева Е.А. Социалистическое право и личность. – М., 1987.
27. Мамут Л.С. Государство в ценностном измерении. – М., 1998.
28. Мамут Л.С. Государство: полюсы представлений // Общественные науки и современность. – 1996. – №4.
29. Мартышин О.В. Проблемы ценностей в теории государства и права // Государство и право. – 2004. – №10. – С. 5-15.
30. Марченко М.Н. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // Правоведение. – 2003. – № 1. – С. 186-196.
31. Марченко М.Н. Источники права. – М., 2005.
32. Марченко М.Н. Международный договор как источник современного российского права // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 2004. – № 3.
33. Марченко М.Н. Особенности нормативно-правового договора как источника права // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 2004. – № 1.
34. Марченко М.Н. Проблемы правопонимания в связи с исследованием источников права // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 2002. – № 3.
35. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебское право. – М., 2007.
36. Марченко М.Н. Формы права: проблемы, понятия и значения // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 2002. – № 1. – С. 3-15.
37. Матузов Н.И. Возможность и действительность в правовой сфере // Правоведение. – 2000. – №3. – С. 16-30.
38. Матузов Н.И. Еще раз о принципе «не запрещенное законом дозволено» // Правоведение. – 1999. – №3. – С. 14-31.
39. Матузов Н.И. Коллизии в праве: причины, виды и способы разрешения // Правоведение. – 2000. – №5. – С. 225-243.
40. Матузов Н.И. О праве в объективном и субъективном смысле: гносеологический аспект // Правоведение. – 1999. – № 4. – С. 129-142.
41. Матузов Н.И. Общие правоотношения и их специфика // Правоведение. – 1976. – № 3. – С. 23-33.
42. Матузов Н.И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов // Правоведение. – 1998. – № 1.
43. Матузов Н.И. Теория и практика прав человека в России // Правоведение. – 1998. - №4. – С. 22-35.
44. Михайловский И.В. Очерки философии права. Том 1. – Томск, 1914.
45. Надирашвили Ш.А. Установка и деятельность. – Тбилиси, 1987.
46. Неновски Н. Право и ценности. – София: Болгарская академия наук, 1983.
47. Новгородцев П. Кант и Гегель в их учении о праве и государстве. Два типологических построения в области философии права. – М., 1901.
48. Новгородцев П.И. Введение в философию права. – М., 1909.
49. Нурпесиков Е.К. Психология правомерного поведения. – Алма-Ата, 1984.
50. Оксамитный В.В. Правомерное поведение личности. – Киев, 1985.
51. Оль П.А., Ромашов Р.А., Тищенко А.Г., Шукшина Е.Г. Государство, общество, личность: проблемы совместимости. – М.: Юристъ, 2005.
52. Пахман С.В. О современном движении в науке права. – СПб., 1882.
53. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 2001 (Мир культуры, истории, философии).
54. Поцелуев Е.Л. Понятие объекта правоотношения: Монистическая и плюралистическая теории // Научные труды. Российской академии юридических наук. Вып. 2. В. 2-х т. Т. 1. – М., 2002. – С. 191-198.
55. Прангшвили А.С. Исследования по психологии установки. – Тбилиси, 1967.
56. Психологический механизм юридического поведения личности / Под науч. ред. В.Н. Карташова. – Ярославль: ЯрГУ, 2011.
57. Рабинович П.М. Социалистическое право как ценность. – Львов, 1985.
58. Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – №1.
59. Русская философия права: философия веры и нравственности / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 2007.
60. Самигуллин В.К. Закат права или переоценка ценностей // Право и политика. – 2005. – №12.
61. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 2001 (Мир культуры, истории, философии).
62. Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. 3-е изд. / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 2001 (Мир культуры, истории, философии).

63. Тихомиров Ю.А. Государственность: крах или воскрешение // Государство и право. – 1992. – №9. – С. 11-19.
64. Тихомиров Ю.А. Государство на рубеже столетий // Государство и право. – 1997. – № 2. – С. 24-32.
65. Уздимаева Н.И. Правомерное поведение: понятие, квалификация, мотивы / Под ред. Н.И. Матузова. – Саратов, 2006.
66. Узнадзе Д.Н. Основные положения теории установок. – Тбилиси, 1977.
67. Узнадзе Д.Н. Теория установки. – М., 1997.
68. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. – Тбилиси, 1961.
69. Чавчавадзе Н.Н. Социальное подкрепление как один из факторов формирования установки. – Тбилиси, 1987.
70. Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 5-14.
71. Шамба Т.М. Законность и правопорядок в системе политico-правовых ценностей современной правовой жизни // Научные труды Российского государственного торгового университета. – М., 2004.
72. Шершеневич Г.Ф. История философии права / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 2001 (Мир культуры, истории, философии).
73. Щербакова Н.В. Правовая установка и социальная активность личности. – М., 1986.
74. Щербакова Н.В. Проблемы правовой установки личности. – Ярославль, 1993.
75. Ященко А.С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. – Юрьев, 1914.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОТРЯСЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА. МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ. ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ.

ЧЕРЕПОВ Константин Александрович,
доцент кафедры гражданского права и
гражданского процесса Санкт-Петербургского
государственного инженерно-экономического
университета,
кандидат юридических наук
E-mail: konstan_ch@gmail.ru

Специальность 12.00.14 – Административное
право; административный процесс

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ФОНДЫ КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу деятельности общественных организаций в России. Автор рассматривает различные виды общественных организаций в зависимости от установленных законодательством организационно-правовых форм, а также акцентирует внимание на актуальных проблемах, связанных с нормативно-правовым закреплением функционирования указанных организаций. В статье сформулированы и обоснованы предложения, связанные с осуществлением комплекса мер, направленных на совершенствование института общественных организаций в Российской Федерации.

Ключевые слова: общественные фонды; формы некоммерческих объединений; юридические лица; предпринимательская деятельность; благотворительная деятельность.

CHEREPOV K.A.

PUBLIC ORGANIZATIONS AND FUNDS AS ORGANIZATIONAL-LEGAL FORMS OF NONCOMMERCIAL ASSOCIATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The summary. Article is devoted the analysis of activity of public organizations in Russia. The author considers various kinds of public organizations depending on the organizational-legal forms established by the legislation, and also focuses attention on the actual problems connected with standard-legal fastening of functioning of the specified organizations. Also in article the offers connected with realization of a series of measures, directed on perfection of institute of public organizations in the Russian Federation are formulated and proved.

Key words: public funds; forms of noncommercial associations; legal bodies, enterprise activity; charities.

Некоммерческие организации могут создаваться в любых формах, предусмотренных законом. Действующим законодательством

предусмотрено создание следующих видов некоммерческих организаций.
Общественные организации как добровольные

объединения граждан для удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей также являются юридическими лицами – некоммерческими организациями. Лишь в этом качестве – как участники имущественных, гражданских правоотношений – они приобретают правовой статус, регулируемый нормами гражданского права. ГК РФ не регулирует иные особенности их статуса, включая внутреннюю организацию и структуру управления.

По общему правилу общественные и религиозные организации являются объединениями только граждан.

Общественные организации, являясь некоммерческими организациями, вправе осуществлять предпринимательскую деятельность лишь для достижения целей, ради которых они созданы, и соответствующую этим целям. Члены этих организаций не сохраняют никаких прав на имущество, переданное в собственность этих организаций, что отличает эти организации как от коммерческих, так и от других некоммерческих организаций. Участники не отвечают по обязательствам общественных организаций, в которых участвуют в качестве их членов, а указанные организации не отвечают по обязательствам своих членов.

Предпринимательская деятельность указанных организаций может осуществляться только в пределах уставной правоспособности и в тех формах, которые предусмотрены законодательством. Так, например, общественная организация вправе создавать свои предприятия, деятельность которых также не может выходить за пределы уставной правоспособности самой организации.

Доходы от деятельности некоммерческих организаций, созданных общественными и религиозными организациями, не могут распределяться между членами таких некоммерческих организаций, а направляются на нужды этих юридических лиц.

Общественным объединением является добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное в результате волеизъявления граждан, объединившихся на основе общности интересов, указанных в уставе общественного объединения.

Деятельность общественных объединений должна быть основана на принципах равноправия, самоуправления и законности. Общественные

объединения свободны в определении своей внутренней структуры, целей, форм и методов своей деятельности.

Общественные объединения создаются в целях реализации и защиты гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав и свобод; развития активности и самостоятельности граждан, их участия в управлении государственными и общественными делами; удовлетворения профессиональных и любительских интересов; развития научного, технического и художественного творчества; охраны здоровья населения, участия в благотворительной деятельности; проведения культурно-просветительской, физкультурно-оздоровительной и спортивной работы; охраны природы; расширения международных связей; осуществления иной деятельности, не запрещенной законом.

Общественные объединения создаются по инициативе не менее десяти граждан. Общественные объединения, кроме политических партий и профессиональных союзов, могут быть созданы также другими общественными объединениями.

В процессе создания общественного объединения созывается учредительный съезд (конференция) либо общее собрание, на котором принимается устав общественного объединения (положение, иной основополагающий акт) и образуются руководящие органы.

Общественные объединения в порядке, определяемом законодательством, осуществляют производственную и хозяйственную деятельность и создают лишь в целях выполнения уставных задач предприятия и хозрасчетные организации, обладающие правом юридического лица.

Доходы от производственной и хозяйственной деятельности общественных объединений не могут перераспределяться между членами этих объединений и используются только для выполнения уставных задач, допускается использование общественными объединениями своих средств на благотворительные цели, даже если это не указано в их уставах.

Общественные объединения в зависимости от целей их деятельности, наличия (отсутствия) членов, порядка управления имуществом могут быть созданы в одной из установленных законодательством организационно-правовых форм: 1) общественная организация; 2)

общественное движение; 3) общественный фонд; 4) общественное учреждение; 5) орган общественной самодеятельности.

Общественная организация – основанное на членстве общественное объединение, созданное на основе совместной деятельности для защиты общих интересов и достижения уставных целей объединившихся граждан. Высшим руководящим органом общественной организации является съезд (конференция) или общее собрание. Постоянно действующим руководящим органом общественной организации является выборный коллегиальный орган, подотчетный съезду (конференции) или общему собранию. В случае государственной регистрации общественной организации ее постоянно действующий руководящий орган осуществляет права юридического лица от имени общественной организации и исполняет ее обязанности в соответствии с уставом.

Общественное движение – состоящее из участников и не имеющее членства массовое общественное объединение, преследующее социальные, политические и иные общественно-полезные цели, поддерживаемые участниками общественного движения. Высшим руководящим органом общественного движения является съезд (конференция) или общее собрание. Постоянно действующим руководящим органом является выборный коллегиальный орган, подотчетный съезду (конференции) или общему собранию.

Общественный фонд – один из видов некоммерческих фондов. Представляет собой не имеющее членства общественное объединение, цель которого заключается в формировании имущества на основе добровольных взносов, иных не запрещенных законом поступлений и использовании данного имущества на общественно-полезные цели. Учредители и управляющие имуществом не вправе использовать указанное имущество в собственных интересах. Руководящий орган общественного фонда формируется его учредителями и (или) участниками, либо решением учредителей общественного фонда, принятым в виде рекомендаций или персональных назначений, либо путем избрания участниками на съезде (конференции) или общем собрании.

Общественное учреждение – не имеющее членства общественное объединение, ставящее своей целью оказание конкретного вида услуг,

отвечающих интересам участников и соответствующих уставным целям данного учреждения. Управление общественным учреждением и его имуществом осуществляется лицами, назначенными учредителями (учредителем). В соответствии с учредительными документами в общественном учреждении может создаваться коллегиальный орган. Указанный орган может определять содержание деятельности общественного учреждения, иметь право совещательного голоса при учредителе, но не вправе распоряжаться имуществом общественного учреждения.

Орган общественной самодеятельности – не имеющее членства общественное объединение, целью которого является совместное решение различных социальных проблем, возникающих у граждан по месту жительства, работы, учебы, направленное на удовлетворение потребностей неограниченного круга лиц, чьи интересы связаны с достижением уставных целей и реализацией программ органа общественной самодеятельности по месту его создания. Орган общественной самодеятельности формируется по инициативе граждан, заинтересованных в решении указанных проблем, и строит свою работу на основе самоуправления в соответствии с уставом, принятым на собрании учредителей.

Политическое общественное объединение – общественное объединение, в уставе которого в числе основных целей должны быть закреплены участие в политической жизни общества посредством влияния на формирование политической воли граждан, участие в выборах в органы государственной власти и местного самоуправления.

Фонд представляет собой некоммерческую организацию, создаваемую учредителями в определенных общественно-полезных целях путем объединения имущественных взносов. Фонды – относительно новый вид юридических лиц, успевший, однако, получить на сегодняшний день широкое распространение в России.

По сравнению с другими некоммерческими юридическими лицами фонд обладает определенными особенностями, например, отсутствие членства, возможность юридических лиц быть учредителями фонда, обязанность публиковать отчеты об использовании своего имущества и т. д.

В связи с тем, что фонды не основаны на

членстве участников, последние не только не обязаны участвовать в деятельности организации, но и лишены возможности прямо участвовать в управлении ее делами. Кроме того, фонд является собственником своего имущества, на которое у его учредителя (участников) отсутствуют какие-либо права. Учитывая эти факторы, вполне обоснованным представляются предъявляемые законодателем требования о создании попечительского совета, осуществляющего надзор за деятельностью фонда и его должностных лиц, и обязанность фонда к публичному ведению своих имущественных дел.

Правом учреждать фонд обладают граждане и юридические лица. ГК РФ не устанавливает каких-либо специальных требований к субъектному составу участников фонда. Однако в законах, регулирующих деятельность фондов отдельных видов, определенные ограничения предусматриваются. Так, учредителями общественного фонда могут выступать граждане, а также юридические лица, созданные только в форме общественных объединений. Законодательством прямо определено, что учредителями, членами и участниками общественных фондов не могут быть органы государственной власти и органы местного самоуправления. Запрещается участие в благотворительных фондах органов государственной власти и органов местного самоуправления, государственных и муниципальных унитарных предприятий, государственных и муниципальных учреждений.

Фонд обладает специальной правоспособностью и осуществляет деятельность в соответствии с целями создания, закрепленными в уставе. Таким образом, возможные формы предпринимательской деятельности фонда ограничены. Иначе говоря, специальная правоспособность фонда имеет два проявления: во-первых, он вправе осуществлять только ту некоммерческую деятельность, которая соответствует целям его создания, отраженным в

его уставе, иная деятельность будет признана неуставной; во-вторых, фонд вправе осуществлять только те виды предпринимательской деятельности, которые не противоречат целям его создания, закрепленным в уставе.

По сравнению с другими некоммерческими организациями фонд не обладает правом участвовать в товариществах на vere в качестве вкладчика. Что касается благотворительных фондов, то им запрещено участвовать в хозяйственных обществах совместно с другими лицами. Фонд является собственником своего имущества, а его учредители (участники) не несут ответственность по его долгам. Имущество фонда, оставшееся после его ликвидации и расчетов с кредиторами, не подлежит распределению между учредителями.

Благотворительная или иная общественно-полезная деятельность фондов требует постоянных материальных затрат, которые невозможно обеспечивать при отсутствии членских взносов, так как структура фонда не предусматривает членства. В связи с этим закон позволяет фондам участвовать в предпринимательской деятельности как непосредственно, так и через создаваемые для этих целей хозяйствственные общества. Изменения в уставе фонда, как и его ликвидация, по общему правилу возможны лишь в судебном порядке. При этом для ликвидации фонда законодателем предусмотрены следующие основания:

- 1) если имущества фонда недостаточно для осуществления его целей и вероятность получения необходимого имущества нереальна;
- 2) если цели фонда не могут быть достигнуты, а необходимые изменения целей фонда не могут быть произведены;
- 3) в случае уклонения фонда в его деятельности от целей, предусмотренных уставом.

Ликвидация фонда возможна также и в других случаях, предусмотренных законом.

Список литературы

1. Брагинский М.И. Участие советского государства в гражданских правоотношениях. – М., 1981.
2. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. – М., 1999.
3. Витковичюс Л.П. Гражданская правоспособность советского государства. – Вильнюс, 1978.
4. Гражданское право: Учебник. Том 1. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М., 2001.
5. Гражданское право: Учебное пособие. Ч. 1. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М., 1997.
6. Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: Учебное пособие. – М.: Статут, 2003.

СОЦИОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОГРАММ. ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА.

ИГНАТЬЕВА Ольга Анатольевна,
соискатель кафедры теории, методологии и
истории социологии Санкт-Петербургского
государственного университета
E-mail: olga7919@mail.ru

Специальность 22.00.01 – Теория, методология
и история социологии

РЕКОНСТРУКЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ВЛАСТИ М. ВЕБЕРА И ЕЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация. Статья содержит основные результаты диссертационного исследования, посвященного систематизации политического наследия классика социологии Макса Вебера. В ней раскрывается содержание и авторская методология реконструкции научной концепции, формулируется проблематика изучения работ Вебера, предлагается авторская интерпретация его политических идей, а также раскрывается методологический потенциал полученной концепции как для анализа аналогичных политических теорий, так и для анализа политических практик общества.

Ключевые слова: власть; господство; легитимность; лидерство; харизма; элита; политическая система и культура.

IGNATJEVA O.A.

M. WEBER'S POWER CONCEPTION RECONSTRUCTION AND ITS METHODOLOGICAL MEANING

The summary. The article contains the basic results of PhD research upon systematization of political heritage of sociological classicist Max Weber. It reveals content and author methodology of scientific conception reconstruction, formulates the problems of Weber's work studying, offers author interpretation of his political ideas and shows methodological potential of the created conception either for comparative analysis or political practice analysis.

Key words: power; domination; legitimacy; leadership; charisma; elite; political system and culture.

Творчество Макса Вебера – это вселенная разрозненных идей. «Объем его (Вебера – прим. автора) научных работ, его трудный стиль изложения, обстоятельства, при которых большая часть его работ была опубликована уже после его смерти из незавершенных текстов и заметок, все это делает задачи интерпретатора трудными, но заслуживающими похвалы» [17, стр. 67].

Политические положения Вебера находятся в несистематизированном виде, однако они представляют научный интерес для исследователя, так как он является одним классиков социологии и имеет опыт практической политики. Целью данной статьи является представление авторской концепции идей о власти и господстве Вебера с определением степени их

актуальности, а также выявление методологических возможностей данной концепции.

В социологии отсутствует определенный алгоритм реконструкции, поэтому необходимо определить содержание данной методологической процедуры. С одной стороны, реконструкция может быть «воссозданием» какого-либо феномена в теории. Например, историко-материалистическая концепция родовой истории К. Маркса концептуализирует процесс общественного развития на основании организующего принципа (способа производства). В данном контексте теоретическая реконструкция сближается методологической процедурой воссоздания древнего языка или артефакта по аналогии, которая применяется в лингвистике и археологии. С другой стороны, реконструкция может пониматься как интерпретация идей автора, т. е. их систематизация (реорганизация) по определенному принципу. Например, Ю. Хабермас [13, стр. 115] реконструирует концепцию социальной эволюции К. Маркса на основе принципов (всеобщие структуры действия, ментальности, институализации права и морали) и создает, таким образом, свою, отличную от первоначальной, схему периодизации истории человечества. Поскольку нас интересует реконструкция концепции, то данный термин будет использоваться во втором значении. Следовательно, процедура реконструкции социологической концепции, с одной стороны, допускает некоторую независимость исследователя при выборе направлений анализа, а, с другой стороны, является систематизацией идей первоисточника по определенному критерию, т. е. интерпретацией. Автор осуществляет систематизацию идей Вебера в концепцию на основании руководящего критерия – политическая власть, а ее структуру задает с учетом их статики и динамики (типы господства, принципы реализации и этическая сторона политической власти).

Типология господства Вебера не исчерпывает всего его политического наследия. Источниковой базой концептуализации его идей о власти и господстве являются следующие работы классика «Хозяйство и общество», «Политика как призвание и профессия», «Национальное государство и народнохозяйственная политика», «Парламент и правительство в новой Германии», «Рейхспрезидент», «О буржуазной демократии в России», «Протестантская этика и дух

капитализма» и «Социализм». Положения классика систематизируются вокруг руководящей идеи – политическая власть. В результате получаем трехуровневую концепцию: а). фундаментальных структур власти (типология господства), б). принципов реализации государственной власти (комбинация типов господства, экономически процветающий класс в управлении, развитая политическая культура, территориальная и национальной политика) и в). этических аспектов политической власти («этика ответственности»). Посредством анализа работ представителей немецкого, англо-американского и российского веберианства (В. Шлухтер, М. Лепсиус, Т. Фальпаль, Т. Доу, Ш. Волин, Л. Скафф, П.П. Гайденко, Ю.Н. Давыдов, Р.П. Шпакова) автор выявляет теоретически востребованные идеи Вебера, к которым относятся легально-рациональной господство, партийная харизма и этика ответственности (К.-О. Апель, Ю. Хабермас, Г. Кюнг). Посредством соотнесения с политической практикой развитых стран Великобритании, Германии, а также России автор выявляет актуальные и устаревшие идеи классика. К ним относятся идеи, посвященные типологии господства, принципам реализации государственной власти посредством сочетания легально-рационального и харизматического господства, развития активистской политической культуры, обновления правящей элиты и политики, направленной на поддержание единой национальной идентичности. Утратили актуальность идеи Вебера об экспансиионистской политике, этике ответственности и плебисцитарной демократии.

Трехуровневая концепция идей политической власти М. Вебера является методологическим инструментом, так как задает алгоритм анализа, как в теории сравнения, так и в исследовании общества. При помощи данной концепции автор выявляет общее между политической теорией Вебера и более современными теоретиками власти, такими как М. Фуко, П. Бурдье и Н. Луман.

Если сравнивать подходы М. Вебера и М. Фуко к пониманию политической власти, то можно выделить следующие общие черты в этих концепциях. Во-первых, возникновение бюрократии, индустриального предприятия и дисциплинарного государства является следствием развития капитализма, основной ценностью которого является рациональность

(рентабельность). Однако Вебер анализирует рациональность как способ мышления современного западного общества в то время, как Фуко исследует формы рациональности на практике, его интересуют техники управления людьми. «Начиная с XVII века эта власть над жизнью развивается в двух основных направлениях... Первое фокусируется на теле как машине, его дисциплинировании, оптимизации способностей, использовании сил, параллельном увеличении его полезности и покорности, интеграции в систему эффективного экономического контроля... Второе направление, возникшее позже, фокусируется на особенностях тела, тела как основы биологических процессов: размножения и долголетия, с целью изменения данных показателей» [12, стр. 139]. Во-вторых, дисциплина является общей характеристикой исследуемых Вебером (армия, бюрократия, университет) и Фуко (школа, больница, тюрьма) объектов. Однако в отличие от Вебера, который изучает формальную организацию социальных институтов с использованием официальных источников, Фуко полагает, что суть режима «власти-знания» можно обнаружить только посредством «археологии», которая позволяет вскрыть дискурсивные практики непrivилегированных социальных слоев населения. И, наконец, и типы господства (М. Вебера), и режимы «власти-знания» (М. Фуко) являются системами эксплуатации, охраняемыми государством и поддерживаемые соответствующей структурой управления.

Несмотря на оригинальность концепции власти П. Бурдье, автор устанавливает сходство по некоторым аспектам между ним и М. Вебером. Во-первых, понятие государства у обоих означает поддержание господства за счет возможности использования репрессивных мер. Например, по мнению Бурдье, понятие государства связано с контролем над физическим капиталом принуждения (армией, полицией), т. е. предполагает «установление государственной монополии физического и символического насилия неотделимо от становления поля борьбы за монополию привилегий, связанных с этой монополией» [3, стр. 164]. Вебер же определяет данный политический институт как союз господства одних над другими, поддерживаемый возможностью применения насилия [4, стр. 490]. Далее можно установить определенное сходство

в определении власти. Понятие власти у П. Бурдье связано с символическим превосходством, которое дает право доминирования в соответствующем социальном поле. Доминировать – значит, определять условия игры и поведение других агентов. В этом смысле данная трактовка власти сближается с определением Вебера, для которого власть – это возможность провести свою волю несмотря на сопротивление [18, стр. 122]. Также оба социолога понимают государственный (бюрократический) аппарат как формальную, анонимную структуру, применяемую для управления в интересах общества (нации).

В отличие от М. Вебера, который понимает власть как возможность (способность) к волевому действию, Н. Луман концептуализирует данный феномен как коммуникативное средство и это сближает его Т. Парсонсом, для которого власть является «циркулирующим медиумом». Политическая власть функционирует в обществе, благодаря коммуникативному коду «альтернативы избежания», которая подразумевает возможность использования репрессивных мер и имеет негативные последствия для подчиненного. По мнению Н. Лумана, «возможность распоряжаться контингенцией, сказать «да» или «нет» относительно желаемых кем-то ролей является базисом власти. Эта возможность превращается в основу власти в том случае, если образуются интересы, имущественные состояния или должности, лишение (или умаление) которых функционирует как альтернатива избежания» [9, стр. 25]. Наличие данной коммуникативной альтернативы сближает позиции Н. Лумана и М. Вебера к пониманию сути власти, так как для последнего она носит потенциально репрессивный характер [4, стр. 490]. В отличие от Вебера Н. Луман считает, что использование принудительных мер или реализация «альтернативы избежания» в практической политике является нежелательным действием, так как это подрывает авторитет власти и доверие к ней. Таким образом, вышеупомянутые примеры подтверждают то, что в предложенном виде концепция власти М. Вебера облегчает сравнительный анализ с другими политическими концепциями.

Методологические возможности концепции власти Макса Вебера для анализа политического устройства общества можно проверить на примере политической системы и культуры Германии. Как

говорилось выше, концепция задает направления анализа, т. е. представляет алгоритм. Первый уровень концепции «фундаментальные структуры власти (тиология господства)» позволяет проанализировать форму правления. Германия – это демократическая республика с легально-рациональным господством, в котором присутствуют элементы партийного харизматического господства. Вебер полагает, что для стабильности политической системы в ней необходимо присутствие монарха, который выведен из политической борьбы и является символом политического единства нации. Традиционное господство, представленное властью монарха в современной Германии, не существует, однако должность федерального президента, введенная Основным Законом ФРГ в 1949 году, фактически дублирует политические функции современного британского монарха: «президенту отводятся представительские функции и роль посредника и третейского судьи, стоящего над политической борьбой отдельных партий» [10, стр. 214].

Второй уровень концепции «принципы реализации государственной власти (комбинация типов господства, экономически процветающий класс в управлении, развитая политическая культура, территориальная и национальной политика)» рассматривает направления политики конкретного государства, в данном случае Германии. По уровню развития современная политическая культура Германии приблизилась к Великобритании и, в терминологии Г. Алмонда и С. Вербы, может быть обозначена, как гражданская, однако во времена Вебера в ней преобладали подданнические образцы поведения. Пассивность политического поведения населения Германии можно, с одной стороны, объяснить особенностями господствующих здесь христианских конфессий (лютеранской и католической). Так, например, католицизм поощрял пассивное мировосприятие, по мнению Вебера: «большая «отчужденность от мира», свойственная католицизму, аскетические черты его высших идеалов должны были воспитать в его приверженцах известное равнодушие к земным благам» [5, стр. 23]. Идея Вебера о нахождении у власти экономически влиятельного социального класса в период жизни М. Вебера не выполнялась, так как при высоком уровне индустриального развития у власти стоял класс юнкеров,

переживавший в то время экономический упадок [6, стр. 36]. Сегодня по уровню экономического развития ФРГ находится на стадии постиндустриального общества, а вот соответствует ли этой стадии состав Правительства, т.е. входят ли туда дипломированные интеллектуалы, сказать сложно. Дело в том, что в отличие от Великобритании, где на сайте кабинета министров указывается подробная информация (биография) о каждом его члене, информация о шестнадцати министрах, составляющих Правительство ФРГ, крайне сжата – указывается только принадлежность к политической партии и занимаемая должность [15].

В Германии большое внимание уделяется вопросам национальной идентичности в силу исторических особенностей формирования немецкой государственности. В 1871 г. вновь созданная германская империя состояла из 25 самостоятельных политических образований (четырех королевств, шести великих герцогств, четырех герцогств, восьми княжеств и трех вольных городов – Гамбурга, Бремена и Любека), т. е. единой национальной идентичности в сознании немцев, переживших несколько веков разрозненного существования, не было [8, стр. 21].

Отсутствие единой национальной идентичности, этническая раздробленность сохранялась в Германии и в период Третьего Рейха. Быть может, идея немецких философов, перехваченная и популяризированная руководством НСДАП, об особой миссии немецкого народа была той самой попыткой компенсировать нехватку чувства единой нации и создать иллюзию таковой. Немецкий историк Р. Вагнер пишет: «В своей тоске по «немецкой славе» немец обычно не в состоянии мечтать ни о чем другом, кроме чего-то подобного реставрации Римской империи» [8, стр. 21]. Поражение Германии во второй мировой войне, как ни парадоксально, несколько облегчило задачу с формированием единой национальной идентичности у немцев. Переселенцы со всех районов Германии, гонимые нуждой в промышленно развитые центры, создавали базу для национальной гомогенизации немецкого общества. «Миллионы беженцев стерли прежде еще довольно резко выраженные наследственные профиля швабов или баварцев, нижнесаксонцев или голштинцев и тем самым частично лишили германский федерализм его традиционной этнической базы» [7, стр. 114].

Бурное развитие промышленности ФРГ в послевоенные годы породило тенденцию к приглашению временных низкооплачиваемых и зачастую низко квалифицированных работников (гастарбайтеров) из менее развитых стран (например, Турции). Однако последним так и не удалось разделить единую национальную идентичность с коренными немцами. «Нельзя не заметить, что новая группа населения осталась в германском обществе более или менее чужеродным телом. Ее судьбой стало занимать наименее привлекательные рабочие места и жить в таком социальном окружении, которое не очень-то дружески настроено по отношению к иностранцам» [7, стр. 120]. В целом, немецкая политика по национальным вопросам в отличие от Великобритании не поощряет развитие мультикультураллистских тенденций и носит однозначный характер: «Ассимилируйся или уезжай!» [1, стр. 222]. Исторический опыт агрессивной внешней политики второго и третьего рейха показывает несостоительность теоретического положения Вебера о повышении международного престижа страны путем захвата территорий соседних государств. В первом случае результатом такой политики стало исключение Германии из Лиги Наций и принятие обязательств по выплате контрибуций. Во втором случае Германия потеряла государственный суверенитет и едва не превратилась в сырьевую придаток стран-победительниц. Исходя из этого, сегодня Германия предпочитает проводить мирную внешнюю политику, направленную на защиту внутреннего территориального суверенитета и на интеграцию в международное экономическое, политическое и военное сообщество. Так, ФРГ является равноправным членом Европейского Союза (1957 г.), ООН (1973 г.), НАТО (1955 г.), ОБСЕ, ВТО, МВФ и Большой Восьмерки (1975 г.).

Третий уровень концепции «этические аспекты политической власти («этика ответственности»)» позволяет выявить уровень социальной ответственности государства по отношениям к своим гражданам. Он не идентичен с содержанием «этики ответственности» у Вебера. Связь между «этикой ответственности» Вебера и авторитарным режимом власти прослеживается на основании его концепции «плебисцитарной демократии», так как «плебисцитарный» лидер отвечает за свои действия сам, в то время как народ и партия не имеют право вмешиваться в его

политику [11, стр. 202]. «Этика ответственности» Вебера, по сути, является репрезентацией ценностного релятивизма, так как, с одной стороны, предполагает отход от универсальной этики – «этики убеждения», а с другой стороны, произвольность в выборе терминальных целей политики: «в основном три качества являются для политика решающими... Страсть – в смысле ориентации на существо дела: страстью самоотдачи «делу», тому богу или демону, который этим делом повелевает» [4, стр. 517], т. е. политик может служить как добру, так и злу, но главное с полной самоотдачей. Современный немецкий философ К.-О. Апель [2, стр. 82], изучающий проблемы этики, полагает, что именно моральный релятивизм создал основу для процветания фашизма. Нетрудно заметить, что «этика ответственности», отколотая от универсальной этики – «этики убеждения» является реверансом М. Вебера в сторону ценностного релятивизма. По мнению К.-О. Апеля, для преодоления возможности повторения фашизма необходимо, чтобы нравственные ценности имели универсальный характер, а не приспособливались к контексту ситуации, служа побудительным мотивом к действию через историческую легитимацию, например, как апеллирование нацистов к чувствам долга, солидарности и патриотизма, основанным на великом прошлом Германской империи.

В истории Германии XX века есть практическое воплощение идеи М. Вебера о «политической ответственности» харизматического лидера, который не должен делать различий между добром и злом, а лишь со страстью служить своему делу и ответственно относиться к последствиям своих действий – А. Гитлер с примерами иррациональной политики «ночь длинных вождей» и «хрустальная ночь». Даже «Р. Михельс оправдывал свое решение поддержать Муссолини и итальянский фашизм ссылкой на Вебера» [14, стр. 134]. Ввиду разрушительного влияния политики лидера НСДАП на общество и на мировое сообщество в целом, Германия больше не пользуется рекомендациями Вебера по данному вопросу.

Сегодня этики ответственности – это в первую очередь этика социальной ответственности государства перед своими гражданами. Первоочередная задача каждого государства создать условия для реализации творческого потенциала своих граждан. «Государство обязано

способствовать экономическому и общественному прогрессу всех граждан, ибо в конечном счете развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве» [16, стр. 61]. В этом контексте можно говорить о социальной ответственности власти, которая непосредственно стыкуется с этическими аспектами политической деятельности. В середине XIX века Германия стала первой страной, продемонстрировавшей опыт социальной защиты рабочих, который затем был перенят рядом индустриально развитых стран. Концепция защиты нуждающихся слоев населения постепенно эволюционировала в модель социальной защиты У. Бевериджа, послужившей основанием предвыборной платформы лейбористов в 1945 году.

В отличие политической практики Великобритании с использованием этических кодексов деятельность административного аппарата Германии регулируется на основании общего закона о правовом положении государственных служащих (1971 г.) и Законом о федеральных кадрах, в соответствии с которым на государственную службу принимаются только политические благонадежные граждане Германии, входящие в определенную возрастную категорию. При этом административные должности в министерстве замещаются выпускниками

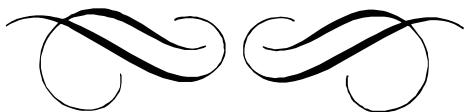
юридических, экономических и социологических факультетов. Штаб управления Германии на две трети рекрутируется из представителей высших средних слоев населения: выходцев из семей крупного бизнеса, высшей и средней бюрократии, а оставшаяся часть формируется из представителей более низких социальных классов. Помимо уже известных категорий правящей элиты в легально-рациональном господстве (политиков и чиновников), в бюрократическом аппарате Германии есть еще и неоплачиваемая должность «почетного чиновника» (выборный консул, присяжный). Представители управленческого аппарата должны выполнять регламентированные функции беспристрастно и объективно на благо общества. Контроль за деятельностью чиновников осуществляют административная юстиция и административные суды. К социальной ответственности власти в Германии относятся программы социального страхования населения.

Таким образом, в результате проведенных исследований идеи политического господства и власти Вебера представлены в систематизированном и доступном виде, т. е. в виде трехуровневой концепции, что позволяет использовать их в сравнительном анализе с другими аналогичными теориями и в качестве направлений анализа политического устройства общества.

Список литературы

1. Антонова В.К. Великобритания обречена на мультикультураллизм или мультикультурализм в Великобритании обречен? // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – № 1.
2. Апель К.-О. Априори коммуникативного сообщества и основания этики // Трансформация философии. – М., 2001.
3. Бурдье П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. – СПб., 1999.
4. Вебер М. Политика как призвание и профессия // М. Вебер. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. – М., 2006.
5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. – М., 2006.
6. Вебер М. Национальное государство и народнохозяйственная политика // Политические работы. – М., 2003.
7. Зонхаймер К. Федеративная республика Германии сегодня. Основные черты политической системы. – М., 1996.
8. Крейг Г. Немцы. – М., 1999.
9. Луман Н. Власть. – М., 2001.
10. Патрушев А.И. Германия в XX веке. – М., 2004.
11. Шпакова Р.П. Легитимность. Уроки Вебера // Вебер, прочитанный сегодня. – СПб., 1997.
12. Foucault M. The History of Sexuality Volume I: An Introduction. – New York, 1980.
13. Habermas J. Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus. – Frankfurt a.M. 1976.
14. Mommsen W. Robert Michels and Max Weber: Moral Conviction versus the Politics of Responsibility // Max Weber and his Contemporaries / Mommsen W., Osterhammel J. – London, 1987.

15. Presse- und Informationsamt der Bundesregierung // <http://www.bundesregierung.de>
16. Stein L. System der Staatswissenschaft. – Osnabrück., 1964.
17. Sterling J., Moore W. Weber's Analysis of Legal Rationalization: a Critique and Constructive Modification // Sociological Forum 1987, № 1. vol. 2.
18. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. – Tübingen., 1972.

БАБИЧЕНКО Ирина Викторовна,
учитель технологии специальной (коррекционной)
общеобразовательной школы №132 г. Санкт-
Петербурга
E-mail: irina7511@mail.ru

Специальность 13.00.01 – Общая педагогика,
история педагогики и образования

ТРУДНОВОСПИТУЕМЫЕ ДЕТИ И ПОДРОСТКИ: ПСИХОЛОГО- ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ РАБОТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Аннотация. В статье рассмотрены психолого-педагогические аспекты трудновоспитуемости детей и подростков, возможности и пути ее преодоления, а также технологии и методики работы педагога с трудными подростками в рамках образовательного учреждения.

Ключевые слова: «трудные» дети; социальная служба; детский психолог; образовательное учреждение; педагогическая запущенность; трудновоспитуемость.

BABICHENKO I.V.

PROBLEM CHILDREN AND ADOLESCENTS: PSYCHOLOGICAL-AND- PEDAGOGICAL WORK IN EDUCATIONAL INSTITUTION

The summary. The article deals with psychological-and-pedagogical aspects of difficulty in education for children and adolescents, possibilities and ways to overcome it as well as techniques and methods of teacher's work with problem adolescents within educational institution.

Key words: problem children; social service; child psychologist; educational institution; educational neglect; difficulty in education.

«Трудный» ребенок – это многогранное понятие, включающее в себя и педагогический, и медицинский, и психологический аспекты.

Эта проблема волнует педагогов и родителей, психологов и юристов, социологов и журналистов. Одной из проблем, связанных с несформированными коммуникативными компетенциями, является неадекватное отношение к миру, самому себе, потеря доверия. Неадекватное, искаженное отношение вызывает затруднения в жизнедеятельности человека. Это не просто препятствует развитию личности ребенка, но и влияет на его психосоциальное здоровье.

К «трудным» обычно относят тех детей, которые характеризуются определенными отклонениями в нравственном развитии, наличием закрепленных отрицательных форм поведения, недисциплинированность Трудные дети плохо

учатся, редко и небрежно выполняют домашние задания, часто пропускают школу. Плохо ведут себя на уроках, часто дерутся. Среди них много второгодников. Их воспитанием в семье обычно занимаются мало. Растут они сами по себе. Нередко вынуждены воровать, попрошайничать. Агрессивны, озлоблены, практически знакомы с теневыми сторонами жизни. Рано начинают курить, употреблять спиртные напитки, приобщаются к наркотикам. Подрастая, сбиваются в организованные группы, совершают кражи, грабежи и даже убийства.

Дети зачастую отражают образ жизни отцов и матерей. Среди причин, порождающих «трудных» подростков, можно выделить следующие:

- отсутствие целенаправленной воспитательной работы с детьми с ранних лет;
- незнание их интересов и потребностей;
- политическая, социально-экономическая и

- экологическая нестабильность;
- усиление влияния псевдокультуры;
 - неблагоприятные семейно-бытовые отношения;
 - отсутствие контроля за поведением детей, безнадзорность, невнимание к детям;
 - чрезмерное попустительство или жестокость наказания за совершенные проступки;
 - сверхзанятость родителей в сфере общественного производства и частного предпринимательства;
 - «эпидемия» разводов;
 - потеря эмоциональных контактов с детьми.

Педагогическая запущенность – это часть общей социальной запущенности. Если поставить вопрос так: виноваты ли только семья и школа в асоциальном поведении детей, то ответ будет отрицательный; виновато общество, не предоставляющее возможностей для нормального функционирования социальных институтов [8, стр. 128].

Трудные дети – это всегда запущенные дети, на которых вовремя не обратили внимания, не приняли своевременных мер к коррекции их поведения. В категорию трудных попадают школьники, выпавшие из процесса нормального обучения и воспитания, у которых не сложились правильные отношения с учителем, которые не нашли своего места в коллективе и социально приемлемых способов в нем утвердятся.

К трудным относятся и недисциплинированные школьники. Их бурная активность, кипучая энергия порой не находят разумного выхода и проявляются в шалостях, озорстве, нарушениях дисциплины. Дурной пример товарищей, праздность, безделье, безнадзорность благоприятствуют развитию недисциплинированности. Для ее преодоления необходимо переключать активность и энергию детей на интересные увлекательные дела, направлять их инициативу в правильное русло.

Если ребенок работает не в полную силу, ленился, лодырничает – он тоже трудный. У нормальных и здоровых школьников должно быть нормальное стремление, потребность, привычка к труду.

Социальная и педагогическая запущенность детей развивается на фоне равнодушного, невнимательного отношения к ним окружающих, родителей, учителей, общественности. Это равнодушие дети глубоко переживают как свое одиночество, ненужность, заброшенность,

отверженность. Возникает чувство протesta по отношению ко всему миру, взрослым, коллективу. Ребенок ищет новые формы самоутверждения, и обычно выбирает те, которые являются неэтичными и даже противоправными.

Большую часть жизни в период с 7 до 17 лет ребенок проводит в школе. Система работы школы должна быть направлена на предупреждение асоциального поведения, коррекции личности трудного ребенка, помочи ему в самоутверждении.

Педагогически запущенных детей можно классифицировать по разным признакам [2, стр. 157] (рис. 1).

На первом этапе работы с «трудными» подростками педагогическая диагностика помогает выяснить причины возникновения трудновоспитуемости, воспитательные возможности семьи и школы, неблагоприятные условия, типичное и своеобразное в духовном мире подростка, уровень его педагогической запущенности, положительные качества, на которые следует опираться в перевоспитании.

Так, изучение причин трудновоспитуемости желательно проводить по следующей схеме:

- что искажено в духовном мире подростка в наибольшей мере и под влиянием каких причин;
- какие неблагоприятные условия существуют в данный момент;
- с какими отрицательными обстоятельствами может справиться сам воспитанник, а какие следует устраниить с помощью семьи и общественности;
- были ли допущены педагогические ошибки по отношению к подростку и как их исправить [10, стр. 27].

После изучения трудного школьника необходимо установить с ним взаимоприемлемый контакт, используя при этом разнообразные методы и приемы педагогического взаимодействия, а также методы перевоспитания.

Второй этап связан с процессом перевоспитания, который предполагает использование методов воспитания и перевоспитания. Каждый метод перевоспитания при определенных условиях вступает во взаимосвязь с соответствующими методами воспитания: переубеждение эффективно при работе классного руководителя по формированию убеждений, перекручивание связано с приучением к деятельности, «реконструкция» характера – с

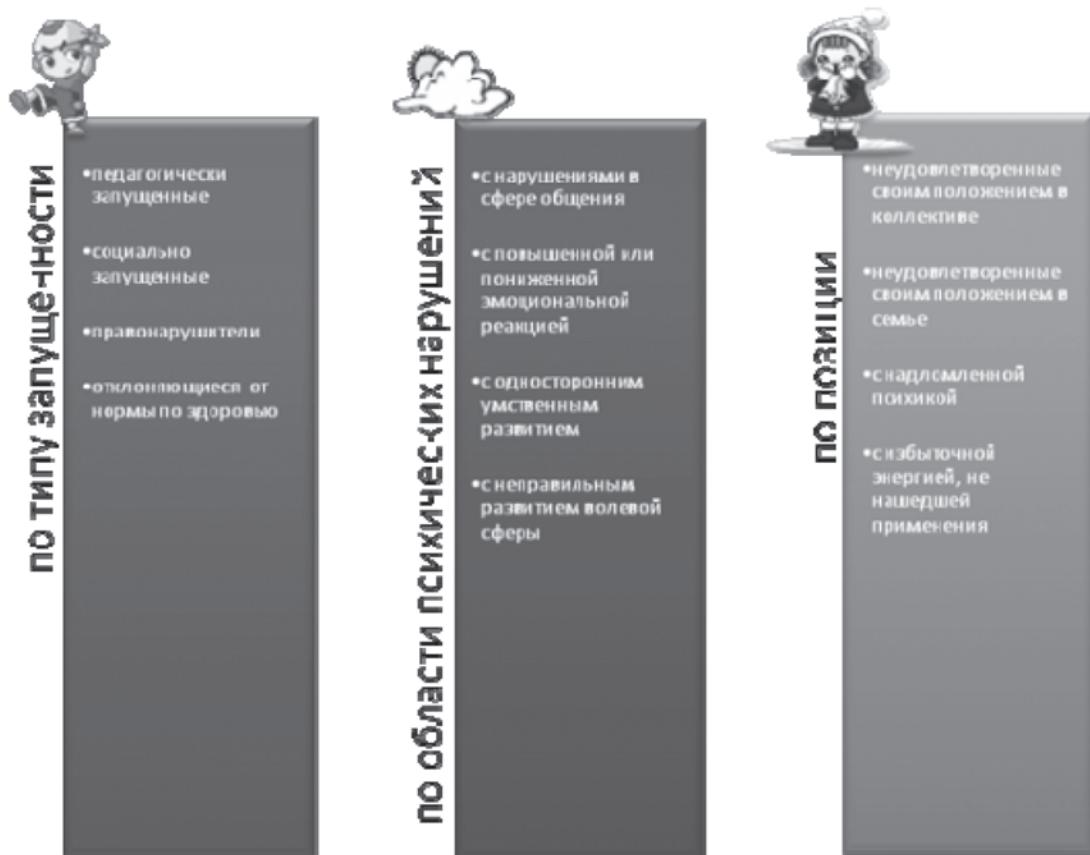

Рис. 1. Система работы классного руководителя с «трудными» учащимися

критикой и самокритикой в коллективе. Ведущим условием действенности специфических методов перевоспитания выступает воспитание в коллективе, взаимовоспитание, а также самовоспитание.

На третьем этапе индивидуальной работы на основе установленного уровня воспитанности учащегося классный руководитель проектирует развитие ценностной ориентации, личностных свойств и качеств школьника. Проектирование развития личности основывается на сравнение наличного уровня воспитанности учащегося с идеальным и осуществляется в процессе составления дифференцированных и индивидуальных программ воспитания и самовоспитания подростка. Работа с личностью отдельного учащегося предполагает также знание воспитателем уровня воспитанности всего класса, так как личность ярче всего проявляется в коллективных отношениях, в общей деятельности.

На четвертом этапе продолжается индивидуальная воспитательная работа, позволяющая определить систему воспитательных воздействий с учетом уровня развития конкретного ученика, его возможностей, способностей, особенностей характера, содержания личностных отношений и потребностей. Для данного этапа характерно использование общих методов воспитания, хотя выбор и система их относительно

конкретной личности согласуются с ее индивидуальными особенностями и программой ее развития. Вместе с тем широко применяются методы индивидуального педагогического воздействия: требование, перспектива, общественное мнение, оценка и самооценка, поощрение и наказание.

Заключительным, пятым этапом индивидуальной работы с трудными подростками является корректирование. Коррекция – это способ педагогического воздействия на личность, способствующий исправлению ее развития, закреплению позитивных или преодолению негативных качеств. Корректирование дает возможность уточнить или пересмотреть коллективные или групповые воспитательные программы, характеристики школьников, а также используется при выборе методов и форм деятельности. Оно завершает индивидуализацию воспитательного процесса и опирается на его результаты. Наиболее эффективными методами и приемами корректирования являются наблюдение и самонаблюдение, анализ и оценка, самооценка и переоценка, контроль и самоконтроль. Все эти методы и приемы используются в комплексе с учетом результатов индивидуальной работы с учащимися [1, стр. 97].

Таким образом, схема процесса следующая (рис. 2):

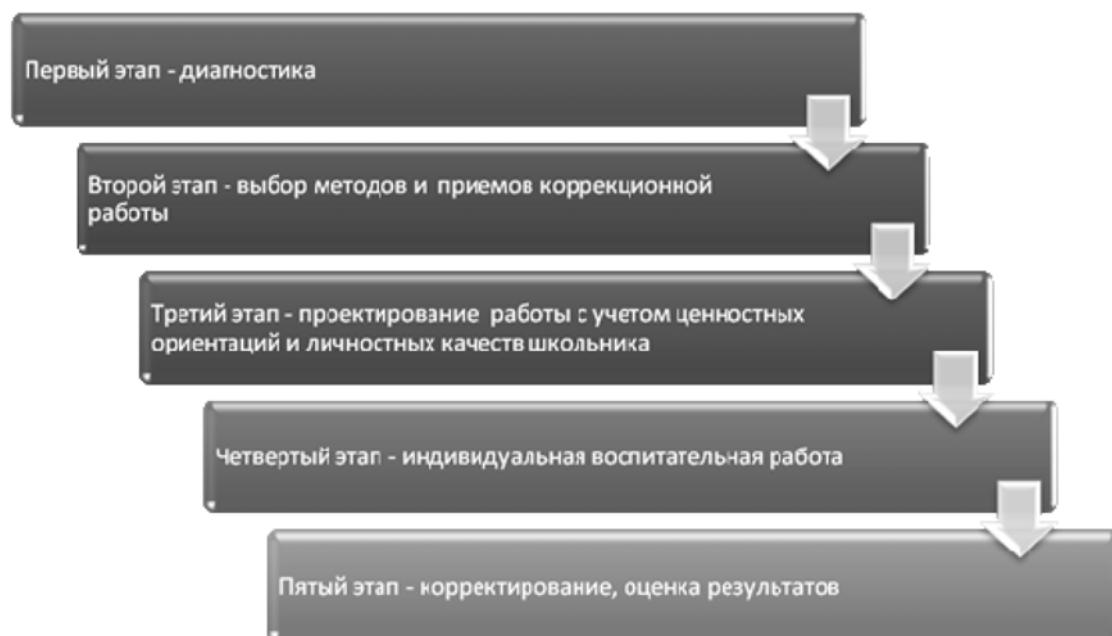

Рис. 2.

Педагогическая поддержка в образовании представляет собой концептуальную модель, разработанную группой ученых под руководством О.С. Газмана. Под «педагогической поддержкой» понимается превентивная и оперативная помощь детям в решении их индивидуальных проблем, связанных с психическим и физическим здоровьем, социальным и экономическим положением, успешным продвижением в обучении, в принятии школьных правил; с эффективной деловой и межличностной коммуникацией, с жизненным, профессиональным, этическим выбором.

Проблему педагогической поддержки подростков с риском социальной дезадаптации

изучали: О.С. Газман, Т.В. Анохина, М. Богуславский, Г.Л. Глейзер, Ж.М. Глозман, Д.В. Григорьев, Г.Б. Корнетов, Н. Крылова, Н.Н. Михайлова, Н.А. Рычкова, С.Н. Юсфин, З.Г. Ягудин и др.

В настоящее время теоретические аспекты педагогической поддержки продолжают разрабатываться. Под ней понимается система педагогической деятельности, раскрывающая личностный потенциал школьника, включающая помочь ученикам, родителям в преодолении социальных, психологических, личностных трудностей (О.С. Газман, В.П. Бедерханова, С.Д. Поляков, И.С. Якиманская, И.Д. Фрумин).

Задачи классного руководителя в работе с «трудными» семьями [составлено по: 4, стр. 413-416]

Типы проблемных семей	Задачи классного руководителя
Семьи, в которых «трудные» родители. Это, например, одинокая мать, которой ребенок мешает устроить личную жизнь. Атмосфера, царящая в такой семье, – холодность, безразличие, отсутствие духовного контакта	Расположить мать к себе, заручиться доверием; если она отнесется к этому настороженно, не спешить обижаться. Попробовать посмотреть на себя глазами матери. Это поможет лучше понять ее и контролировать свое отношение к ней. Заинтересовать судьбой подростка, пробудить ответственность за его будущее. Деликатно, тактично затронуть тему естественного желания матери устроить свою личную жизнь; пробудить потребность в душевных контактах с ребенком, совместном решении повседневных жизненных проблем
Семьи, в которых господствует безнадзорность. В таких семьях родители, как правило, употребляют алкоголь. Для родителей характерны культурная ограниченность, бедность чувств, отсутствие духовных связей с детьми	Терпеливо доказывать родителям пагубное влияние на подростка того образа жизни, который они ведут. Обратить внимание на испытываемые подростком переживания, боль, стыд, обиду за отца и мать. Выяснить, кто из родителей пользуется большим авторитетом в семье, кто может стать опорой в изменении условий жизни. Включить подростка в более широкое общение с окружающими людьми, морально поддержать, установить контроль

Семьи, характеризующиеся педагогической неграмотностью родителей. Родители не понимают детей, обнаруживают полное незнание методов педагогического воздействия, недооценивают значение семейного воспитания, подрывают авторитет школы и учителей	Сформировать у родителей потребность в педагогических знаниях через проведение с ними консультаций, включение их в систематическую работу школы с родителями. Пробудить интерес к самообразованию. Внушить мысль о том, что все дети нуждаются в образованных родителях
Семьи, в которых приоритет отдается материальному благополучию над духовной жизнью. Дети в таких семьях растут эгоистами, излишне практичными потребителями. Родители эти качества поощряют	Изменить жизненную ориентацию родителей. Заинтересовать подростка развитием внутреннего духовного мира. При встречах с родителями дома и в школе использовать косвенное воздействие, опираясь на здоровые интересы
Семьи, в которых родители предъявляют к детям завышенные требования, часто граничащие с жестокостью. Детей часто наказывают физически, в результате чего они растут озлобленными и жестокими	Доказать родителям, что с ребенком надо обращаться как с равным, отказаться от действий с позиции силы. Относиться к ребенку как к человеку, который имеет равные права на самостоятельность и уважение. Доказать, что терпение и снисходительность к ребенку – главное средство в воспитании

Исходный социальный стимул для осуществления школой педагогической поддержки – трудное экономическое положение семьи и низкий культурно-педагогический уровень родителей, не проявляющих должного внимания к воспитанию детей.

В настоящее время предметом педагогической поддержки становится процесс совместного с

ребенком определения его собственных интересов, целей, возможностей и выбор путей преодоления проблем, мешающих ему сохранить свое человеческое достоинство и самостоятельно достичь желаемых результатов в обучении, самовоспитании, общении, образе жизни [5, стр. 313].

Социально-психологическая служба в школе предназначена для организации активного

сотрудничества как администрации, педагогов, учеников и родителей между собой, так и внешних социальных структур с ними для оказания реальной квалифицированной, всесторонней и своевременной помощи детям. В рамках этой службы осуществляется социально-психологическое изучение детей для организации индивидуального подхода к ним, оказывается социально-психологическая помощь детям, родителям, учителям. Проводится психопрофилактическая работа и работа по первичной социально-психологической коррекции и реабилитации.

В ходе социально-психологической работы с педагогами, учащимися и их семьям важно достичь понимания и принятия друг друга. Для ребенка реальны: семья, школа (коллектив формально определенных сверстников), двор (неформальный коллектив сверстников, который он выбрал сам).

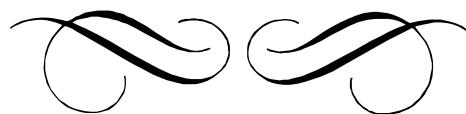
Объектом работы социального педагога и психолога является каждый учащийся школы, и особое место занимает социально

дезадаптированный ребенок и подросток, для которого значимыми могут быть только конструктивные контакты с взрослыми, контакты – адекватные и взаимные. Поэтому в работе с детьми необходимо убедить их, что действительно важно понимание их мотивов и проблем, только тогда можно говорить о результативной деятельности.

Знание структуры и содержания профессионального мастерства и педагогического инструментария необходимо каждому социальному педагогу. Формы, средства, методы воспитания очень важны в работе социального педагога с воспитанниками, так как они развивают их личность и воспитывают ее. Кроме этого, педагогу необходимо учитывать индивидуальные особенности и уровень воспитанности подростков. Так как на основе психологической характеристики подростка педагог использует определенные методы воспитания в работе с ним. И именно это является условием эффективности работы специалиста.

Список литературы

1. Волкова Е. Трудные дети или трудные родители. – М., 2002.
2. Гаркуша Ю.Ф. Социальная адаптация и интеграция детей с особыми образовательными потребностями. – М.: Сфера, 2008.
3. Грищенко Л.А. Психология отклоняющегося поведения и задачи педагогической реабилитации трудновоспитуемых учащихся: Учебное пособие. – Свердловск: СИПИ, 2006. – 75 с.
4. Зюбин Л.М. Учебно-воспитательная работа с трудными учащимися. – М.: Академия. – 2008. – 683 с.
5. Кащенко В.П. Педагогическая коррекция: Исправление недостатков характера у детей и подростков. – М.: Владос. – 2008.
6. Резниченко С.И. Проведение индивидуальных коррекционно-развивающих занятий (школа) // Справочник педагога-психолога. Школа. – 2011. – №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://menobr.ru/material/default.aspx?control=15&id=10622&catalogid=1075>
7. Собкин В.С., Абросимова З.Б., Адамчук Д.В., Баранова Е.В. Проявление девиации в подростковой субкультуре // Вопросы психологии. – 2004. – № 3 – С. 3-18.
8. Степанов В.Г. Психология трудных школьников. – М.: Издательский центр «Академия», 2004.
9. Цилуйко М.В. Некоторые технологии преодоления социальной стереотипизации у подростков с отклоняющимся поведением // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. – 2003. – №1. – С. 32-40.
10. Щекочихин Ю.Л. Трудный подросток // СОЦИС. – 2010. – №2

НАЦИОНАЛЬНАЯ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, ФИНАНСОВАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ И ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА, МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ.

КОНДРАТ Елена Николаевна,
доцент кафедры правового обеспечения
управленческой деятельности МГИМО (У) МИД
России,
кандидат юридических наук,
кандидат экономических наук, доцент
E-mail: prokuratura@inbox.ru

Специальность 12.00.04 – Финансовое право;
налоговое право; бюджетное право

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ: ПОНЯТИЕ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Аннотация. В статье рассмотрено понятие и дана общая характеристика регионального финансового контроля. Он выделяется из общегосударственного финансового контроля как отдельное его направление. Появление этого направления вызвано наличием существенных особенностей в организации и правовом регулировании осуществления контроля в субъектах нашей федерации и муниципальных образований.

Автор определяет сущность и содержание регионального финансового контроля, обосновывает необходимость его появления в жизни и научном обороне, прогнозирует результаты введения в научный оборот такого понятия, пытается установить четкие границы его применения. С этой целью в статье представлена многочисленная научная литература, свидетельствующая о том, что многие исследователи обращаются к анализу проблем, имеющих отношение к различным направлениям и даже отраслям наук. Поэтому определение категориального аппарата здесь очень важно.

В статье рассматривается создание и работа контрольно-счетных органов в субъектах федерации, деятельность Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации, ее президиума и рабочих органов (научно-методический совет; экспертно-консультативный совет; учебно-методический совет; этическая комиссия; комиссия по правовому обеспечению контрольно-счетных органов; комиссия по муниципальному финансовому контролю). Высказываются предложения по совершенствованию системы финансового контроля в субъектах и на муниципальном уровне.

Ключевые слова: финансовый контроль; регионы; муниципалитеты; сущность; содержания; правовые категории; ассоциация; границы применения; совершенствование системы.

KONDRAAT E.N.

REGIONAL FINANCIAL CONTROL: THE CONCEPT AND GENERAL CHARACTERISTICS

The summary. The article considers the concept and gives the general characteristic to regional financial control. It is distinguished from the national financial control as a separate area of it. The emergence of this area is caused by the presence of significant peculiarities in the organization and legal regulation of control implementation in constituent entities of our federation and municipal entities.

The author defines the essence and content of regional financial control, justifies the need for its appearance in the life and scientific circulation, makes a forecast for the results of introduction into the scientific circulation of such a concept, tries to establish clear boundaries for application of it. For this purpose the article presents a numerous scientific site literature which indicates that many researchers comes to the analysis of problems associated with various areas and even branches of sciences. Therefore definition of categorical apparatus is very important here.

The article discusses the creation and work of control-counting agencies in constituent entities of the federation, the activities of the Russian Federation Association of control-counting bodies, its presidium and working bodies (the scientific-and-methodological council; the advisory council; the training-and-methodological council; the ethical commission; the commission for legal provision of control-counting bodies; the commission for municipal financial control). There are some proposal given to improve the system of financial control in constituent entities and at the municipal level.

Key words: financial control; regions; municipalities; essence; content; legal categories; association; application limits; system improvement.

Для более детального исследования института финансового контроля в субъектах Российской Федерации И.Б. Лагутин предлагает выделить из системы общегосударственного финансового контроля отдельное его направление – региональный финансовый контроль [14]. Это позволит понять особенности организации и правового регулирования органов внешнего финансового контроля в регионах и на местном уровне путем использования сравнительного метода исследования и аналогии со Счетной палатой Российской Федерации и контрольно-счетными палатами других субъектов Российской Федерации.

Появление понятия «региональный финансовый контроль» вызвано наличием существенных особенностей в организации и правовом регулировании осуществления внешнего финансового контроля на уровне субъектов РФ и муниципальных образований по отношению к Счетной палате Российской Федерации.

Для того чтобы ввести понятие «региональный финансовый контроль» в научный оборот, необходимо:

- а) определить его сущность и содержание;
- б) обосновать необходимость его появления;
- в) увидеть предполагаемые результаты введения в научный оборот такого понятия [14].

Более того, определение нового термина неизбежно повлечет за собой установление четких границ его применения. Ибо очень часто одни и те же исследователи обращаются к анализу проблем, имеющих отношение к различным направлениям и даже наук [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33].

Как известно, каждая наука, в том числе и юридическая, имеет свою систему категорий, понятий и терминов. Для любой науки используемые понятия являются неравнозначными по своей значимости, по степени важности влияния на нее, следовательно, по своей роли в познании процессов, происходящих в данной науке. Исходя из этого, можно сказать, что одни юридические понятия могут быть признаны категориями, а другие – нет.

В целях качественного улучшения правового регулирования финансовых отношений особое значение приобретает теоретическая разработка категории «финансовый контроль».

Это одна из ключевых специализированных категорий финансового права. По мнению И.Б. Лагутина, финансовый контроль – это комплексный институт финансового права, а также важное специальное понятие, включающее в себя такие элементы, как государственный и

муниципальный финансовый контроль, государственный аудит, налоговый контроль, валютный контроль, страховой и банковский надзор и др. Финансовый контроль нельзя считать чисто экономической или юридической категорией – это сложное экономико-правовое образование [14].

Финансовый контроль как категория науки финансового права – это специальная область знаний, связанная с изучением деятельности по контролю за расходованием государственных и муниципальных денежных средств, целесообразностью их использования и соблюдением действующего законодательства в области финансов.

В связи с тем, что понятие «региональный» в российском законодательстве, юридической науке и правоприменительной практике трактуется по-разному*, определимся сначала, что такое региональный финансовый контроль. Представляется, что под региональным финансовым контролем следует понимать деятельность органов внешнего финансового контроля в пределах одного субъекта Российской Федерации.

Термин «региональный» часто применяется и в отношении других направлений финансовой системы государства и муниципальных образований: региональные налоги, региональное имущество и прочее. В ст. 140 Бюджетного кодекса Российской Федерации устанавливается, что «совокупность субвенций местным бюджетам из бюджета субъекта Российской Федерации образуют региональный фонд компенсаций». Понятие «региональный» можно также применять при характеристике консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации – региональный бюджет [14].

По содержанию понятие «региональный финансовый контроль» состоит из внешнего финансового контроля на уровне субъектов Российской Федерации и внешнего финансового контроля на уровне муниципальных образований. И.Б. Лагутин обосновывает это тем, что система организации и правового регулирования этих уровней общегосударственного финансового контроля во многом схожа. Часто местные финансово-контрольные органы в системе представительной власти создаются по подобию контрольно-счетных палат субъекта, в составе которого находится то или иное муниципальное образование. Следовательно, эти уровни власти

как элементы общегосударственного финансового контроля можно рассматривать в комплексе. Такой подход дает возможность понять, как будет в дальнейшем развиваться наиболее слабое звено в системе финансового контроля в нашей стране – контроль на уровне местного самоуправления [14].

Общегосударственный финансовый контроль – это система специализированных и неспециализированных органов финансового контроля на всей территории Российской Федерации (на уровне федерации, субъектов и муниципальных образований). В России на уровне субъектов Российской Федерации сложилась устойчивая система взаимодействия различных органов власти, осуществляющих финансовый контроль. Так, в каждом субъекте Российской Федерации имеются территориальные отделения Федеральной службы финансово-бюджетного надзора (финансово-контрольного органа в системе федеральной исполнительной власти), а также осуществляется финансовый контроль со стороны Счетной палаты Российской Федерации за расходованием бюджетных средств федерального бюджета в регионах. Помимо этого, БК РФ наделяет контрольными полномочиями Федеральное казначейство (ст. 267), также имеющее свои территориальные отделения в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях. Можно сказать, что контрольные органы субъектов Российской Федерации и муниципальных образований взаимодействуют между собой. В целом федеральный и региональный финансовый контроль является элементом единой системы общегосударственного финансового контроля.

Однако с полной уверенностью нельзя назвать эту систему единой, так как имеется множество противоречий в организации и правовом регулировании осуществления финансового контроля за средствами федерального бюджета и бюджетами других уровней бюджетной системы Российской Федерации.

На федеральном уровне в основном дисбаланс существует в распределении полномочий в финансово-контрольной сфере между контрольным органом законодательной власти и контрольными органами исполнительной власти. Счетная палата Российской Федерации считает, что финансовый контроль в системе исполнительной власти изначально неэффективен из-за подчиненности Федеральной службы финансово-бюджетного

надзора Министерству финансов Российской Федерации. В свою очередь, контрольные органы в системе исполнительной власти имеют более богатый опыт работы (существуют более продолжительный промежуток времени), что позволяет им более эффективно осуществлять финансовый контроль в отношении получателей средств федерального бюджета. Кроме того, последние осуществляют контроль над всеми получателями средств федерального бюджета, а Счетная палата Российской Федерации осуществляет проверки выборочно, в основном по отдельным направлениям (национальные проекты, строительство олимпийских объектов и прочее). Поэтому в этом споре «кто лучше» не может быть победителя, так как качество работы оценивают чаще всего сами эти органы, а методика работы и в целом представление о финансовом контроле у этих органов существенно отличаются [14].

Как известно, на уровне субъектов Российской Федерации органы финансового контроля начали создаваться в середине 90-х годов XX в., что дает возможность говорить о сложившейся системе отношений, качественной нормативной базе в ряде субъектов Российской Федерации и об имеющемся опыте работы региональных финансово-контрольных органов. Однако есть и проблемы, связанные с отсутствием четкого разграничения полномочий в финансово-контрольной сфере между субъектом Российской Федерации и муниципальными образованиями этого субъекта и многие другие.

В настоящее время КСО созданы во всех субъектах Российской Федерации. Для координации их работы и для изучения и обмена опытом была создана АКСОР.

По инициативе Счетной палаты Российской Федерации 8 – 9 декабря 2000 года в Москве состоялось Всероссийское совещание руководителей контрольно-счетных органов Российской Федерации, на котором была подписана Декларация о создании Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации в целях укрепления взаимодействия контрольно-счетных органов Российской Федерации, повышения эффективности государственного и муниципального финансового контроля.

Председателем Ассоциации избран Председатель Счетной палаты Российской Федерации Сергей Вадимович Степашин,

ответственным секретарем Ассоциации – заместитель Руководителя аппарата Счетной палаты Российской Федерации Николай Сергеевич Столяров.

Постоянно действующим органом управления Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации является Президиум Ассоциации, в целях укрепления взаимодействия контрольно-счетных органов Российской Федерации, направленного на повышение эффективности государственного и муниципального финансового контроля, созданы рабочие органы Ассоциации:

- Научно-методический совет;
- Экспертный консультативный Совет;
- Учебно-методический Совет;
- Этическая комиссия;
- Комиссия по правовому обеспечению контрольно-счетных органов;
- Комиссия по муниципальному финансовому контролю [24].

На этапе становления деятельность Ассоциации была сосредоточена на разработке концепции развития контрольно-счетных органов, создании во всех субъектах Российской Федерации региональных палат и их вхождении в Ассоциацию, создании отделений в федеральных округах. Образование Ассоциации заложило фундамент для формирования в стране «вертикали» внешнего финансового контроля.

В настоящее время Ассоциация представляет собой авторитетную, деятельность организацию, вносящую весомый вклад в совершенствование внешнего государственного и муниципального финансового контроля.

Ассоциацией регулярно проводятся конференции, семинары и совещания с руководителями и специалистами контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации, на которых обсуждаются такие актуальные проблемы как первоочередные задачи органов внешнего финансового контроля в условиях финансово-экономического кризиса, анализ эффективности антикризисных мер и задачи контрольно-счетных органов, экспертно-аналитическая деятельность контрольно-счетных органов и перспективы развития, роль контрольно-счетных органов в реализации стратегий развития регионов и другие.

В 2006 году Ассоциация принимала непосредственное участие в подготовке и

проводении комплекса мероприятий, посвященных 350-летию установления государственного финансового контроля в России, издании сборника «350 лет государственному финансовому контролю в России».

Ассоциацией обеспечивается участие руководителей контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации в работе ежегодно проводимых Контрольным управлением Президента Российской Федерации и Счетной палатой Российской Федерации совещаний по вопросам совершенствования системы государственного контроля.

Значительная работа Ассоциации связана с изучением, обобщением и распространением передового отечественного и зарубежного опыта организации аудита эффективности использования государственных средств, стратегического аудита, координацией работы членов Ассоциации в сфере научного и методического обеспечения контрольно-ревизионной, экспертно-аналитической и иной деятельности, формированием единой базы нормативных и методических документов для осуществления государственного и муниципального финансового контроля.

Ассоциация содействует взаимодействию контрольно-счетных органов Российской Федерации с региональными органами внешнего контроля зарубежных стран в рамках Европейской организации региональных органов внешнего контроля государственных финансов (ЕВРОРАИ).

Новым направлением взаимодействия контрольно-счетных органов Российской Федерации в рамках Ассоциации является комплексный анализ деятельности контрольно-счетных органов Российской Федерации на предмет соответствия Декларации принципов деятельности контрольно-счетных органов, стандартам государственного финансового контроля и законодательству субъектов Российской Федерации. Ежегодно анализируются результаты деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации, и выпускается сводный Отчет о работе Ассоциации.

Актуальные проблемы государственного и муниципального финансового контроля, приоритеты антикоррупционной деятельности контрольно-счетных органов, стандарты финансового контроля, статьи научного и практического характера, раскрывающие опыт деятельности контрольно-счетных органов всех уровней, ежеквартально

публикуются в научно-практическом журнале «Вестник АКСОР».

Ежегодно Ассоциация проводит конкурс на звание «Лучший финансовый контролер России» и совместно с Российским союзом налогоплательщиков конкурс на присуждение премии имени В.А. Татаринова.

Высшей наградой Ассоциации является медаль «За укрепление финансового контроля России», учреждена Почетная грамота Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации [34].

АКСОР уделяет много внимания обобщению опыта работы контрольно-счетных органов Российской Федерации, проведению конференций, семинаров и иных мероприятий по вопросам совершенствования государственного и муниципального финансового контроля.

АКСОР организована работа по комплексной оценке деятельности (сертификации) контрольно-счетных органов. Только в 2010 году проведен комплексный анализ деятельности контрольно-счетных органов Челябинской, Ленинградской, Калужской и Брянской областей. Всем им выданы сертификаты на предмет соответствия их деятельности требованиям Декларации принципов деятельности контрольно-счетных органов Российской Федерации. Таким образом, на сегодняшний день число сертифицированных палат в РФ – 15 [24].

Если в субъектах Российской Федерации система внешнего финансового контроля стала показывать свои обозримые контуры, то в системе местного самоуправления этого сказать нельзя. Поэтому особое место в работе АКСОР отводилось развитию внешнего финансового контроля на муниципальном уровне. Ведется работа по созданию объединений (ассоциаций, советов) контрольно-счетных органов в регионах России. Такие объединения созданы в 30 субъектах Российской Федерации. В 2010 году начала активно работать Комиссия Ассоциации по муниципальному финансовому контролю, которую возглавил Игорь Александрович Дьяченко, председатель Контрольно-счетной палаты Волгоградской области.

Проведенный Комиссией анализ показал, что сегодня говорить о полноценном муниципальном финансовом контроле еще рано. Не создано ни одной муниципальной контрольно-счетной палаты в Республиках Карелия, Карачаево-Черкесия,

Ингушетия, Марий Эл, Мордовия, Чеченской и ряде других субъектов Российской Федерации. Наблюдается даже регресс: так, если в 2009 году контрольные органы были созданы в 4774 муниципальных образованиях, то исключив из этого числа палаты, где работа по контролю ведется по сути на общественных началах или по совместительству, нужно признать, что на сегодняшний день более или менее полноценные органы внешнего муниципального финансового контроля, *сотрудники которых работают на постоянной основе*, созданы лишь в 1265 муниципальных образованиях, что составляет 5% от общего числа муниципальных образований Российской Федерации [24].

Базовой проблемой большинства муниципальных образований нашей страны является «утопическая» идея 90-х годов о создании многоуровневой системы финансового контроля.

Первый уровень – контроль, осуществляемый населением муниципальных образований (общественный контроль). Сейчас уже стало понятно, что население в большинстве случаев демонстрирует инертность в вопросах слежения за законностью исполнения средств местных бюджетов и использования муниципального имущества, что автоматически влечет необходимость создания иной системы финансового контроля, например сверху (в системе органов управления).

Второй уровень – контроль со стороны представительного органа муниципального образования. Представительный орган – это обязательный орган муниципального образования (за исключением случаев, когда его заменяет сход граждан), но не имеющий возможности для осуществления финансового контроля. Поэтому единственный способ организации такого контроля – создание специальных контрольных органов, подотчетных представительному органу. Именно это направление является лидирующим в современной системе совершенствования финансового контроля на местном уровне.

Третий уровень – контроль со стороны местной

администрации (исполнительско-распорядительного органа муниципального образования) за получателями средств местного бюджета также путем создания специальных контрольных органов.

Четвертый уровень – это контроль со стороны контрольных органов субъекта Российской Федерации за расходованием средств, предоставленных из регионального бюджета в виде межбюджетных трансфертов муниципалитетам, находящимся в составе данного субъекта Российской Федерации. Помимо этого, контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации могут осуществлять надзор за деятельностью созданных финансово-контрольных органов муниципальных образований, тем самым создавая единую систему общегосударственного финансового контроля на региональном уровне.

Пятый уровень – это контроль со стороны Счетной палаты Российской Федерации в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях за получателями межбюджетных трансфертов их федерального бюджета [14].

И.Б. Лагутин так определяет границы регионального финансового контроля в нашей стране – это финансовый контроль, осуществляемый внешними органами финансового контроля на уровне субъектов Российской Федерации и на уровне муниципальных образований [14].

Введение в научный оборот нового понятия «региональный финансовый контроль» позволяет:

1) уточнить содержание финансового контроля как категории финансового права;

2) комплексно исследовать систему контроля на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, рассматривая эти уровни контроля во взаимодействии;

3) деление финансового контроля на региональный и федеральный финансовый контроль расширяет возможности правовой категории «финансовый контроль» как метода научного познания для более детального исследования контрольной деятельности в целом [14].

Примечания

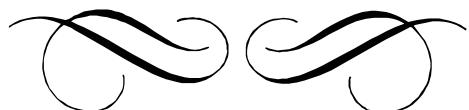
* В ст. 1 Указа Президента РФ «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации» от 03 июня 1996 г. № 803 «Под регионом понимается часть территории Российской Федерации, обладающая

общностью природных, социально-экономических, национальных и иных условий»; при этом в этой же статье указывается, что «регион может совпадать с границами территории субъекта Российской Федерации либо объединять территории нескольких субъектов Российской Федерации» [1]; в п. 3 ст. 2 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ (в ред. от 28.04.2009 № 60-ФЗ): «...региональный государственный контроль (надзор) – деятельность органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченных на осуществление государственного контроля (надзора) на территории этого субъекта Российской Федерации» [2].

Список литературы

1. Указа Президента РФ «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации» от 03 июня 1996 г. № 803 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 23. – Ст. 2756.
2. Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ (в ред. от 28.04.2009 № 60-ФЗ) // Российская газета. – 2008. – № 4823. 30 декабря
3. Аврутин Ю.Е., Гуляев А.П., Егоршин В.М., Сальников В.П., Шаписев С.М. Преступность, общество, государство: проблемы социогенезиса. Опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
4. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь как юридическая квинтэссенция витальных возможностей человека. – Душанбе, 2010.
5. Бааранов В.М. О «хрестоматийных истинах» в теории государства и права // Государство и право. – 2002. – № 8. – С. 109-111.
6. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры: методология причинного анализа. – СПб.: Фонд «Университет», 2005.
7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
8. Ветютнев Ю.Ю. Синергетика в праве // Государство и право. – 2002. – № 4. – С. 64-69.
9. Графский В.Г. Интегральная (системированная) юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 49-64.
10. Гревцов Ю.И. Социология права: Курс лекций. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
11. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М.: Норма, 2007.
12. Исмагилов Р.Ф., Карагодов А.В., Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения. – СПб., 2003.
13. Керимова Т.В. Человек риска. Социально-философские проблемы. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009.
14. Лагутин И.Б. Понятие регионального финансового контроля // Финансовое право. – 2009. – № 7.
15. Мусульманское право: структура и основные институты / Отв. ред. Л.Р. Сюккийнен. – М.: ИГПАН, 1984.
16. Пронин И.А. История гражданско-правового регулирования эстетической медицины в Российской Федерации // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 10-14.
17. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.Е. Философия глобализации (методологические основы geopolитической доктрины России). – СПб., 2006.
18. Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Правовая танатология / Под общ. ред. и со вступ. ст. В.П. Сальникова. Серия: Право и медицина. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
19. Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии / Под ред. В.П. Сальникова. Серия: Право и медицина. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
20. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Регламентация медицины в России (историко-правовое исследование) / Под ред. и с предисловием В.П. Сальникова. Серия: Право и медицина. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
21. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Трансплантация органов и тканей человека: проблемы правового регулирования / Под ред. и со вступ. ст. В.П. Сальникова. Серия: Право и медицина. – СПб.: Фонд «Университет», 2000.
22. Старовойтова О.Э. Основы правовой соматологии / Под общ. ред. и со вступ. ст. В.П. Сальникова. Серия: Право и медицина. – СПб.: Фонд «Университет», 2006.
23. Степашин С.В. Государственный аудит и экономика будущего. – М.: Наука, 2008.
24. Столяров Н.С. Доклад на XVI конференции АКСОР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ach.gov.ru/ru/kso/ksoevents/?id=637>
25. Суслов В.А., Герменевтика права // Правоведение. – 2001. – № 5. – С. 4-12.
26. Сюккийнен Л.Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. – М.: ИГПАН, 1997.

27. Халипов В.Ф. Энциклопедия власти. – М.: Академический проект «Культура», 2005.
28. Честнов И.Л. Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права. – СПб., 2004.
29. Шахназаров Г.Х. Современная цивилизация и Россия. – М., 2003.
30. Шахрай С.М. Глобализация в современном мире: политico-правовые аспекты / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2004.
31. Шахрай С.М. Государство и глобализация: методологические и политico-правовые проблемы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2005.
32. Юриспруденция XXI века: горизонты развития: Очерки / Под ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. – СПб., 2006.
33. Явич Л.С. О философии права в XXI веке // Правоведение. – 2000. – №4. – С. 4-33.
34. <http://www.ach.gov.ru/tu/kso/ksoabout/?id=534>

РЕУФ Владислав Маркович,
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России,
кандидат юридических наук
E-mail: reuf@yandex.ru

УДЫЧАК Фатима Нурбиевна,
доцент кафедры конституционного права
Адыгейского государственного университета,
кандидат юридических наук
E-mail: ydichak@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматриваются современные проблемы обеспечения национальной безопасности России. С позиции общей теории права и государства, выясняется роль в этом процессе государственно-правовой идеологии. Выясняется соотношение национальной безопасности государства и состояние политico-правовой системы общества. Определяется место в данной системе государства и его органов.

Материал компонуется на базе Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Подчеркивается определяющая мысль стратегии о том, что в условиях глобализации появляются и новые угрозы для развития человека, общества и государства. Эти угрозы требуют комплексного и внимательного отношения к проблемам нашей жизнедеятельности, к вопросам совершенствования государственного механизма обеспечения национальной безопасности. Правовые аспекты такого совершенствования сегодня все больше приобретают не только теоретический, но и сугубо практический интерес. Необходимо создание безопасных условий функционирования человека и общества, системы общесоциальных ценностей, присущих данной социальной общности.

Авторы подчеркивают архисложность этой проблемы, с учетом многонациональности нашего государства.

Ключевые слова: политическая система общества; правовая система общества; политico-правовая система; национальная безопасность; государственно-правовая идеология; национальный вопрос; общесоциальная ценность государства; право; гражданин; нация; цивилизация; язык; культура; культурный код.

**REUF V.M.
UDYCHAK F.N.**

POLITICAL-AND-LEGAL SYSTEM OF THE SOCIETY AND NATIONAL SECURITY OF RUSSIA: CONTEMPORARY PROBLEMS OF NATIONAL LEGAL IDEOLOGY

The summary. The article deals with present-day problems of ensuring the national security of Russia. From the standpoint of law and state the role of national legal ideology in this process is cleared up. The correlation of national security of the state and the situation with the political-

and-legal system of the society is ascertained. The place of the state and its bodies in this system is determined.

The material is arranged on the basis of the National Security Strategy of the Russian Federation up to 2020. The emphasized is the crucial idea of the strategy that under conditions of globalization new threats to development of man, society and state appear. These threats require a comprehensive and careful attention to the problems of our life activity, to the issues of improvement of the state mechanism for ensuring the national security. The legal aspects of this improvement are increasingly getting today not only theoretical but also a purely practical interest. It is necessary to create safe conditions for functioning of man and society, the system of common social values inherent in this social community.

The authors emphasize the daunting challenge of this issue with a glance to the multinational feature of our state.

Key words: political system of society; legal system of society; political-and-legal system; national security; national legal ideology; issue of inter-ethnic relations; common social value of the state; law; citizen; nation; civilization; language; culture; cultural code.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, констатируется, что «в условиях глобализации процессов мирового развития, международных политических и экономических отношений, формирующих новые угрозы и риски для развития личности, общества и государства, Россия в качестве гаранта благополучного национального развития переходит к новой государственной политике в области национальной безопасности» [1]. Переход к качественно новой государственной политике предопределяет необходимость соответствующих изменений в правовой форме, формирование государственно-правовой идеологии [17; 19; 28; 29; 33; 34; 35; 36; 37]. Именно поэтому правовой аспект совершенствования государственного механизма обеспечения национальной безопасности, сегодня имеет не только теоретическое значение, но и весьма существенное прикладное значение в контексте общего вопроса о правовом реформировании системы национальной безопасности Российской Федерации [3; 4; 5; 7; 8; 10; 18; 21; 26; 27; 31, стр. 61-67; 32].

Выживание, нормальная жизнедеятельность, развитие и безопасность каждого человека обеспечивается, объединением людей в единую организованную системную целостность предоставляющую возможность скооперированного коллективного противодействия угрозам, исходящим от других аналогичных организованных социальных образований и агрессивной природной среды. Это обеспечивается институтами социальной власти, действующими в рамках

конкретной социальной системы, в том числе и в рамках национальной политico-правовой системы. При этом, у наиболее сложных и масштабных социальных систем, к которым относится в частности национальная политico-правовая система, возникает объективная потребность в обеспечении внутрисистемной безопасности.

Система безопасности осуществляет свои функции путем создания безопасных условий для человека и общества. Эти условия, взятые в комплексе (как фактический состав) могут быть определены как система безопасности или комплексное условие, от которого зависит сама возможность стабильного функционирования и развития социальной системы. Закономерности воздействия среды на объект (конкретную социальную систему) верны также и в отношении политico-правовой формы социальной организации, где социальное нормативное регулирование является в значительной степени осознанным, целенаправленным, а не стихийным, не спонтанным как в догосударственном обществе. В этих условиях, субъекты социальных отношений, взаимодействующие в связи с потребностью влиять на публичную политическую власть, реализуют свои частные интересы в пределах установленной государством нормативной правовой формы.

Такое системное образование в теории государства и права рассматривается как политическая система – особая нормативная форма социальной организации, отражающая отношения социальных институтов с институтами государственной власти, а также отношения между

социальными институтами возникающие при реализации субъектами своих интересов осуществляющей в форме воздействия на процессы обоснования и легитимации государственной власти; формирования государственного аппарата; реализации полномочий органами государственной власти; передачи властных полномочий. В качестве основного, системообразующего элемента политической системы выступает государство, которое «является важнейшим институтом политической системы в силу своего универсального характера, определяемого, в том числе, ресурсами, несопоставимыми с другими субъектами и определяющим влиянием на все сферы общества» [30? стр. 109]. Являясь центральным институтом политической системы и выразителем публичных (общественных) интересов, государство выражает также, корпоративные (групповые) и индивидуальные интересы [6; 9; 11; 12; 13; 14; 16; 22, стр. 5; 23; 24; 25]. Но эти социальные интересы выражаются и поддерживаются государством в той части, которая не противоречит публичным началам.

Устанавливаемые государством нормативные властные предписания оказывают воздействие на важнейшие сферы жизнедеятельности общества и прежде всего на политическую сферу. Основы политической организации закрепляются на высшем законодательном уровне и таким образом, политической системе общества придается качество политico-правовой системы. При этом стабильное развитие общества «в значительной мере обеспечивается сбалансированностью общественной воли, выраженной в содержании правовых предписаний, а также тем, насколько полно в них учитываются общественные, групповые и индивидуальные интересы» [20].

Политico-правовая система отражает упорядоченный, на основе политических принципов и правовых норм способ взаимодействия институтов, с которым связывается возникновение нового системного качества, не присущего каждому из этих институтов по отдельности. Таким системным качеством является, прежде всего, правосубъектность, которая в рассматриваемой нами области проявляет себя как возможность использования и применения субъектами отношений юридических средств. Эти средства «создают общие, гарантированные государством и обществом возможности для усиления позитивных регулятивных факторов и

одновременно для устранения препятствий (негативных факторов) стоящих на пути упорядочения социальных связей» [12, стр. 140].

Состояние политico-правовой системы оценивается как безопасное в том случае, если устраняются негативные факторы, препятствующие эффективной реализации интересов личности, общества, государства и тем самым создающие угрозу стабильности функционирования системы ее целостности. При этом содержание политico-правовой формы составляет множество конкретных социальных отношений, основанных на свойственных данному обществу нормативных системах (религии, морали, обычаях, традиций). Содержание социальных норм детерминирует соответствующий комплекс присущих данному обществу ценностей, духовных и материальных благ служащих удовлетворению жизненно важных потребностей участников общественных отношений. Необходимость сохранения, защиты, преумножения таких традиционных национальных ценностей и благ отражает сущность национальных интересов и их особенности на разных этапах развития национальной общности.

Для современной – России комплексом таких общесоциальных ценностей выступает «русский культурный код». «Русский народ, – подчеркивает В.В. Путин, – является государствообразующим – по факту существования России. Великая миссия русских – объединять, скреплять цивилизацию. Языком, культурой, «всемирной отзывчивостью», по определению Федора Достоевского скреплять русских, армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар... Скреплять в такой тип государства – цивилизации, где нет «нацменов», а принцип распознания «свой – чужой» определяется общей культурой и общими ценностями.

Такая цивилизованная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Этот культурный код, который подвергнулся в последние годы серьезным испытаниям, которые пытались и пытаются взломать. И тем не менее он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь» [2].

Стратегия национальной безопасности России должна учитывать и данную историческую реальность жизни и деятельности Российских граждан, нашего общества и государства.

Список литературы

1. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.
2. Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. №7 (5493). 23 января.
3. Александров Р.А. Наркобизнес – угроза национальной безопасности в России. – М., 2006.
4. Александров Р.А. Противодействие наркобизнесу в системе обеспечения национальной безопасности в России / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2007.
5. Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. – М., 1997.
6. Боер В.М., Городенец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алитейя, 1999.
7. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение: Научное издание. – СПб., 1999.
8. Возжениников А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. – М., 2000.
9. Григонис Э.П., Исаков И.Ж. Гражданское общество и его институты в современной России. – СПб., 2004.
10. Дадонов В.Н. Институт правовой ответственности главы государства в современном мире / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2006.
11. Исмагилов Р.Ф., Карагодов А.В., Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения. – СПб., 2003.
12. Категов А.С. Механизм применения права: Монография. – СПб., 2002.
13. Керимов А.Д. Сильное государство – ответ на вызов современной эпохи. – М.: NOTA BENE, 2009.
14. Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории. – М.: Норма, 2008.
15. Керимов А.Д. Стратегические просчеты российской политической элиты. – М.: Норма: ИНФРА-М., 2011.
16. Козлихин И.Ю. Идея правового государства. История и современность. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993.
17. Козлихин И.Ю. Право и политика. – СПб., 1996.
18. Колокольцев В.А. Государственные интересы России в контексте концепции национальной безопасности. – СПб., 2004.
19. Крыгин С.С. Правовоспитательная функция современного российского государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009.
20. Кулапов В.Л. Российская юридическая доктрина и проблемы правопонимания // Российская юридическая доктрина в ХХI веке: проблемы и пути решения: Научно-практическая конференция (3 – 4 октября 2001 г.) / Под ред. А.И. Демидова. – Саратов: СГАП, 2001. – С. 8 – 9.
21. Лившиц Р.З. Право и закон в правовом государстве // Сов. государство и право. – 1989. – №3.
22. Манов Г.Н. Государство и политическая система общества. – М., 1974.
23. Нерсесянц В.С. История идей правовой государственности. – М., 1993.
24. Нерсесянц В.С. Правовое государство, личность, законность. – М., 1997.
25. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
26. Правовое обеспечение национальных интересов: Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 25-26 октября 2005 г.) / Под общ. ред. Т.Я. Хабриевой. – М., 2005.
27. Ромашов Р.А. Государство: территория, население, власть. – СПб. – Пушкин, 1998.
28. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (методологические основы геополитической доктрины России). – СПб., 2006.
29. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона. – СПб., 2002.
30. Социология публичного права: антрополого-правовая парадигма. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009.
31. Тарайко В.И. Национальная безопасность России и охрана окружающей среды // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 61-67.
32. Ткаченко М.А. Юридическая защита национальных интересов России в новом геоэкономическом порядке: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2009.
33. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб., 1998.
34. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категорий // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 11-20.
35. Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и государственность // Автор вступит. ст. В.П. Сальников. – СПб., 1999.
36. Шахрай С.М. Глобализация в современном мире: политico-правовые аспекты / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2004.
37. Шахрай С.М. Государство и глобализация: методологические и политico-правовые проблемы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2005.

БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

АЛЕКСАНДРОВ Роман Алексеевич,
доцент кафедры уголовного процесса и
криминалистики Санкт-Петербургского
государственного университета,
доктор юридических наук
E-mail: gurbanoff@gmail.com

БЕРОВА Джульетта Михайловна,
заместитель начальника Северо-Кавказского
института повышения квалификации (филиала)
Краснодарского университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: berova-dm@inbox.ru

КОНДРАТ Иван Николаевич,
профессор кафедры правового обеспечения
управленческой деятельности МГИМО (У) МИД
России,
кандидат юридических наук,
кандидат экономических наук
E-mail: prokuratura@inbox.ru

ШХАГАПСОЕВ Заурби Лелович,
начальник Северо-Кавказского института
повышения квалификации (филиала)
Краснодарского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: shkhagapsoev@mail.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

ОРГАНЫ ДОЗНАНИЯ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основных функций органов дознания в аспекте позиционирования их как субъектов уголовного процесса. Выделяя конкретные функции органов дознания, обусловленные уголовно-процессуальной деятельностью, авторы путем комплексного анализа формулируют и обосновывают предложение, направленные на совершенствование процедуры проведения дознания как формы предварительного расследования.

Ключевые слова: производство дознания; уголовный процесс; функции органов дознания.

ALEKSANDROV R.A.
BEROVA D.M.
KONDRAT I.N.
SHKHAGAPSOEV Z.L.

BODIES OF INQUIRY AND CRIMINAL PROCEDURAL FUNCTIONS

The summary. The article is concerned with consideration of the basic functions of bodies of inquiry in the aspect of positioning them as the subjects of criminal proceedings. Defining specific functions associated with bodies of inquiry which are caused of criminal procedural activities the authors through a comprehensive analysis formulate and justify proposals aimed at improving the procedure of inquiry as a form of preliminary investigation.

Key words: performance of inquiry; criminal proceeding; functions of bodies of inquiry.

Учение об уголовно-процессуальных функциях содействует лучшей организации расследования и рассмотрения уголовных дел, а потому дальнейшее исследование проблем, связанных с реализацией уголовно-процессуальной функции, является важной задачей процессуалистов [3, стр. 73]. Учитывая же проводимые в настоящее время в России правовые реформы, в том числе касающиеся сферы уголовного судопроизводства, актуальной представляется разработка вопроса о функциях и подфункциях органов дознания как субъектов уголовного процесса.

Определив четко функцию органов дознания, можно с точностью решить вопрос компетенции и необходимых пределов их правового статуса, выяснить содержание данной функции.

Традиционной считается концепция существования в уголовном судопроизводстве трех основных функций: обвинения, защиты и разрешения дела [8, стр. 94]. В рамках указанной концепции некоторые процессуалисты под процессуальными функциями понимают всю деятельность одного или нескольких субъектов процесса, осуществляемую в силу того положения, которое данный субъект занимает в процессе. Исходя из этого, они считают, что каждый субъект процесса осуществляет только одну процессуальную функцию [1, стр. 315-316]. Такое понимание уголовно-процессуальной функции позволяет в концентрированном виде отразить место и роль субъекта процесса в выполнении задач уголовного судопроизводства, а также в системе органов, осуществляющих борьбу с преступностью [2, стр. 81-82].

Другие ученые говорят о нескольких функциях каждого из субъектов уголовного процесса. Они, по мнению А.П. Гуляева, являются определенными направлениями деятельности субъекта, предусмотренными уголовно-

процессуальным законом, различающимися по своим ближайшим целям.

Обе позиции имеют право на существование и в принципе не противоречат друг другу. Теоретически и практически значимо выделение свойственных органам дознания как общей уголовно-процессуальной функции, так и ее элементов – подфункций. При этом количество уголовно-процессуальных подфункций следует определять, исходя из природы уголовного процесса, из реального наличия в его содержании важнейших видов уголовно-процессуальной деятельности, отличающихся по своей направленности и поэтому имеющих достаточно четкие границы [5, стр. 27].

Характеризуя общую уголовно-процессуальную функцию органов дознания, важно отметить, что у органов дознания двуединая задача и соответственно общая (обобщенная) функция, которая способна (а только в этом случае можно говорить о назначении, и тем более направлении реальной практики) как обеспечивать государственную, общественную и пр. безопасность, так и, как минимум, способствовать быстрому и полному расследованию преступлений и т. д.

Споры ученых о количестве уголовно-процессуальных функций в некоторой мере разрешил УПК РФ, где в ч. 2 ст. 15 говорится об уголовно-процессуальных функциях обвинения, защиты и разрешения уголовного дела. Исходя из этого, представляется возможным утверждать о закреплении в уголовно-процессуальном законе именно традиционной концепции трех процессуальных функций, а любые предложения о расширении числа функций (а значит, и сторон), противостоящих друг другу, не вполне согласуются с принципом состязательности сторон [9, стр. 51].

Органы дознания включены законодателем в

число участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, следовательно, можно сделать вывод, что их уголовно-процессуальной функцией является функция обвинения.

Данную функцию принято рассматривать как процессуальную деятельность уполномоченных на то органов и лиц, направленную на изобличение лица в совершении преступления с тем, чтобы обеспечить в конечном счете осуждение виновного и применение к нему справедливого наказания [6, стр. 44].

Уголовно-процессуальный закон определения функции обвинения не дает: в п. 22 ст. 5 УПК обвинение рассматривается как правовой институт, заключающийся в утверждении о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном УПК. У должностных лиц органов дознания, как правило, отсутствует полномочие на привлечение лица в качестве обвиняемого, однако, они вправе осуществлять уголовное преследование.

Согласно п. 55 ст. 5 УПК под уголовным преследованием понимается процессуальная деятельность, осуществляемая в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Закон, к сожалению, однозначно не определяет, следует ли отождествлять функции «уголовное преследование» и «обвинение». Так, законодатель, исходя из смысла п. 45 ст. 5 УПК, функции обвинения и уголовного преследования отождествляет. Однако ч. 1 ст. 20 УПК упоминает об осуществлении «... уголовного преследования, включая обвинение в суде».

Термин «уголовное преследование» еще с дореволюционных времен активно употребляется в процессуальной литературе, хотя исследователи указанного вопроса не одинаково определяют содержание уголовного преследования и по-разному соотносят его с понятием обвинения.

Одним из распространенных взглядов на проблему, высказанным еще И.Я. Фойницким, а затем – М.С. Строговичем, является отождествление понятий «уголовное преследование» и «обвинение». Данная позиция подвергалась критике не только за то, что нет необходимости обозначать разными терминами одну и ту же деятельность, но также и за то, что при подобном подходе за рамками обвинительной функции остается, в частности, деятельность по изобличению лица до предъявления ему обвинения

[10, стр. 214-215].

Как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 27 июня 2000 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова», «... факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него (в частности, разъяснением в соответствии со статьей 51 (часть 1) Конституции РФ права не давать показания против себя самого) ... Под обвинением в смысле статьи 6 Конвенции Европейский суд по правам человека понимает не только официальное уведомление об обвинении, но и иные меры, связанные с подозрением в совершении преступления, которые влекут серьезные последствия или существенным образом сказываются на положении подозреваемого (решение от 27 февраля 1980 года по делу Deweer, Series A, no. 35, para 44, 46; решение от 15 июля 1982 года по делу Eckle, Series A, no. 51, para 73; решение от 10 декабря 1982 года по делу Foti, Series A, no. 56, para 52), т. е. считает необходимым исходить из содержательного, а не формального понимания обвинения».

В связи с этим представляется обоснованной точка зрения, поддержанная многими процессуалистами [7, стр. 38-40], о том, что понятия «уголовное преследование» и «обвинение» соотносятся как общее и частное.

Данный подход предельно полно отражен в определении, предложенном А.С. Александровым. «Процессуальное обвинение или уголовное преследование, пишет он, – это деятельность, осуществляемая прокурором, следователем, органом дознания, дознавателем, оперуполномоченным с целью изобличения на основе собранных доказательств подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления либо запрещенного уголовным законом общественно опасного деяния в состоянии невменяемости как в суде, так и в досудебный период».

В рамках концепции трех уголовно-

процессуальных функций следует выделять, прежде всего, уголовное преследование. Не случайно ч. 2 ст. 6 УПК подразумевает уголовное преследование как одно из средств реализации назначения уголовного судопроизводства. Содержание этой функции образует деятельность определенных субъектов – участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. В зависимости от этапа уголовного судопроизводства функция уголовного преследования реализуется сначала в изобличении лица, совершившего преступление, затем – приобретает форму подозрения, и, наконец, – обвинения [9, стр. 53].

Как отмечалось выше, п. 55 ст. 5 УПК устанавливает понятие «уголовное преследование», исходя из которого возможно сделать вывод, что, во-первых, уголовное преследование, как деятельность, включает систему любых действий и решений, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, осуществляемых стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Следовательно, те же действия и решения, принимаемые судом или стороной защиты, проявлениями уголовного преследования не являются. Во-вторых, указанная деятельность предпринимается в отношении конкретного лица, уже поставленного в положение подозреваемого или обвиняемого.

Представляется, что положения рассматриваемой нормы не вполне согласуются с положениями ч. 2 ст. 21 УПК, предусматривающей в каждом случае обнаружения признаков преступления принятие мер по установлению события преступления, а также по изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. Очевидно, эта деятельность также осуществляется в рамках уголовного преследования.

Однако понятие уголовного преследования, изложенное в п. 55 ст. 5 УПК, следует рассматривать наряду с другими положениями, закрепленными в нормах уголовно-процессуального закона, в частности, определяющими процессуальное положение подозреваемого и обвиняемого. Исходя из такого толкования, уголовное преследование начинается с момента: 1) возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица; 2) задержания лица по подозрению в совершении преступления; 3) применения к лицу меры пресечения до предъявления обвинения; 4) привлечения лица в качестве обвиняемого.

Безусловно, заслуживает внимания мнение ученых о том, что уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела и завершается вступлением приговора в законную силу [4, стр. 68]. На досудебном производстве уголовному преследованию присущи несколько форм: возбуждение уголовного дела; принятие мер по установлению события преступления, а также по изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления; выдвижение в отношении лица подозрения в совершении преступления; формулирование и предъявление обвинения в совершении преступления; доказывание обвинения, направление уголовного дела в суд с обвинительным заключением или обвинительным актом.

Таким образом, уголовное преследование, по мнению ряда процессуалистов, – это уголовно-процессуальная функция уполномоченных законом участников судопроизводства, заключающаяся в обязанности в каждом случае обнаружения признаков преступления принять меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. Функция обвинения – это форма уголовного преследования, реализуемая с момента привлечения лица в качестве обвиняемого (или вынесения обвинительного акта при производстве предварительного расследования в форме дознания) [9, стр. 54].

Поэтому, по нашему мнению, правы ученые, предлагающие в целях исключения двойственного понимания обвинения (как уголовно-процессуальной функции и как утверждения о совершенном лицом преступлении), а также для ограничения этого понятия от «уголовного преследования», и в законе, и в теории уголовного процесса именовать данную функцию уголовным преследованием и внести соответствующие изменения в п. 55 ст. 5 и ст. 15 УПК РФ.

Таким образом, основной уголовно-процессуальной функцией органов дознания на досудебном производстве является функция обвинения, понимаемая нами как функция уголовного преследования. Содержание данной функции образует деятельность органов дознания как участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, направленная на установление события преступления, изобличение лица, совершившего преступление, выдвижение в отношении него подозрения.

Список литературы

1. Гусев Л.Н. Процессуальное положение следователя в советском уголовном процессе // Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. – М., 1959. – С. 315-316.
2. Гуляев А.П. Совершенствование правового регулирования деятельности следователя: Дис. ... док. юрид. наук. – М., 1988.
3. Нажимов В.П. Об уголовно–процессуальных функциях // Правоведение. – 1973. – № 5.
4. Павлов Н.Е. Уголовно-процессуальное законодательство и уголовный закон (проблемы соотношения и применения): Монография. – М., 1999.
5. Рыжаков А.П. Органы дознания в уголовном процессе. – М.; Городец, 1999.
6. Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. – М., 1971.
7. Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Халиулин А.Г., Якубович Н.А. Законность в досудебных стадиях уголовного процесса России. – М., Кемерово, 1997.
8. Строгович М.С. Уголовный процесс. – М., 1946.
9. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: Монография. – М.: Экзамен, 2003.
10. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. – М., 1951.

АЛИЕВ Якуб Ломалиевич,

профессор кафедры организации работы полиции
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: alievyakub@mail.ru

АРУЕВ Кирилл Богданович,

доцент кафедры уголовного и гражданского права
Санкт-Петербургского государственного
университета гражданской авиации,
кандидат юридических наук
E-mail: aruev@gmail.com

САЛЬНИКОВ Сергей Павлович,

заместитель начальника отдела нормативно-
правового регулирования обеспечения
безопасности дорожного движения Федерального
казначейского учреждения Научно-
исследовательского центра Безопасности
дорожного движения МВД России,
доктор юридических наук
E-mail: sal_sp@gmail.com

ТРЕТЬЯКОВ Иван Львович,

профессор кафедры уголовного права и
криминологии Санкт-Петербургского
государственного политехнического университета,
доктор юридических наук
E-mail: nauka123@yandex.ru

**Специальность 12.00.08 – Уголовное право и
криминология; уголовно-исполнительное право**

ЛИЧНОСТЬ ГРАЖДАНИНА, ВИНОВНОГО В СОВЕРШЕНИИ АВТОТРАНСПОРТНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОБЩЕСТВЕННО- ОПАСНЫЕ ЧЕРТЫ И УСТАНОВКИ

Аннотация. В статье рассмотрены общеподходящие черты и установки личности гражданина, совершающего автотранспортные преступления. Авторы исходят из достижений отечественной криминологической науки в области психологических признаков индивидуального противоправного поведения. Они рассматривают: а) поведение как совокупность внутренней и внешней активности человека; б) произвольность поведения; в) индивидуальность как свойство определенной, самостоятельной, отдельно существующей личности; г) индивидуальность как свойство поведения, отклоняющегося от существующих в обществе правил. Использованы труды советских и российских криминологов: А.И. Алексеев, Ю.М. Антонян, М.М. Бабаев, Я.И. Гилинский, И.И. Карпец, Н.М. Кропочев, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, В.В. Лунеев, Д.В. Ривман, А.Б. Сахаров, С.В. Скляров, Л.П. Станкевич, А.И. Чучаев; представителей зарубежной криминологической науки – Ж. Нюттен, Х. Хекхаузен.

Заслуживает внимания позиция авторов в том, что психические аномии оказывают существенное внимание на преступное поведение водителей автотранспорта.

Ключевые слова: черты и установки личности; автотранспортные преступления;

индивиду; преступное поведение; активность человека; отклоняющееся поведение; психические аномалии.

ALIEV Ya.L.
ARUEV K.B.
SAL'NIKOV S.P.
TRET'YAKOV I.L.

THE IDENTITY OF CITIZEN GUILTY OF COMMITTING MOTOR VEHICLE CRIME: SOCIALLY DANGEROUS TRAITS AND ATTITUDES

The summary. The article deals with common dangerous traits and attitudes of the citizen's personality who committed motor vehicle crimes. The authors proceed from the achievements of national criminological science in the area of psychological features of individual unlawful conduct. They consider: a) the behavior as a combination of internal and external activities of the person; b) the arbitrariness of behavior; c) the individuality as a feature of a particular, independent, separate personality; d) the individuality as a feature of behavior deviating from the rules existing in the society. The works of Soviet and Russian criminologists such as A.I. Alekseyev, Yu.M. Antonyan, M.M. Babaev, Ya.I. Glinsliy, I.I. Karpets, N.M. Kropochev, V.N. Kudryavtsev, N.F. Kuznetsov, V.V. Luneyev, D.V. Rivman, A.B. Sakharov, S.V. Sklyarov, L.P. Stankevich, A.I. Chuchayev are used, as well as of representatives of foreign criminological science – J. Nutten, H. Heckhausen.

Noteworthy is the standpoint of the authors that psychological anomalies have a significant impact on the unlawful conduct of motor vehicle drivers.

Key words: traits and attitudes of personality; motor vehicle crimes; individual; criminal behavior; human activities; deviating behavior; psychological anomalies.

Индивидуальное преступное поведение формируется под влиянием ситуации и негативных психологических деформаций, принявших форму общественно опасной установки личности [5; 6; 7; 10; 11; 14; 17, стр. 252-276; 18; 22; 23; 24; 26; 28; 29; 30; 44; 45; 46; 52; 58; 65; 68; 69]. По мнению Д.В. Ривмана, преступление есть акт противопоставления индивидуума обществу, некая материализация определенных личностных качеств, более или менее жестко детерминированных ситуативными обстоятельствами их формирования и реализации [55; 56]. Общественно-опасные качества и установки личности максимально проявляются в стремлении и готовности удовлетворения индивидуальных интересов и потребностей – часто примитивных или гиперболизированных до псевдоуровня – любым, в том числе и преступным путем. У таких индивидуумов возникает и закрепляется система побуждений, выступающих в роли субъективного компонента причины

конкретного (индивидуального) преступления. Данные побуждения являются следствием определенных психо-социальных явлений, социальных отношений как на внутриличностном уровне (дисгармония, дезадаптация), так и на уровне противоречий между личностью и обществом.

По мнению С.В. Склярова, индивидуальную активность человека можно разделить на две группы: 1) противоправная активность, т. е. отклоняющаяся от правил, изложенных в законах данного общества; 2) активность, отклоняющаяся от иных, не правовых норм, существующих в обществе (норм морали, обычая). Противоправную активность, по его мнению, можно также условно разделить на две группы: 1) индивидуальное поведение, внешне выраждающееся в действиях, нарушающих нормы уголовного права; 2) индивидуальное поведение, внешне выраждающееся в различных действиях, нарушающих иные нормы права. Однако

индивидуальное произвольное поведение человека, как указывает автор, внешне выражющееся в действиях, нарушающих нормы уголовного права, нельзя механически приравнивать к индивидуальному преступному поведению. Границы произвольной активности в области правового регулирования общественных отношений более сужены, так как рассматриваются действия человека, связанные с его внешней произвольной активностью (человек должен осознавать не только преследуемую цель и возможность контроля за ходом внутренних и внешних процессов, но и социальную значимость своих действий и ответственность за их совершение) [59, стр. 53-55].

Отечественные криминологи указывают что, к психологическим признакам (составляющим) индивидуального преступного поведения относятся: 1) поведение как совокупность внутренней и внешней активности человека; 2) произвольность поведения, т. е. осознание человеком преследуемой цели и возможности контроля за ходом разворачивающихся процессов, как внешних, так и внутренних; 3) индивидуальность как свойство определенной, самостоятельной, отдельно существующей личности; 4) индивидуальность как свойство поведения, отклоняющегося от существующих в обществе правил [41; 57]. К правовым относятся признаки, характеризующие не преступное поведение в целом, а действие, в котором это поведение внешне проявляется, и субъективные особенности человека, который это действие совершает [25; 33; 34; 62].

С.В. Скляров, ссылаясь на работы зарубежных ученых, Х. Хекхаузена и Ж. Нюттена, совершенно справедливо подчеркивает, что личностные диспозиции и особенности ситуации не противостоят друг другу как внешнее и внутреннее, они взаимодействуют, влияют друг на друга и на само поведение. В результате возникает циклический процесс непрерывного взаимодействия и преобразования, в котором субъект, деятельность и ситуация обуславливают друг друга: действие влияет на ситуационные переменные, которые меняют личностные переменные, что меняет само действие и т. д. Несмотря на разнообразие подходов к объяснению поведения человека проблема мотивации сводится к поиску ответа на вопрос: почему человек поступает так или иначе [12; 13; 19; 20; 32; 39; 40;

42; 43; 48; 51; 61]. Трудность состоит в том, что в схему поведения приходится вводить понятия мотива и мотивации, которые представляют собой нечто вымышленное, научную объяснительную ценность которых еще необходимо выявить и доказать [59, стр. 60]. Определение мотива возможно только посредством уяснения его роли в процессе регуляции деятельности. Мотив представляет собой гипотетическую модель, т. е. некое психическое образование, выполняющее определенные функции в процессе инициации поведения человека. Понятие мотива невозможно отождествить с уже имеющимися конкретными психологическими понятиями, так как мотивационное значение может иметь обширный круг ценностных диспозиций субъекта [59, стр. 60-61; 63, стр. 11-31].

Изучение личностных деформаций (искажение интересов, потребностей, ценностных ориентаций и др.) на общепопуляционном уровне показывает, что они не обязательно реализуются в антиобщественной мотивации и, тем более, в противоправном, преступном поведении. Так, например, стремление к доминированию, к различным агрессивным способам самоутверждения личности (даже если такие тенденции гипертрофированы), может быть реализовано вполне законной деятельностью [16; 67]. У лиц, виновных в совершении автотранспортных преступлений, негативные, антиобщественные установки, значимые в криминогенно-детерминистском отношении, появляются не сами по себе, так как, они социальны по своему происхождению, их формирование происходит в процессе общения индивида с окружающей его средой. На этом этапе жизненного пути закладывается основа будущего преступного поведения, и с этого момента возникает для каждого конкретного индивидуума криминологическая ситуация, которая включает все этапы преступного механизма: а) формирование личности с определенными нравственно-психологическими деформациями; б) жизненную ситуацию, в которой формируются конкретные особенности поведенческой активности, мотивации; в) обстановку, способствующую совершению преступления (в широком смысле все это – предкриминальная обстановка); г) само преступление [35; 66].

Первоначальный период формирования личности субъекта, виновного в совершении

автотранспортного преступления, как правило, находится достаточно далеко от момента совершения конкретного преступления, что часто нивелируется, хотя объективно именно с него начинается движение криминологического механизма. Понятие криминологической ситуации при автотранспортных преступлениях позволяет лучше конкретизировать все его этапы, ибо включает само преступление (криминальную ситуацию) и всю совокупность обстоятельств, которые привели к его совершению, включая самые отдаленные этапы формирования личности автотранспортного преступника, рассматриваемые как единый причинно связанный процесс. Обращаясь к условиям негативного формирования личности, мы рассматриваем первый, исходный этап криминологической ситуации, представляющий индивидуализированный вариант совокупного влияния макро и микросреды на конкретного субъекта. То есть, в данном случае, можно говорить о макро и микроситуациях формирующего характера [36, стр. 180-186].

В криминологии к явлениям макросреды относятся особенности экономического развития, политические взгляды, господствующие или противоборствующие как на общегосударственном уровне, так и применительно к отдельным регионам, социальным группам. Та часть широкой социальной среды, с которой индивид поддерживает прямые и непосредственные контакты, представляет собой микросреду.

А.И. Алексеев, С.И. Герасимов, А.Я. Сухарев [1, стр. 433-435], рассматривая проблему автотранспортных преступлений, справедливо указывают, что причины и условия неосторожных автотранспортных преступлений разнообразны. Детерминация автотранспортных преступлений отличается значительной спецификой. В частности, она состоит в том, что при их совершении ситуационные факторы, по сравнению с личностными, играют более заметную роль, нежели в генезисе умышленных преступлений. На уровне всего общества криминогенное значение имеют усилившиеся элементы социальной дезорганизации, общее падение дисциплины в стране. В условиях остановок и сокращения государственного производства автотранспорта, недофинансирования, других экономических неурядиц, зачастую не хватает средств для поддержания в нормальном состоянии

технологических линий, оборудования, агрегатов, связанных с производством автотранспортных средств. В связи с этим участились случаи использования заведомо дефектной, неисправной техники, что нередко приводит к авариям, катастрофам, другим чрезвычайным происшествиям. Многие автотранспортные организации не имеют возможности финансировать профессиональную подготовку водителей, повышение их квалификации, мероприятия по технике безопасности. Полная коммерциализация услуг на рынке автобизнеса, погоня за прибылью, ослабление контроля за соблюдением государственных стандартов – все это способствует использованию малоквалифицированных кадров, а также эксплуатации автомобилей, находящихся в полуаварийном состоянии, с серьезными конструктивными и техническими недостатками, создающими угрозу для безопасности людей. Н.Ф. Кузнецова приводит данные, согласно которым, легальное и нелегальное поступление автомашин, как правило, подержанных, не приспособленных к российским условиям бездорожья безгаражья, из Европы и Японии, для частных водителей существенно повысило дорожную аварийность. Этому способствуют возросшая коррумпированность работников ГИБДД и распространенное взяткодательство «новых русских», часто управляющих автомашинами в нетрезвом состоянии, непрофессионально, но легко откупавшихся за содеянные правонарушения и преступления [37, стр. 94-95].

На личность воздействует и проявляются в конечном итоге в причинах индивидуального преступного поведения факторы социальной среды, как на макро, так и на микроуровнях, тем более что различия между микро и макро средой относительны: то, что для одного индивида составляет круг его постоянного и непосредственного общения (микросреда), для другого – есть обстоятельства макросреды. Макро и микросреда индивида изменяются, иногда существенно. Причем, макросреда в своих изменениях сравнительно мало зависит от возможностей и желаний субъекта, хотя в современных условиях ее уже вряд ли можно признать консервативной. Что касается микросреды, то ее изменения зависят и от личных условий субъекта, и от объективных факторов.

Особая роль в механизме формирования личности принадлежит микросреде, которая опосредует влияние макросреды. Формирующие воздействие макросреды как бы проходят через фильтр микросреды, которая некоторым образом преломляет макровоздействия, в какой-то части «отсекает» их от индивида. Общество практически не может прямо и непосредственно воздействовать на индивида, который воспринимает ее влияние через непосредственный круг общения и индивидуальный опыт.

Следовательно, в системе формирующих воздействий индивид ощущает таковые в их совокупном влиянии. Микросреда способна формировать взгляды и оценочные стереотипы, в том числе, аморального и противоправного характера, ориентированные на определенные социальные группы.

По мнению Д.В. Ривмана, важным фактором негативного формирования личности является влияние ближайшего бытового окружения. Это друзья, знакомые, соседи и компании, с которыми субъект контактирует постоянно и непосредственно. В зависимости от превалирующих в бытовом окружении установок, направленности, систем ценностей, отношения к законопослушному поведению и так далее, оно может представлять собой условно криминогенную или криминогенную среду [31; 55].

Деформирующее воздействие на личность могут оказывать как отдельные лица, так и группы, в особенности, построенные по профессиональному признаку. По степени криминогенности, группы, оказывающие формирующее влияние на участников и непосредственно втягивающие их в совершение правонарушений и преступлений, делятся на следующие группы: 1) с отклоняющимся поведением асоциального характера, участники которых совершают аморальные поступки; 2) с отклоняющимся поведением антиобщественного характера, участники которых совершают административные правонарушения; 3) смешанного асоциального - антиобщественного характера, участники которых совершают и аморальные, и административно наказуемые действия [4; 47].

Личность формируется наряду с влиянием семьи, семейным воспитанием, также воспитанием вне семейной среды, формирующим педагогическим воздействием на личность, осуществляемым в отношении лиц детского,

юношеского возраста. Это направление воспитательного воздействия реализуется в работе дошкольных учреждений, школ, профессиональных училищ и др. Недостатки общественной воспитательной работы приводят к тому, что негативные моменты семейного влияния, влияния иного бытового окружения не встречают противодействия.

Существенное криминологическое значение имеет формирование профессиональных интересов и склонностей у подростков и юношей [8; 24; 27; 50; 51]. Если профессиональное самоопределение формируется в позитивном плане под воздействием родителей, школы, положительных элементов микросреды, то практически оно работает на законопослушность. Чем слабее субъект сориентирован на профессиональную занятость, чем более очевиден несерьезный подход к жизни – тем более возможна криминализация этого субъекта. В то же время субъект противоположного воспитания лучше противостоит негативным влияниям. Если недостатки семейного воспитания не восполняются общественным и наоборот, их место занимают негативные, криминологически значимые неблагоприятные факторы, связанные с досуговым общением. Упущения в формировании профессиональной ориентации субъекта, воспитания у него нормального отношения к труду, что само по себе имеет негативное криминологическое значение, может быть усугублено неблагополучием в трудовом коллективе [36, стр. 184-187; 49].

Ю.М. Антонян, В.Н. Кудрявцев указывают, что если в коллективе процветают пьянство, круговая порука, нарушения трудовой дисциплины, культ денег и вседозволенности, то данные факторы обязательно окажут на индивида полностью отрицательное влияние и могут привести субъекта к участию в преступлениях, так сказать, «нормальных» для данного коллектива. Негативное влияние на субъект лиц, вместе с ним работающих, усиливается, если кроме общения на работе устанавливаются и иные уровни общения, в частности совместное время препровождение, связанное с употреблением спиртных напитков, установлением неформальных контактов др. Если при этом налицо и неблагополучие в семье, то влияние криминогенных контактов значительно усиливается [3; 38].

В настоящее время большинство отечественных криминологов единодушны в том,

что психические аномалии оказывают существенное влияние на преступное поведение водителей автотранспорта, а так же на преступность в целом [2; 8; 21].

Самой распространенной психической аномалией является алкоголизм, криминогенное значение которого общеизвестно. Алкоголизм всегда сопровождается социальными последствиями, неблагоприятными как для самого виновника дорожно-транспортного происшествия (преступления), так и для общества. Криминологическое значение алкоголизма проявляется и в том, что он способствует развитию психических аномалий, в свою очередь имеющих криминогенное значение, в частности психопатий и психопатических черт характера, и, следовательно, совершению преступных действий лицами, страдающими такими аномалиями. Вот почему так важно изучать личностные

особенности преступников-алкоголиков и разрабатывать мероприятия по предупреждению алкоголизма, что будет иметь огромное значение для успешной борьбы с автотранспортными преступлениями. Кроме того, поскольку психические аномалии создают предпосылки, способствующие совершению автотранспортных преступлений, активизации агрессивных тенденций, детерминируют определенный круг, содержание и устойчивость асоциальных контактов, то изучение данного феномена имеет также практическое значение. Для нейтрализации криминальной активности граждан, склонных к совершению автотранспортных преступлений в силу своих индивидуальных общественно-опасных черт, необходимо обеспечить в профилактической работе сочетанное, взаимодополняющее воздействие на личность и на микросреду [9; 15; 53; 54; 60; 65].

Список литературы

1. Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. – М.: Норма, 2001.
2. Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. – М.: Наука, 1987.
3. Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. – М., 1973.
4. Антонян Ю.М. Социальная среда и формирование личности преступника (неблагоприятное влияние на личность в микросреде). – М., 1975.
5. Асмолов А.Г. Деятельность и установка. – М., 1979.
6. Асмолов А.Г., Ковальчук М.А. О соотношении понятия установки в общей и социальной психологии // Социальная психология: Хрестоматия / Сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. – М., 1999.
7. Асмолов А.Г. Психология личности. – М., 1990.
8. Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. – М., 2006.
9. Баранов П.П., Курбатов В.И. Юридическая психология. – Ростов-на-Дону, 2004.
10. Барахоева А.Р. К вопросу о соотношении правовых и моральных установок личности // Вестник Поморского ун-та. – 2008. – №7.
11. Барахоева А.Р. Правовые установки личности // Вестник Поморского ун-та. – 2009. – № 8.
12. Блинова О.И. Мотивология и ее аспекты. – М., 2010.
13. Бобнева М.И. Социальные нормы и мотив поведения. – М., 1978.
14. Бондарев А.А. Проблемы реализации правовых установок сотрудников ГИБДД в сфере обеспечения законности и правопорядка. – Орел, 2010.
15. Васильев В.Л. Юридическая психология. – СПб., 2003.
16. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль: Курс лекций. – СПб.: Питер, 2002.
17. Гревцов Ю.И. Социология права: Курс лекций. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
18. Григолава В.В. Конфликт, иллюзия, установка и бессознательное. – Тбилиси, 1987.
19. Дриль Д.А. Преступность и преступники: Уголовно-психологические этюды. – СПб., 1985.
20. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. – М., 1982.
21. Дулов А.В. Введение в судебную психологию. – М.: Юрид. литература, 1976.
22. Дэвис Дж. Социология установки // Американская социология: Перспектива, проблемы, методы. – М., 1968.
23. Ефремова Г.Х., Зудин В.В., Ратинов А.Р. Опыт изучения правовых установок и ориентаций преступников // Психология изучения личности преступника. Методы исследования. – М., 1976.

24. Ефремова Г.Х. Правовые установки и ориентации молодых правонарушителей // Правовая культура и вопросы правового воспитания. – М., 1974.
25. Зелинский А.Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. – Харьков, 1986.
26. Казимирчук В.П., Кудрявцев В.Н. Современная социология права. – М., 1995.
27. Карпухин О.Н. Молодежь России: Особенности социализации и самоопределения // СОЦИС. – 2003. – № 3.
28. Касьянова Е.И. Роль установок и стереотипов сознания в формировании толерантного поведения // Современные гуманитарные исследования. – М., 2006. – №4.
29. Кваша А.А. Правовые установки граждан: Автореф. дис … канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2002.
30. Комлев Ю.Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения. – Казань, 2006.
31. Косоплечева Н. П. Методы криминологического исследования. – М., 1984.
32. Криминальная мотивация / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М., 1986.
33. Криминология и профилактика преступлений / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2001.
34. Криминология: Словарь / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, 1999.
35. Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. – СПб.: Изд-во СПб ГУ; Питер, 2002.
36. Криминология. Учебник для юридических вузов / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1999.
37. Криминология: Учебное пособие / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: Зерцало, 1998.
38. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления: опыт криминологического моделирования. – М., 1998.
39. Кудрявцев В. Н. Право и поведение. – М., 1978.
40. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. – М., 1982.
41. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М., 1991.
42. Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб., 2009.
43. Механизм преступного поведения / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М., 1981.
44. Мехтиханова Л.В. Факторы формирования правовой установки // Современные проблемы государства и права. Вып. 2. – Н. Новгород, 2003.
45. Надирашвили Ш.А. Понятие установки в общей и социальной психологии. – Тбилиси, 1974.
46. Надирашвили Ш. А. Установка и деятельность. – Тбилиси, 1987.
47. Накомонов В.А. Преступное поведение: детерминизм и ответственность. – Владивосток, 1989.
48. Нурпесиков Е. К. Психология правомерного поведения. – Алма-Ата, 1984.
49. Парыгин В.Д. Социально-психологический климат коллектива. – Л., 1981.
50. Пискарев Д. П. Исследование социально-психологических стереотипов противоправного поведения молодежи: Автореф. дис. канд. психол. наук. – Кострома, 1999.
51. Пискарев Д. П. Социально-психологические стереотипы противоправного поведения молодежи. – М.; Кострома, 1999.
52. Прангишвили А.С. Исследования по психологии установки. – Тбилиси, 1967.
53. Психологический механизм юридического поведения личности / Под науч. ред. В.Н. Корташова. – Ярославль: ЯрГУ, 2011.
54. Психологический механизм юридической деятельности (Личностный аспект) / Под общ. ред. В.Н. Корташова. – Ярославль: ЯрГУ, 2010.
55. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. – СПб., 2002.
56. Ривман Д. В., Устинов В.С. Виктимология. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
57. Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. – М., 1961.
58. Семитко А.П. Понятие и структура правовой установки, ее роль в правовом поведении // Проблемы реализации права. – Свердловск, 1990.
59. Скляров С.В. Вина и мотивы преступного поведения. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
60. Скомпска Г. Типология отношений к праву. – Krakow, 1975.
61. Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М., 2002.
62. Станкевич Л.П. Механизм преступного поведения. – М., 1981.
63. Тарапухин С.А. Установление мотива и квалификация преступлений. – Киев, 1977.
64. Чавчавадзе Н.Н. Социальное подкрепление как один из факторов формирования установки. – Тбилиси, 1987.
65. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. – М., 2010.
66. Чучасев А.И. Личность преступника и вопросы наказания. – М., 1991.
67. Шнайдер Г.И. Криминология. – М.: Прогресс – Универс, 1994.
68. Щербакова Н.В. Правовая установка и социальная активность личности. – М., 1986.
69. Щербакова Н.В. Проблемы правовой установки личности. – Ярославль, 1993.

ПИРОВ Мухриддин Таварович,
аспирант кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета МВД России,
старший оперуполномоченный Отдела по
оперативно-розыскной работе Управления
внутренней безопасности МВД Республики
Таджикистан
E-mail: piroff@mail.ru

Специальность 12.00.12 – Криминалистика;
судебно-экспертная деятельность; оперативно-
розыскная деятельность

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ОСНОВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ В БОРЬБЕ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РАБСКОГО ТРУДА

Аннотация. В статье рассматриваются правовые и организационные проблемы международного сотрудничества государств в борьбе с торговлей людьми и использованием рабского труда. Автор проследил это сотрудничество с момента зарождения и до наших дней. Он приводит положения Венского конгресса (1815 г.), Аахенского конгресса (1818 г.), Лондонского договора (1841 г.) между Англией, Францией, Россией, Австрией и Пруссией, Соглашения между США и Англией (1862 г.) О взаимном обыске подозреваемых судов, Генерального акта берлинской конвенции (1885 г.), Генерального акта Брюссельской конвенции (1890 г.).

Приведенные международно-правовые акты были направлены на пресечение работоторговли, но не могли ликвидировать рабство как таковое. Лишь в XX веке появились международно-правовые нормы, запрещающие не только работоторговлю, но и рабство. В статье анализируются эти правовые акты. Особое внимание уделяется изучению Конвенции ООН о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами от 2 декабря 1949 года. В ней впервые введено понятие «торговля людьми», хотя и не дается определение этого преступного деяния.

Серьезное внимание в статье уделено рассмотрению Дополнительной конвенции ООН об упразднении рабства, работоторговли и институтов и обычаяев, сходных с рабством, принятой в Женеве 7 сентября 1956 года. Автор изучил Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года и дополняющие ее Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее от 15 ноября 2000 г. и Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху от 15 ноября 2000 года, Конвенцию Совета Европы о противодействии торговле людьми, заключенную в г. Варшаве 16 мая 2005 г.

Безусловный интерес представляет предложенный в статье анализ многих международных соглашений, заключенных в рамках Содружества Независимых Государств.

Изучив и проанализировав большое количество международных документов, автор приходит к выводу о том, что торговля людьми является очень острой международной проблемой, требующей согласованного решения международным сообществом. Он предлагает унифицировать механизмы и принципы взаимодействия государств – участников международно-правовых соглашений, говорит о важной роли в этом процессе Интерпола.

В статье приведены интересные примеры конкретных результатов борьбы с этими опасными преступлениями в различных странах, конкретного сотрудничества разных государств и их спецслужб. Например, вызывает интерес 29-е заседание Совета

руководителей органов безопасности и спецслужб государств-участников СНГ, состоявшееся 8 ноября 2010 года в Таджикистане, которое сформулировало перспективные предложения по борьбе с торговлей людьми и использованием рабского труда. Продолжает оставаться актуальной проблема разработки Программы сотрудничества государств в этом направлении. Необходимы новые усилия международного сообщества вообще и государств-участников СНГ в частности.

Ключевые слова: сотрудничество; правовые и организационные основы; торговля людьми; использование рабского труда; права человека; организованная преступность; международная преступность; международные договоры, соглашения, конвенции; международные обязательства; Организация объединенных наций; Содружество Независимых Государств; Интерпол; Программа сотрудничества государств-участников СНГ.

PIROV M.T.

LEGAL AND ORGANIZATIONAL FOUNDATIONS FOR COOPERATION OF STATES IN THE FIGHT AGAINST HUMAN TRAFFICKING AND THE USE OF SLAVE LABOR

The summary. The article considers legal and organizational issues of international cooperation between states in combating human trafficking and the use of slave labor. The author traced back this cooperation from the date of its origination up to the present day. He cites the provisions of the Congress of Vienna (1815), the Congress of Aix-la-Chapelle (1818), the Treaty of London (1841.) between England, France, Russia, Austria and Prussia, the Treaty between USA and England (1862.) on mutual search of suspected ships, the General Act of the Berlin Convention (1885), the General Act of the Brussels Convention (1890).

The cited international legal acts were aimed at the suppression of the slave trade but could not abolish slavery as itself. Only the XX century saw the appearance of international legal norms prohibiting not only the slave trade but also slavery. These legal norms are analyzed in the article. Special attention is given to UN Convention for the Suppression of the Traffic in Persons and of the Exploitation of the Prostitution of Others dated December 2, 1949. It introduced for the first time the concept of "trafficking in persons" although does not give a definition of this criminal act.

Serious consideration is given in the article to UN Supplementary Convention on the Abolition of Slavery, the Slave Trade and Institutions and Practices Similar to Slavery adopted in Geneva on September 7, 1956. The author studied the United Nations Convention against Transnational Organized Crime of November 15, 2000 and its supplementary Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children of November 15, 2000, and Protocol against the Smuggling of Migrants by Land, Sea and Air of November 15, 2000, and Council of Europe Convention on Action against Trafficking in Human Beings adopted in Warsaw on May 16, 2005.

Of great interest is the proposed in the article analysis of many international agreements concluded within the Commonwealth of Independent States.

Having studied and analyzed a large number of international documents the author comes to the conclusion that trafficking in persons is a very acute international problem which requires a coordinated solution by the international community. He proposes to unify the mechanisms and principles for cooperation between the states – participants of international legal agreements, speaks of the important role of Interpol in this process.

The article provides interesting examples of specific results from the fight against these dangerous crimes in different countries, specific cooperation between various states and their intelligence services. For instance, of arousing interest is 29th meeting of the Council of heads of security bodies and intelligence services of CIS member states held on November 8, 2010 in Tajikistan

which formulated far-reaching proposals to combat trafficking in persons and the use of slave. The development of the State cooperation program in this area remains an urgent issue. New efforts of the international community in general and CIS member states in particular are required.

Key words: cooperation; legal and organizational foundations; trafficking in persons; use of slave labor; human rights; organized crime; international crime; international agreements, treaties, conventions; international obligations; the United Nations Organization; the Commonwealth of Independent States; Interpol; Program of cooperation of CIS member states.

Торговля людьми запрещена международным сообществом как абсолютное нарушение прав человека [4; 7; 8; 9; 10; 14; 16; 17; 18; 20; 24; 25; 26; 27; 29; 30; 31; 35; 41; 42; 44; 48; 49; 53; 54; 55; 56; 57; 58; 64; 65; 68]. Очевидно, что обсуждение указанных проблем на международном уровне ведется в контексте более широких вопросов, таких как организованная и международная преступность [3; 5; 6; 13; 15; 19; 21; 22; 23; 28; 33; 37; 38; 39; 40; 46; 47; 50; 51; 52; 60; 61; 62; 63; 67; 69; 70]. Однако анализ международных договоров в указанной области свидетельствует о чрезвычайном внимании и конкретно к этой проблеме.

Впервые на недопустимость работоговли, а точнее торговли выходцами из африканских стран, на международном уровне указала специальная декларация Венского конгресса 1815 г. Следующий шаг в этом направлении был сделан Аахенским конгрессом 1818 г., на котором торговля людьми не только запрещалась, но и объявлялась преступной. Однако оба эти решения оказались декларативными, не подкрепленными какими-либо практическими мерами, и рабство и работоговля продолжали существовать, оставаясь прибыльным промыслом.

Первые практические меры по борьбе с рабством и работоговлей были отражены в Лондонском договоре 1841 г., заключенным Англией, Францией, Россией, Австрией и Пруссией. В соответствии с ним работоговля была приравнена к наказуемому уже в те времена пиратству, а военным кораблям договаривающихся государств предоставлялось право обыскивать суда, подозреваемые в занятии работоговлей, в пределах так называемого подозрительного пояса, куда входили Атлантический океан и западная часть Индийского океана. В 1862 г. между США и Англией заключается соглашение о взаимном обыске подозреваемых судов.

В 1885 г. уже 16 государств подписывают Генеральный акт Берлинской конференции, в

котором констатируется, что работоговля запрещается международным правом. Кроме того, этим актом запрещалось использование территории бассейна реки Конго в качестве рынка чернокожих рабов, а также транзитных путей при их перевозке (именно в этом регионе наблюдался небывалый расцвет работоговли) [36, стр. 153].

Следующий значимый акт – Генеральный акт Брюссельской конференции 1890 г., предусматривший принятие конкретных практических мер по борьбе с работоговлей. Наиболее существенным следует признать обязательство договаривающихся государств принять законы, устанавливающие уголовное наказание за насильственный захват невольников. Страны-участницы этого договора обязались также осуществить у себя ряд специальных мероприятий, направленных на предотвращение работоговли (учреждение специальных военных постов для блокировки дорог, по которым предположительно осуществлялась перевозка рабов; установление соответствующего порядка в портах и т. д.). Кроме того, был установлен уточненный территориальный «подозрительный пояс», куда вошли западная часть Индийского океана, Красное море и Персидский залив, через которые преимущественно и осуществлялась торговля невольниками и где военные корабли договаривающихся государств приобретали право задерживать и осматривать подозрительные суда. Генеральный акт предусматривал также создание специальных органов по борьбе с работоговлей – Международное морское бюро по сбору сведений и документов по вопросам работоговли (в Занзибаре) и специальное бюро, на которое возлагались функции посредника по обмену законами и статистическими данными в этой области (в Брюсселе).

Перечисленные международно-правовые акты были направлены на пресечение работоговли, но не на ликвидацию рабства как такового. Лишь в

XX в. появились международно-правовые нормы, запрещающие не только работоговлю, но и рабство. Сен-Жерменский договор 1919 г., отменивший постановления Брюссельского генерального акта 1890 г., предусмотрел, что договаривающиеся стороны должны приложить все усилия для полного уничтожения рабства и работоговли [36, стр. 154]. Дальнейшая история развития международного права в сфере борьбы с торговлей людьми связана с деятельностью международного сообщества, сначала в рамках Лиги Наций, а затем и в ООН [36, стр. 262].

12 июня 1924 г. Совет Лиги Наций создал Временную комиссию по рабству, на основании доклада которой была разработана, а вследствии принятая Конвенция о рабстве, подписанная 25 сентября 1926 г. (ее участником стал и СССР). Фактически этот международный договор может рассматриваться как один из фундаментальных источников формирования системы норм современного международного права. При оценке правовой значимости каждого из международных договоров, содержащих нормы, направленные на борьбу с торговлей людьми, важными в рамках настоящего исследования представляются два момента:

- 1) категориальный аппарат, с помощью которого формируется правовая сфера, в данном случае, сфера борьбы с торговлей людьми;
- 2) объем и содержание международных обязательств государств, так как такие юридические обязательства в процессе их реализации постепенно складываются в определенную систему договорных и обычных норм, т. е. согласованных правил поведения, которые принято рассматривать в качестве международных стандартов [11, стр. 65]. И.И. Лукашук и А.В. Наумов определяют международные стандарты как «признаваемый международным сообществом необходимый уровень требований», предъявляемый к осуществлению прав человека, в данном случае – в сфере борьбы с торговлей людьми [36, стр. 262].

Конвенция относительно рабства от 25 сентября 1926 г. (с изменениями, внесенными протоколом от 7 декабря 1953 г.) вступила в силу 9 марта 1927 г. СССР присоединился к данной Конвенции 8 августа 1956 г.

В данной Конвенции представлены определения понятий: «рабства» (п. 1 ст. 1), под которым

понимается «состояние или положение человека, над которым осуществляются атрибуты права собственности или некоторые из них». И хотя для уголовного законодательства это определение, по мнению академика В.Н. Кудрявцева, не совсем приемлемо, ибо не отличается необходимой четкостью, суть его очевидна: не допускается, чтобы человек был чьей-либо собственностью [43, стр. 135]. Внутренний закон государства может пойти по пути дальнейшего раскрытия содержания термина торговли невольниками, которая «включает всякий акт захвата, приобретения или уступки человека с целью продажи его в рабство; всякий акт приобретения невольника с целью продажи его или обмена; всякий акт уступки путем продажи или обмена невольника, приобретенного с целью продажи или обмена, равно как и вообще всякий акт торговли или перевозки невольников» (п. 2 ст. 1).

Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами по сути является первым кодифицированным актом, объединившим ранее действовавшие международные акты, такие как: Международный договор от 18 мая 1904 г. о борьбе с торговлей белыми рабынями с изменениями, внесенными в него Протоколом, утвержденным Генеральной Ассамблеей ООН 3 декабря 1948 г.; Международная конвенция от 4 мая 1910 г. о борьбе с торговлей белыми рабынями с изменениями, внесенными в нее упомянутым выше Протоколом; Международная конвенция от 30 сентября 1921 г. о борьбе с торговлей женщинами и детьми с изменениями, внесенными в нее Протоколом, принятым Генеральной Ассамблеей ООН 20 октября 1947 г.; Международная конвенция от 11 октября 1933 г. о борьбе с торговлей совершеннолетними женщинами с изменениями, внесенными в нее указанным Протоколом [45, стр. 47].

Принятию Конвенции ООН о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами от 2 декабря 1949 г. предшествовала подготовка в рамках Лиги Наций еще в 1937 г. проекта общей конвенции, которая и легла в основу указанной Конвенции.

Конвенция ООН о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами впервые вместо ранее применявшихся понятий «торговля белыми рабынями», «торговля женщинами и детьми», «торговля совершеннолетними женщинами» ввела понятие

«торговля людьми». При этом Конвенция не дает определения этого понятия, указывая лишь на один из его существенных признаков; цель совершения данного преступления. Преступной объявляется «торговля людьми», «преследующая цели проституции». Неясны и критерии разграничения понятий «торговля людьми, преследующая цели проституции» и «эксплуатация проституции».

Дополнительная Конвенция ООН об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаяв, сходных с рабством, принята в Женеве 7 сентября 1956 г. и вступила в силу 30 апреля 1957 г. Ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 февраля 1957 г. и вступила в силу для СССР 30 апреля 1957 г. [1].

Конвенция ООН об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаяв, сходных с рабством, получила наименование дополнительной, так как была принята в качестве дополнения к сохранившей юридическую силу Конвенции относительно рабства 1926 г. Решение о необходимости выработки дополнительной конвенции было принято Генеральной Ассамблеей ООН в 1949 г. с тем, чтобы активизировать национальные и международные усилия в борьбе с рабством и работорговлей, которые не были еще ликвидированы во всех странах мира.

Каждое из государств-участников Дополнительной конвенции ООН об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаяв, сходных с рабством, приняло на себя следующие обязательства:

- 1) принятие законодательных и иных мер к тому, чтобы осуществить постепенно и в кратчайший по возможности срок полную отмену или упразднение рабства и институтов и обычаяв, где они еще существуют, и независимо от того, охватываются ли они или нет определением рабства, содержащимся в ст. 1 Конвенции относительно рабства от 25 сентября 1926 г. (ст. 1);
- 2) установление соответствующего минимального брачного возраста и поощрение порядка, при котором обеспечивается добровольное согласие обеих сторон на вступление в брак в присутствии компетентного гражданского должностного лица или служителя культа, а также поощрение регистрации браков (ст. 2);
- 3) с отрудничество с другими государствами-участниками в осуществлении изложенных

выше положений; направление Генеральному секретарю ООН копий всех законов, правил и административных распоряжений, издаваемых и вводимых в действие для осуществления положений данной Дополнительной конвенции (ст. 8).

В активизации деятельности международного сообщества в направлении борьбы с торговлей людьми и использованием рабского труда особенно большую роль сыграли следующие международные документы:

- «Конвенция о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами», принятая 2 декабря 1949 года на 264 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН;
- Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года и дополняющие ее Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее от 15 ноября 2000 года и Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху от 15 ноября 2000 года,
- Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми, заключенная в г. Варшаве 16 мая 2005 г. [45, стр. 67-75].

В настоящее время заключено достаточно большое количество международных соглашений в рамках Содружества Независимых Государств, направленных на координацию усилий в указанной области. Так, 25 ноября 2005 г. в г. Москве заключено Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека, 23 августа 2005 г. в г. Москве принято Решение Совета министров иностранных дел государств-членов СНГ «О проекте Соглашения о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека», 28 ноября 2006 года в городе Минске Советом глав государств СНГ принято Решение «О Программе сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми на 2007 – 2010 годы».

Наличие такого количества международных соглашений по вопросам борьбы с торговлей людьми позволяет сделать вывод о наличии

действительно острой международной проблемы, требующей согласованного решения. В ряде случаев принятие таких международных договоров и соглашений стимулирует принятие национальных нормативных актов, направленных на борьбу с указанным преступным деянием. Так, включение в Уголовный кодекс Российской Федерации норм об уголовной ответственности за торговлю людьми обусловлено необходимостью выполнения международных обязательств, связанных с подписанием 15 декабря 2000 г. в г. Палермо (Италия) Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Протокол ратифицирован Российской Федерацией 26 апреля 2004 г.

Однако приходится констатировать, что обилие международно-правовых норм в указанной сфере существенно затрудняет их применение. В связи с вышеизложенным, представляется целесообразным унифицировать механизмы и принципы взаимодействия государств – участников указанных соглашений.

Исходя из вышеприведенного, можно сделать следующие выводы:

- 1) Правовое обеспечение взаимодействия правоохранительных органов иностранных государств начинает свое начало с XIX века.
- 2) Значительное число актов в сфере обеспечения взаимодействия иностранных государств, и в первую очередь, их правоохранительных органов, стало приниматься во второй половине XX века. Причиной тому, стала реальная проблема в сфере защиты прав граждан развитых и развивающихся государств от преступных действий, развивающих работторговлю.
- 3) Нормативно-правовое обеспечение взаимодействия правоохранительных органов иностранных государств обусловлено тем, что борьба с торговлей людьми и использованием рабского труда, не является исключительно внутригосударственной проблемой отдельных стран. Указанная проблема выходит за пределы отдельно взятого государства, поскольку работторговля, с момента ее зарождения и до настоящего времени, носит характер транснационального преступления. Каналы

торговли людьми и последующего использования их рабского труда, охватывают до двух-трех государств. Это связано с тем, что в отдельных странах существует противоправный спрос на лиц определенных государств, в которых сложились соответствующие социально-экономические условия для совершения данных преступлений. Преступная деятельность в данных каналах осуществляется оперативно. Для эффективного противодействия данным негативным явлениям необходима оперативная и взаимосвязанная работа правоохранительных органов соответствующих государств. В рамках правового государства это возможно, в первую очередь, при наличии полной и детальной правовой базы.

Сегодня выделяют основные направления противодействия торговле людьми – целенаправленная работа по снижению спроса на дешевую рабочую силу и сексуальные услуги, преследование организаторов этого преступного бизнеса и защита их жертв. Такой вектор карательных, превентивных и восстановительных мер заложен в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и дополняющем ее Протоколе о предупреждении и пресечении торговли людьми.

Практика показывает, что значительную часть взятых на себя обязательств выполняется. Так, например, в мае 2007 г. в Москве по уголовному делу о торговле женщинами в страны Европы и Ближнего Востока задержаны гражданин Израиля (Ави Янай) и двое граждан одной из стран ближнего зарубежья. Данным лицам предъявлено обвинение по ст. 210 (организация преступного сообщества) и ст. 127.1 УК РФ (торговля людьми). Характерно, что гражданин Израиля ранее дважды был осужден судом города Хайфы, в отношении его местной полицией расследуется несколько дел, в том числе по подозрению в торговле людьми и мошенничестве.

О пресечении деятельности преступной группы, занимавшейся торговлей людьми из стран Юго-Восточной Азии и СНГ в Западную Европу через территорию России, сообщила в марте 2007 г. ФСБ России. Операция прошла совместно со Службой национальной безопасности Республики Узбекистан, правоохранительными органами Италии, Финляндии и Генерального секретариата Интерпола. По данным ФСБ, члены

международной группы длительное время осуществляли торговлю людьми и организовали каналы нелегального перемещения иностранных граждан из Юго-Восточной Азии и стран СНГ в Западную Европу транзитом через территорию России. Тогда были установлены более 20 лиц, причастных к торговле людьми. В частности, в группировку входили также граждане Молдовы и Украины. Как сообщили в ЦОС ФСБ, «в ходе оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий установлено, что в городах Архангельск, Вологда, Екатеринбург, Ижевск, Калининград, Омск, Уфа, Хабаровск членами преступного сообщества создавались подставные фирмы, от имени которых под предлогом трудоустройства за границей заключались фиктивные договоры с российскими гражданами с целью незаконного завладения их заграничными паспортами». Затем через турфирмы в паспорта в иностранных посольствах и консульствах в Москве и Санкт-Петербурге оформлялись подлинные шенгенские визы, а в подпольной лаборатории изменялись паспортные данные и вклеивались фотографии лиц, переправляемых в страны Европы. Цена изготовления паспорта и перемещения мигранта через границу составляла от 3 до 5 тысяч евро.

Оперативность и эффективность взаимодействия зависят от хорошо организованного взаимодействия правоохранительных органов иностранных государств. Как указывает Е.В. Кушпель, успешное расследование по делам данной категории невозможно без тесного взаимодействия органов следствия двух или более стран. Оно необходимо, в частности, при выезде иностранного гражданина из России после приобретения ребенка. Розыск такого преступника, его выдача, освобождение ребенка и процесс его возвращения в Россию, решение процессуальных вопросов, связанных с допросом иностранного гражданина, находящегося в стране своего гражданства, – все это требует согласованных усилий, сотрудничества правоохранительных органов двух или более государств, что невозможно без взаимопомощи этих государств в области борьбы с преступностью вообще и торговлей детьми в частности на основе норм международного права [34]. С.Р. Абрамова указывает, что в тех случаях, когда преступления о торговле несовершеннолетними под юрисдикцию нескольких государств, эффективное расследование преступлений невозможно без

международного сотрудничества и межведомственного взаимодействия между правоохранительными и иными органами государственной власти различных государств [2, стр. 30].

Одним из органов, обеспечивающих взаимодействие, является Интерпол [12]. Согласно Положению о Национальном Центральном бюро Интерпола в Российской Федерации, оно, наряду с другими задачами и функциями, решает важные для расследования преступлений иностранных граждан задачи:

- 1) направляет в Генеральный секретариат и НЦБ государств – членов Интерпола просьбы и оповещения правоохранительных органов Российской Федерации: - о предоставлении данных относительно преступлений и преступников, - о розыске лиц, предметов и документов; - осуществляет наблюдение за лицами, подозреваемыми в преступной деятельности;
- 2) при необходимости направляет в Генеральный секретариат и НЦБ заинтересованных государств сведения о преступлениях, совершенных иностранными гражданами в Российской Федерации, а также об иностранных гражданах, задержанных в Российской Федерации по подозрению в совершении преступлений, привлеченных к уголовной ответственности и осужденных.

Исходя из этого, применительно к предмету нашего исследования этот орган предоставляет информацию: - о совершенном преступлении, - о вывезенных за пределы России детях, - о международных преступных группах, занимающихся торговлей людьми и использованием рабского труда. По данным НЦБ, государства-члены Интерпола обязаны осуществлять наблюдение за лицами, подозреваемыми в преступной торговле детьми, в целях пресечения их деятельности и раскрытия преступлений.

Г.К. Смирнов выделяет и такой способ организации взаимодействия, как направление запроса о правовой помощи в правоохранительные органы иностранных государств [59, стр. 26]. При такой форме взаимодействия, соответствующий процессуальный документ по уголовному делу направляется в соответствии с УПК РФ, либо в соответствии с международным договором. Правила международного договора будут

применяться в случае, если страна, правоохранительным органам которой адресуется запрос, является одной из сторон международного договора, заключенного с Россией.

Одним из случаев высоко организованного взаимодействия, является уголовное дело, по которому, по сообщению информационного агентства Регнум, в Хабаровском крае завершено расследование в отношении 37-летней женщины, обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ (торговля людьми), ч. 3 ст. 240 УК РФ (вовлечение в занятие проституцией). 22 октября 2010 г. уголовное дело, после утверждения обвинительного заключения, направлено в суд для рассмотрения по существу. В соответствии с предъявленным обвинением, обвиняемая, в период с мая 2005 года по апрель 2006 года вместе с мужчиной 1967 года рождения занимались вербовкой девушек для занятия проституцией и переправляли их в КНР. Потерпевшим обещали работу танцовщиц в престижных ресторанах и хорошую зарплату. Однако как только девушки оказывалась за границей, у них отбирали паспорта и, угрожая физической расправой, заставляли заниматься проституцией. По данному уголовному делу потерпевшими признаны пять жительниц города Комсомольска-на-Амуре.

В 2007 году подельник обвиняемой был осужден к девяти годам лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима, она же до августа 2010 года скрывалась на территории Китая. По ходатайству следственных органов Следственного комитета по Хабаровскому краю при содействии Интерпола злоумышленница была депортирована в Российскую Федерацию.

Вместе с тем, как мы видим, остальные участники преступной группы, действовавшие на территории Китая, не установлены и не привлечены к ответственности.

8 ноября 2010 г. в Таджикистане состоялось 29-ое заседание Совета руководителей органов безопасности и спецслужб государств-участников СНГ. Руководители спецслужб стран СНГ обсудили ряд вопросов, связанных с совершенствованием взаимовыгодного сотрудничества, в том числе, в сфере борьбы торговли людьми.

Все это говорит о том, что правоохранительные органы иностранных государств готовы к сотрудничеству в сфере противодействия торговли людьми и следующим за ним использовании

рабского труда. Все понимают, что без реальной и оперативной помощи друг другу, все международные акты о противодействии указанным преступлениям, будут оставаться декларациями, что не приведет к реальной борьбе с данными преступлениями.

Вместе с тем, опыт уголовного преследования за рассматриваемые преступления в России не вызывает сомнений, то превентивные и восстановительные меры явно нуждаются и в законодательной разработке, и в апробации. В этом смысле следует согласиться с автором фундаментального доклада по проблемам торговли людьми в Российской Федерации Е.В. Тюрюкановой в том, что необходимы дополнительные действия для оказания помощи жертвам преступных действий. Еще предстоит разработать национальные законодательные нормы и создать координационные механизмы по противодействию торговле людьми, которые позволили бы России полностью придерживаться своих международных обязательств, взятых в соответствии с ратифицированными международными конвенциями. Более того, меры по противодействию торговле людьми должны в большей степени основываться на подходе, учитывающем необходимость соблюдения прав человека и уважения к правам пострадавших лиц. Торговлю людьми не следует рассматривать только как борьбу с организованной преступностью и нелегальной миграцией, а прежде всего как нарушение прав человека [66, стр. 7-8].

Ситуация по реализации восстановительных процедур в отношении жертв торговли людьми не представляется безнадежной. Но практически все меры осуществляются не государством, а общественными организациями, международными структурами. Так, например, в 2007 г. в Москве под эгидой Международной организации по миграции (МОМ) успешно начал работу Центр реабилитации для жертв торговли людьми.

Подход, который международное сообщество применяет к торговле людьми, определяется двумя целями: необходимостью того, чтобы государство наказывало за это серьезное преступление, и необходимостью того, чтобы общество заботилось о жертвах серьезных нарушений прав человека, которые наносят удар по их основным свободам.

Вероятно, остроту проблемы торговли людьми в России и сопредельных с ней государствах была призвана снять Программа сотрудничества государств-участников Содружества

Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми на 2007 – 2010 гг., принятая 28 ноября 2006 г. Комплекс мер, предусмотренных Программой, основывался на анализе криминогенной ситуации и прогнозе ее развития в государствах-участниках СНГ, результатах научных исследований, практике борьбы с торговлей людьми, в том числе опыте совместных действий. Целью Программы являлось дальнейшее совершенствование сотрудничества государств-участников СНГ, деятельности уставных органов и органов отраслевого сотрудничества СНГ в борьбе с торговлей людьми. Основные задачи Программы были сформулированы следующим образом: расширение и укрепление международно-правовой базы сотрудничества государств-участников СНГ, совершенствование и гармонизация национального законодательства; проведение согласованных процессуальных действий, профилактических, оперативно-розыскных мероприятий и специальных операций; информационное и научное обеспечение сотрудничества; осуществление сотрудничества в подготовке кадров и повышение квалификации специалистов. Главы государств, принявшие данную Программу, выразили согласие в том, что необходимо ускорить осуществление внутригосударственных процедур, необходимых для вступления в силу, во-первых, Соглашения о сотрудничестве государств-участников СНГ в вопросах возвращения несовершеннолетних в государства их постоянного проживания от 7 октября 2002 г., во-вторых, Соглашения о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека от 25 ноября 2005 г.

В целях обеспечения надлежащего нормативно-правового обеспечения противодействия торговле людьми на субрегиональном уровне (на пространстве СНГ) Межпарламентской Ассамблеей государств - участников СНГ следует также разработать проект модельного законодательного акта о борьбе с торговлей людьми; проект модельного законодательного акта об оказании помощи жертвам торговли людьми; рекомендации по унификации и гармонизации законодательства государств-участников СНГ в сфере борьбы с торговлей людьми [32].

Представляется, что государственная власть должна обеспечивать таким жертвам эффективный доступ к правосудию по их

усмотрению и доступ к убежищу, медицинскому обслуживанию, юридической помощи, социально-психологическим консультациям, а также содействие их возвращению в родные места или переезду на новое место, где они могли бы восстановить свои силы и вернуться к нормальной жизни. Такой подход обеспечивает баланс между потребностями государства в обеспечении безопасности и потребностью общества в восстановлении прав человека применительно к жертве.

Подводя итог вышесказанному, мы считаем возможным сделать следующие выводы:

- 1) Своевременность освобождения потерпевших и привлечения к уголовной ответственности виновных в совершении торговли людьми и использовании рабского труда, а также скорейшем судопроизводстве, зависят от быстроты и полноты взаимодействия правоохранительных органов иностранных государств. Такое взаимодействие осуществляется, как правило, при направлении соответствующих процессуальных документов об оказании правовой помощи по уголовным делам в рамках уголовно-процессуального закона или в соответствии с заключенными между странами международными договорами.
- 2) Одним из основных органов, обеспечивающих взаимодействие, являются Национальные бюро Интерпола в странах.
- 3) Основными принципами взаимодействия правоохранительных органов иностранных государств должно являться быстрое и полное освобождение рабов, находящихся под влияние преступной группы, в отношении членов которой ведется судопроизводство и установление всех участников преступной группы с последующим их привлечением к уголовной ответственности. Без соблюдения данных принципов, само взаимодействие окажется малоэффективным, поскольку его результаты не окажут существенного вреда для преступной группы, и она, не прекратит осуществление преступных действий в сфере торговли людьми и использовании рабского труда.

Необходимы новые усилия международного сообщества вообще и государств-участников СНГ в частности для разработки Программ сотрудничества государств в борьбе с торговлей людьми и использованием рабского труда.

Список литературы

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 февраля 1957 г. «О ратификации Конвенции ООН об упразднении рабства, работников и институтов и обычаях, сходных с рабством» // BBC СССР. – 1957. – № 8 (875). – Ст. 224.
2. Абрамова С.Р. Методика расследования торговли несовершеннолетними, подмены ребенка и незаконного усыновления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009.
3. Аврутин Ю.Е., Гуляев А.П., Егоршин В.М., Сальников В.П., Шапиев С.М. Преступность, общество, государство: проблемы социогенезиса. Опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2002.
4. Азаров А., Ройцер В., Хюффнер К. Права человека: международные и российские механизмы защиты. – М., 2003.
5. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М.: НОРМА, 2006.
6. Антоян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. – СПб., 2004.
7. Бабаджанов И.Х., Оль Е.М., Тарайко В.И. Благоприятная окружающая среда и право человека на жизнь // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 122-127.
8. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь в аксиологическом измерении // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – №1.
9. Бабаджанов И.Х. Право человека на жизнь как юридическая квинтэссенция витальных возможностей человека. – Душанбе, 2010.
10. Бадальянц Ю.С. Права человека. – Рязань, 2006.
11. Барнашов А.М. Общепризнанные принципы и нормы международного права и их взаимодействие с нормами российского законодательства // Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия. Материалы Всероссийского совещания (Москва, 24 декабря 2002 г.) / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Боровой и А.В. Сычевой. – М., 2004.
12. Бельсон Я.М. Интерпол в борьбе с уголовной преступностью. – М., 1989.
13. Бойков А.Д. Государственная политика борьбы с преступностью и ее отражение в праве и правосудии // Россия на рубеже тысячелетий. – М., 2000.
14. Бондарь Н.С. Права человека и Конституция России. – Ростов-на-Дону, 1996.
15. Велов В.Б. Компьютерные преступления: Способы совершения и раскрытия / Под ред. Б.П. Смагоринского. – М.: Право и закон, 1996.
16. Глухарева Л.И. Права человека в современном мире: социально-философские основы и государственно-правовое регулирование. – М., 2003.
17. Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю. Права человека. – М., 2006.
18. Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики / Под ред. Ф.М. Рудинского. – М., 2006.
19. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. – М., 1990.
20. Диноршоев А.М. Права человека. – Душанбе, 2010.
21. Егоршин В.М., Колесников В.В. Преступность в сфере экономической деятельности. – СПб., 2000.
22. Егоршин В.М. Проблемы обеспечения экономической безопасности современной России (теоретико-правовые вопросы). – СПб., 1998.
23. Егоршин В.М. Экономическая безопасность и экономическая преступность в современной России. – СПб., 1999.
24. Защита жертв террористических актов и иных преступлений: Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации О.О. Миронова. – М.: Юриспруденция, 2003.
25. Зорькин В.Д. Не теряйте веру в торжество жизни // Российская юстиция. – 2006. – №3.
26. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М.: Норма, 2007.
27. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. – М.: Норма, 2010.
28. Исмагилов Р.Ф. Экономика и организованная преступность / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1997.
29. Кальченко Н.В. Право человека на жизнь. – Волгоград, 2003.
30. Капицин В.М. Права человека и механизм их защиты. – М., 2003.
31. Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации / Под ред. О.И. Тиунова. – М., 2005.
32. Кубов Р.Х. Торговля людьми как вид транснациональной преступности // Российский следователь. – 2008. – № 1.
33. Кудряшова Г.Н., Поляков Д.С. К вопросу о криминологической характеристике лиц, являющихся организаторами похищения несовершеннолетних // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №1. – С. 131-137.
34. Кушпель Е.В. Проблемы выявления и расследования торговли несовершеннолетними // Вестник криминалистики. Выпуск 1. – М.: Спарк, 2006. – С. 72-76.
35. Лукашева Е.А. Права человека. – М., 2000.
36. Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право. – М., 1999.

37. Лунеев В.В. Латентной криминальности необходим системный мониторинг // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2010. – №3(17).
38. Лунеев В.В. Правовое регулирование общественных отношений – важный фактор предупреждения организованной и коррупционной преступности // Государство и право. – 2001. – №5.
39. Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировой криминологический анализ. – М., 1997.
40. Лунеева В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е. – М., 2005.
41. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. – М., 1996.
42. Матузов Н.И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов // Правоведение. – 1998. – № 1.
43. Международное уголовное право / Под общ. ред. В.Н. Кудрявцева. – М., 1999.
44. Международные акты о правах человека: Сборник документов. – М.: Норма Инфра, 1998.
45. Мизулина Е.Б. Торговля и рабство в России: международно-правовой аспект. – М.: Юрист, 2006.
46. Моторный И.Д. Современный терроризм и оценка диверсионно-террористической уязвимости гражданских объектов. – М., 2004.
47. Мусаев М.А., Третьяков И.Л. Государственная власть и преступность в России // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 77-87.
48. Мутагиров Д.З. Права и свободы человека. – М., 2006.
49. Нудиенко Л.А. Конституционные права и свободы личности в России. – СПб., 2009.
50. Овчинский В.С. ХХI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. – М.: Инфра-М, 2001.
51. Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. – М.: Инфра-М, 1996.
52. Политический режим и преступность / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
53. Права человека / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Норма, 2001.
54. Права человека / Под ред. Е.А. Лукашевой. – М., 2009.
55. Романовский Г.В. Гносеология права на жизнь. – СПб., 2003.
56. Рудинский Ф.М. Права человека. – М., 2003.
57. Сайдов А.Х. Общепризнанные права человека. – М., 2004.
58. Сборник международных актов по правам человека. – Душанбе, 2001.
59. Смирнов Г.К. Методика расследования торговли людьми: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
60. Собольников В.В. Проблемы предупреждения миграционной преступности. – Новосибирск, 2006.
61. Состояние законности и правопорядка в РФ и работа органов прокуратуры. 2009 г. Информационно-аналитический доклад. Часть III. – М., 2010.
62. Сухарев А.Я., Алексеев А.И., Журавлев М.П. Основы государственной политики борьбы с преступностью. Теоретическая модель. – М., 1998.
63. Тарайко В.И. Экологическая преступность в Российской Федерации: государственно-правовой механизм противодействия ее проявлениям / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2011.
64. Теория и практика защиты прав человека / Под ред. Е.В. Середы. – М.: Юриспруденция, 2004.
65. Тиунов О.И. Всеобщая декларация прав человека в нормах международного и конституционного права // Журнал российского права. – 2009. – №2.
66. Тюрюканова Е.В. Торговля людьми в Российской Федерации. Обзор и анализ текущей ситуации по проблеме. – М., 2006.
67. Уголовная политика России – прошлое, настоящее и будущее: Сборник информационных материалов Общественного центра содействия реформе уголовно правосудия. Вып. I. – М., 1997.
68. Холиков А.Г., Сафаров Б.А., Диноршоев А.М. Право беженцев. 3-е изд. – Душанбе, 2011.
69. Шестаков Д.А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Учебник. – СПб., 2006.
70. Щерба С.П., Приданов С.А. Преступления, посягающие на культурные ценности России: квалификация и расследование. – М.: Юрлитинформ, 2002.

ПРАВОСОЗНАНИЕ. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА.

БЕЗРЯДИН Виктор Иванович,
профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: B.V.I.@inbox.ru

САЛЬНИКОВ Павел Петрович,
профессор Саратовского юридического института
МВД России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: naukarf@yandex.ru

ШХАГАПСОЕВ Заурби Лелович,
начальник Северо-Кавказского института
повышения квалификации (филиала)
Краснодарского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: shkhagapsoev@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЮРИСТА: НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы формирования профессиональной культуры юристов в условиях смены в России общественно-экономической формации, полного отрицания философии и методологии прежних общественных отношений, развития процессов становления рыночной экономики и либерализации проводимых в стране реформ.

Задаваемые вопросы анализируются через призму возникающих в стране идеологических, социально-психологических, научно-организационных и национальных проблем, путем тщательного изучения нормативно-правового материала, документов и статей руководителей российского государства. Идет речь о вхождении нашей страны в правовое европейское пространство.

Авторы подробно ведут речь о роли образования в России, о задачах высшей школы в подготовке высококвалифицированных юридических кадров, о реформировании системы школьного и университетского образования, о приведении системы оплаты труда преподавателей, профессоров, научных работников к цивилизованному уровню. В то же время подчеркивают необходимость наличия у профессорско-преподавательского состава способности формировать у обучаемых истинной гражданской позиции, воспитывать их в духе гражданского патриотизма.

Ключевые слова: правовая культура; профессиональная культура юриста; правовая система; законодательство; образовательные программы; университеты; гражданская позиция; гражданское общество; правовое государство; европейское правовое пространство.

BEZRYADIN V.I.
SAL'NIKOV P.P.
SHKHAGAPSOEV Z.L.

LAWYER'S PROFESSIONAL CULTURE: SOME MODERN PROBLEMS OF FORMATION

The summary. The article deals with the issues of forming the professional culture of lawyers in the conditions of change of socioeconomic formation in Russia, complete negation of philosophy and methodology of the former social relations, development of market economy processes and liberalization of the reforms conducted in the country.

The asked questions are analyzed through the prism of ideological, social-and-psychological, scientific-and-organizational and national problems arising in the country by means of careful study of legal and regulatory material, documents and articles of the Russian state leaders. The subject is concerned with the entry of our country into the European legal framework.

The authors take a detailed consideration of the role of education in Russia, the objectives of higher education institutions in training highly qualified legal personnel, the reform of school and university education system, bringing the scheme of payment for teachers, professors, researchers to the civilized level. At the same time they emphasize the need for higher-education teaching personnel of the ability to form trainees' true civic-mindedness, educate them in the spirit of civic patriotism.

Key words: legal culture; lawyer's professional culture; legal system; legislation; educational programs; universities; civic-mindedness; civil society; legal state; European legal framework.

Высшее образование в России и в странах европейского сообщества в условии реализации принципов Болонского процесса на современном этапе стимулируют государственные и негосударственные ВУЗы к воплощению в их образовательную практику новой парадигмы образования – личностного ориентированного подхода к образованию, формированию активных и компетентных граждан. В связи с этим Российское общество нуждается в гражданах не только профессионально образованных, но и получивших фундаментальное политическое правовое образование. Они должны обладать целостной системой гражданско-правовых качеств, позволяющих осознавать себя, как активного субъекта политico-правовой жизни, от деятельности которого, зависит процветание и стабильность общества.

В Президентском Послании Федеральному Собранию 22 декабря 2011 года Д.А. Медведев отметил: «Наше гражданское общество укрепилось и стало более влиятельным, существенно возросла социальная активность общественных организаций... . Считаю увеличение активности некоммерческих организаций одним из ключевых достижений

последних лет. Мы немало сделали для их поддержки, для развития и стимулирования добровольчества в стране... . В добровольческих акциях участвуют миллионы граждан. Они занимаются благоустройством территорий, социальной помощью семьям, которые находятся в трудной жизненной ситуации, поиском пропавших людей, защитой окружающей среды, многими другими полезными вещами. Все это, безусловно, заслуживает уважения и приносит пользу Отечеству». Вместе с тем, важно дать всем активным гражданам законную возможность участия в политической жизни страны [5].

Гражданская культура в российском обществе должна быть адекватной новым духовно-смысловым и объективным жизненным ценностям, которые приобрели реальность в силу становления и развития новой общественно-экономической формации, производственных, экономических и политических отношений в Российской Федерации.

Новая образовательная парадигма высшего образования, особенно юридического, должна способствовать рождению индивидуально ориентированного образования. Задачи данного образования в университетах поставлены перед европейскими вузами, в том числе и российскими,

серий документов, называемых болонскими конвенциями.

Содержание этих программ, их новый социально-правовой и эмоционально-оценочный потенциал будет выступать значительным фактором социально-правового образования нового поколения, средством формирования нового гражданско-правового менталитета и гражданско-правовой культуры, включающей в себя принципы толерантности и здравый космополитизм. Это прямо относится к профессиональной подготовке высококомпетентных специалистов в области юриспруденции для различных сфер жизни российского общества, вообще, правоохранительных органов в частности.

Только при такой ситуации мы можем обеспечить прозрачность и подконтрольность обществу в работе представителей государства, – как требует В.В. Путин, – от таможенных и налоговых служб до судебной и правоохранительной системы, то есть избавления от системной коррупции. «Мы должны изменить само государство, исполнительную и судебную власть в России. Демонтировать обвинительную «связку» правоохранительных, следственных, прокурорских и судейских органов. Исключив из уголовного законодательства всеrudименты советского правосознания...» [6].

Для этого необходимы, в том числе, и новации в области юридического образования.

Новационный тип гражданско-правового образования при юридической подготовке специалистов для суда, прокуратуры, полиции, других правоохранительных органов должен быть сориентирован на личность, обладающую активной жизненной позицией.

«Мы серьезно продвинулись в реформе судебной системы, в особенности уголовного законодательства, сделали его более справедливым, гуманным и адекватным целям развития нашего общества..., – подчеркивает Д.А. Медведев, – мы начали реформу правоохранительной системы, которая открыла дорогу для прихода в эту сферу большего количества профессионалов, на деле защищающих права и законные интересы наших граждан». Это позволяет более качественно исполнять обязанности государства перед гражданами. Продолжается работа по улучшению качества судейского корпуса. Предполагается в ближайшее время создание системы самостоятельных

экзаменационных комиссий, через которые будут проходить все кандидаты на высокую должность судьи [5]. Вместе с тем нужна модель профессиональной подготовки юридических кадров.

Представляется, что практической образовательной моделью профессиональной подготовки специалиста в области юриспруденции, воплощающей в себя парадигму интернационализации, может стать построение образовательных программ, не обладающих абсолютной национально-региональной замкнутостью. При этом эти программы должны включать ведущие инвариантные компоненты западноевропейских образовательных дисциплин, относящихся, прежде всего к образовательным дисциплинам, работающим на формирование активной гражданской и социально терпимой личности, что в полной мере отвечает задачам и принципам Болонского движения.

Обязательное использование и аккумуляция общепринятых, мировых стандартов в области юриспруденции при профессиональной подготовке специалистов для суда, прокуратуры, полиции и других правоохранительных органов, усвоение понятийных рядов соответствующих отраслей российского права и юридических классических источников, в том числе и на языке оригинала, и иные прогрессивные формы и методы юридического образовательного процесса, которые могли бы стать фактором формирования толерантного сознания для будущих российских юристов (правоведов) как ведущего свойства их гражданской культуры.

Процесс становления и развития рыночных отношений и либеральных реформ в России, формирование гражданского общества [11; 16, стр. 35-42; 24; 25; 33, стр. 45-53; 34; 40; 42; 58; 72; 73] и правового государства [15; 16, стр. 35-42; 19; 22; 23; 24; 26; 32, стр. 11-30; 35; 36; 46, стр. 108-116; 51; 52; 75] привели к полному отрицанию старой философии и методологии, которые лежали в основании учебных дисциплин в системе высшей юридической школы. Переход от тоталитарного общества к обществу открытому, демократическому и светскомуставил новые задачи перед обществоведческим и юридическим образованием. Но решение натолкнулось на массу проблем, в т.ч. идеологических, социально-психологических, научно-организационных и других.

Остро встал национальный вопрос.

«Для России, – отмечает В.В. Путин, – с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур – национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер. Любой ответственный политик, общественный деятель должен отдавать себе отчет в том, что одним из главных условий самого существования нашей страны является гражданское и межнациональное согласие.

Мы видим, что происходит в мире, какие здесь копятся серьезнейшие риски. Реальность сегодняшнего дня – рост межэтнической и межконфессиональной напряженности. Национализм, религиозная нетерпимость становятся идеологической базой для самых радикальных группировок и течений. Разрушают, подтачивают государства и разделяют общества.

Колоссальные миграционные потоки – а есть все основания полагать, что они будут усиливаться, – уже называют новым «великим переселением народов», способным изменить привычный уклад и облик целых континентов. Миллионы людей в поисках лучшей жизни покидают регионы, страдающие от голода и хронических конфликтов, бедности и социальной неустроенности.

С «обострением национального вопроса» вплотную столкнулись самые развитые и благополучные страны, которые прежде гордились своей толерантностью. А сегодня друг за другом объявляют о провале попыток интегрировать в общество инокультурный элемент, обеспечив неконфликтное, гармоничное взаимодействие различных культур, религий, этнических групп [7].

Эта проблема не обошла и нас. Вместе с тем в нашей стране сформировалась единая гражданская нация. Исторически Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство; государство, где постоянно шел процесс взаимного привыкания, взаимного проникновения, смешения народов на семейном, на дружеском, на служебном уровне, сотен этносов, живущих на своей земле вместе и рядом с русскими. Освоение огромных территорий, наполнившее всю историю России, было совместным делом многих народов. Достаточно сказать, что этнические украинцы живут в пространстве от Карпат до Камчатки, как и этнические татары, евреи, белорусы...

У нас сложилось единое государство, уникальная цивилизация. Стержнем, скрепляющим

эту уникальную цивилизацию, является русский народ, русская культура. И русский народ давно самоопределился. «Самоопределение русского народа, – констатирует В.В. Путин, – это полигэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром. И этот выбор русский народ подтверждал раз за разом – и не на плебисцитах и референдумах, а кровью. Всей своей тысячелетней историей» [7].

Однако все осознаннее понимание того, что именно в условиях социально-политической и экономической нестабильности, сложностей в решении национальных проблем только школа и, безусловно, вуз могут стать тем механизмом, который обеспечит нации – гражданское здоровье.

Российскому образованию здесь принадлежит огромная роль.

В.В. Путин, например, прямо говорит: «Главная надежда России – это высокий уровень образования населения, и прежде всего – нашей молодежи». Мы вступаем в новую социальную реальность. «Образовательная революция кардинально меняет сам облик российского общества. Более образованные люди – это большая продолжительность жизни, это меньший уровень преступности, асоциального поведения, более рациональный выбор. Все это уже само по себе создает благоприятный фон для нашего будущего» [8].

«Выбор образовательной программы, многообразие образования, – отмечает В.В. Путин, – наше несомненное достижение. Но вариативность должна опираться на незыблемые ценности, базовые знания и представления о мире. Гражданская задача образования системы просвещения – дать каждому тот абсолютно обязательный объем гуманитарного знания, который составляет основу самоидентичности народа. И в первую очередь, речь должна идти о повышении в образовательном процессе роли таких предметов, как русский язык, русская литература, отечественная история – естественно в контексте всего богатства национальных традиций и культур».

Трудно представить себе успешного российского юриста, если он смутно ориентируется в русском языке, не представляет отечественную литературу и не разбирается в истории своей Родины. В связи с этим очень любопытным представляется предложение В.В. Путина о формировании списка 100 книг, которые должен самостоятельно прочитать

каждый выпускник российской школы [7].

Можно пойти и дальше – сформировать список из 500, а возможно, из 1000 книг, которые должен самостоятельно освоить выпускник вуза. Действительно наша российская нация всегда была, пожалуй, самой читающей нацией на Земле. И очень обидно, когда начинаешь понимать, что мы можем утратить это свое культурное свойство. Не позволить утратить это свойство нашему народу призвана сегодняшняя государственная политика в области культуры. С ее помощью необходимо формирование тех свойств личности, которые характеризуют ее как общественную ценность, тех свойств, которые позволяют ощущать себя личным участником прогрессивного развития своей Родины – России. Составной частью этой политики и выступает формирование профессиональной культуры юриста, которая в конечном счете должна выступать социальной ценностью человека и общества [12; 16, стр. 35-42; 62; 63; 64, стр. 48-59; 65; 66; 67].

Реформирование или модернизация гражданско-правового общества в современной России предполагает обновленную нормативно-правовую базу, которая регулирует как образование в целом, так и гражданско-правовое образование в частности.

Известно, что в СССР образовательные правоотношения, практически регулировались достаточно многими нормативно-правовыми актами.

Среди них главенствующее место занимал Закон «Основы законодательства СССР и Союзных Республик о народном образовании».

В настоящее время в России действуют три основополагающих, но не охватывающих все стороны образовательных правоотношений, базовых федеральных законов: Закон Российской Федерации «Об образовании» [1], Федеральный Закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»[2] и Федеральный Закон от 23 августа 1996 г. №127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [3].

Большое значение в регулировании образовательных правоотношений имела Федеральная программа развития образования на 2000 – 2005 гг., принятая Государственной Думой РФ 10 апреля 2000 г. [4] и «концепция модернизации образования на период до 2010 г.». Существует множество подзаконных нормативно-

правовых актов, как правило, принимаемых Президентом РФ, Правительством РФ, Министерством образования и науки РФ и другими уполномоченными органами государственной власти. Все они в той или иной степени нацелены на регулирование образовательных правоотношений в России. Так, правительство России, издавая соответствующие правовые акты, ориентирует на совершенствование и формирование целостной системы гражданского и правового образования.

К числу изданных, например, Министерством образования и науки (Минобрнауки) России документов относятся:

- письмо МО РФ от 06.02.1995 г. №2 151/11 «О гражданском образовании и изучении Конституции РФ»;
- информационно-методическое письмо МО РФ от 19.03.1996 г. №2 391/11 «О гражданско-правовом образовании учащихся в общеобразовательных учреждениях РФ»;
- «Программа развития воспитания в системе образования в России на 1991 – 2001 гг.», утвержденная приказом МО России от 18.10.1999 г. №2 574;
- информационно-методическое письмо МО РФ от 02.04.2002 г. №213-5128/1 3 «О повышении воспитательного потенциала образовательного процесса в общеобразовательном учреждении»;
- Приказ Министерства образования и науки РФ (Минобрнауки России) от 12 декабря 2011 г. №2817 «Об утверждении Положения о совете по защите докторских диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»;
- Приказ Министерства образования и науки РФ (Минобрнауки России) от 10 января 2012 г. № 5 «О внесении изменений в Номенклатуру специальностей научных работников, утвержденную приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. №59.
- Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»). Утвержден приказом Министерства образования и науки

Российской Федерации от 4 мая 2010 г. №464.

- Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 031001 Правоохранительная деятельность (квалификация (степень) «специалист»). Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 14 января 2011 г. №20.
- Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030901 Правовое обеспечение национальной безопасности (квалификация (степень) «специалист»). Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 января 2011 г. №39.
- Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 031003 Судебная экспертиза (квалификация (степень) «специалист»). Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 января 2011 г. №40.
- Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 090915 Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере (квалификация (степень) «специалист»). Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. №132.
- Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030301 Психология служебной деятельности (квалификация (степень) «специалист»). Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 января 2011 г. №67.
- Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по

направлению подготовки 050407 Педагогика и психология девиантного поведения (квалификация (степень) «специалист»). Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 24 декабря 2010 г. №2062. и др.

Все это, безусловно, стимулирует модернизацию высшего образования в России. Однако важнейшее значение, на наш взгляд, играет отношение современного российского общества к проводимым реформам в области образования.

Последние 10 лет в России по объективным и субъективным причинам отмечается стремительный рост системы образования. Так, в 2002/03 учебном году число студентов в стране увеличилось по сравнению с 1993/94 учебным годом в два раза и достигло 5.9 млн. человек. При этом в сфере высшего образования производится 1.3% ВВП России [13, стр. 30]. Бум высшего образования конструктивный и при этом очень индивидуалистический ответ населения на экономические реформы [13, стр. 33].

Как видно, подавляющее большинство населения предлагало инвестировать свои финансовые ресурсы в человеческий капитал, поскольку, во-первых, другие возможности инвестирования до сих пор крайне ограничены, во-вторых, культурная традиция, национальные критерии успеха достаточно прочно связывают шансы на достижение социального благополучия с получением образования. При этом мотивации к материальному и служебному успеху является определяющим фактором выбора высшего образования и решения продолжить образование [57, стр. 139]. По данным социологических исследований общественного мнения, основными мотивациями получения высшего образования являются:

- индивидуально-прагматическая (получение знаний и конвертация их в высокие доходы) – 31.5%;
- преимущественно прагматическая – 31.3 %;
- преимущественно интеллектуальная – 23%.
- побочная (внеобразовательные мотивы, например, стремление избежать призыва в армию) – 14.2%) [10, стр. 45].

При этом следует отметить, что мотивация получения высшего образования прямо коррелирует с уровнем престижности вузов, факультетов, на которых учатся респонденты. На непрестижных факультетах доминируют

«побочные» мотивы.

С учетом изложенного, можно прийти к выводу о том, что на современном этапе в Российском обществе сложилась благоприятная обстановка для совершенствования высшего образования, в том числе и юридического. Однако судьба его реформирования непосредственно зависит от того, удастся ли преодолеть возникновение в ходе этого процесса серьезные проблемы.

Рассмотрим некоторые проблемы модернизации высшего образования России в свете установок и идей Болонского процесса.

В ходе кардинальных изменений в жизни российского общества, вхождения России в правовое европейское пространство и проведенного всестороннего анализа образовательных систем большинства ведущих европейских государств были выявлены определенные точки соприкосновения, связанные с переходом системы образования РФ на принципы Болонского процесса.

Главная проблема, возникающая в связи с присоединением к Болонскому процессу, состоит в сложности перехода к конвертируемости дипломов о высшем юридическом образовании в разных государствах.

Это связано со специфической ныне действующих национальных правовых систем и значительным отличием национальных законодательств. Так, правовые системы РФ в большей или меньшей степени отличаются от западноевропейских государств [14; 17; 18; 20; 21; 27; 28; 29; 30; 31; 37, стр. 14-20; 38; 39; 41; 43; 45; 47; 48; 49; 50; 55; 59; 60; 61; 70; 71; 74, стр. 193-197; 76; 77]. Различия данных правовых систем между Россией и др. западноевропейских стран связано с историей, культурой, экономической и политической системами, специфической юридической техникой [53; 54; 56; 68; 69]. Аналогичное отличие имеет место между Романо-германской и англо-саксонской правовых систем. Правовед, изучивший законодательство какого-либо государства, не может практиковать в другой стране, если не изучит ее законодательство, и не сдаст соответствующие квалификационные экзамены. Исключение может быть сделано только для специалиста международного права. Во всех остальных случаях, например, при уголовно-правовой, гражданско-правовой или государственно-правовой, при знание дипломов о высшем юридическом образовании пока не возможно. Хотя законодательство России,

принятое в последнее десятилетие, уже имеет достаточно много общего с правовой системой западноевропейских государств, например, УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, УК РФ, ГК ГФ и другие.

Для получения полноценного высшего юридического образования его содержательная часть должна оставаться привязанной к национальной правовой системе, например, России, Франции, Великобритании, Германии и др., которая имеет свою историческую, экономическую, политическую, идеологическую и иную специфику. Несмотря на это, на современном этапе развития российского общества имеется достаточно оснований для перехода высшего юридического образования в РФ;

- на двухуровневую систему;
- систему кредитов;
- новую систему оценки знаний;
- изменение системы присуждения ученых степеней и званий;
- децентрализацию образовательного процесса;
- новые принципы контроля за качеством юридического образования и деятельностью высших учебных заведений.

Вторая проблема, связанная с переходом на принципы Болонского процесса, касается увеличения методической работы профессорско-преподавательского состава. В настоящее время уже начали постепенно обсуждаться новые образовательные стандарты, образовательные программы, система контроля за качеством усвоения материала, система оценок Большой упор предполагается сделать на увеличение объема часов в отношении индивидуальной работы со студентами. В связи с этим планируется расширение штатной численности профессорско-преподавательского состава и оплаты его труда.

По справедливому замечанию В.В. Путина, реформы в образовании, как в общем-то и в любых других сферах, могут рассчитывать на успех, когда они обеспечивают достойную оплату труда профессионалов-бюджетников. Учитель, профессор на своей основной работе должны получать достаточно, чтобы не искать заработок на стороне. Не выполним эти условия – все усилия по изменению организационно-экономических механизмов по обеспечению материальной базой образования уйдут в песок.

Эффективно управлять качеством образовательных программ, научных исследований

можно только опираясь на авторитет профессиональной среды. Восстановление профессиональной морали, самоуправления и самоочищения коллективов – это то, на что вправе рассчитывать общество, пересматривая свои отношения с учительским, преподавательским и научным сообществом.

«Мы сделали первый шаг в формировании эффективного контракта с учителями, – пишет В.В. Путин, – а это миллион человек. Начиная с этого года, субъекты Федерации при поддержке федерального бюджета должны обеспечить среднюю зарплату учителей не ниже средней по экономике региона.

Начиная с 1 сентября этого года, будет повышена оплата труда преподавателей государственных вузов – до размера средней зарплаты по региону. В течение же 2013 – 2018 гг. средняя зарплата профессоров и преподавателей вузов будет постепенно увеличиваться еще в 2 раза и доведена до 200% от средней по экономике. При этом повышенная зарплата должна сразу устанавливаться тем, кто имеет научные результаты и пользуется уважением студентов и выпускников. С каждым годом доля таких лучших профессионалов будет расти. Выделяя достойных, конкурентоспособных преподавателей, мы обеспечим необходимое обновление кадров высшей школы.

Ресурсы для реализации этой задачи обеспечит государство через регулярное увеличение нормативного финансирования программ высшего образования, а конкретную ответственность за ее выполнение будут нести ректоры вузов – мы включим соответствующие показатели в их контракты».

Аналогично, – продолжает В.В. Путин, – за несколько лет будет постепенно повышена до эффективного уровня заработная плата преподавателя колледжей и профессиональных лицеев, мастеров производственного обучения, других педагогов, научных сотрудников РАН и государственных научных центров, работников учреждений культуры. При этом для научных сотрудников целевой ориентир к 2018 году такой же, как для преподавателей высшей школы – 200% от средней зарплаты по региону.

Но при этом очень важно помнить: «Заработная плата должна платиться не за факт

принадлежности к определенному учреждению, а за реальный вклад в науку, образование... культуру, в оказании обществу и гражданам конкретных услуг» [9].

Сегодня понятно всем, что пока не решена проблема конкурентоспособности уровня зарплаты, все попытки развития и реформирования образовательной системы будут натыкаться на глухое сопротивление педагогической среды.

Безусловно очень важно решительно улучшить денежное обеспечение преподавателей. Но одна эта мера в нынешних условиях способна привести к обратным результатам: с позиций интересов человека и общества. Повышение заработной платы будет эффективным только в сочетании с внедрением системы стимулов для повышения качества образования [44], и способности преподавателей формировать у обучаемых истинной гражданской позиции, воспитывать их в духе гражданского патриотизма.

В этой ситуации очень важно «продолжить реализацию программы и нашей национальной инициативы «наша новая школа». Приоритеты последних лет, – подчеркнул Д.А. Медведев в Послании Президента Федеральному Собранию, – это полноценное формирование новой системы поиска и поддержки юных талантов, переход к практике ориентированной модели образования в средней и старшей школе и превращение школы в центр жизни, а не только места, где учат детей. Надо формировать и новое поколение учителей, которые обладают всеми навыками современной педагогики и получают достойную зарплату за свой труд.

Надо исправить и другую крайность или положение, которое сложилось за последние 20 лет в высшем образовании, где, к сожалению, моду по-прежнему определяют не классические и исследовательские университеты, мощные университеты, а к сожалению, сотни третьесортных институтов». Нам нужны современные вузы, нужна сеть таких учебных заведений, которые отвечают мировым стандартам как по качеству образования, так и по уровню проводимых научных исследований [5], и кроме того, способны сформировать у своих выпускников такой уровень культуры и патриотизма, которые выступают социальной ценностью всего общества.

Список литературы

1. Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 № 3266-1 «Об образовании» // Официальный сайт СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru
2. Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» // Официальный сайт СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru
3. Федеральный Закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1996. №35. Ст. 4137; 2001. №1. Ст. 20; 2004. №35. Ст. 3607; 2006. №50. Ст. 5280. 2008. №30. Ст. 3616; 2009. №1. Ст. 17; 2010. №31. Ст. 4167.
4. Федеральный закон от 10 апреля 2000 г. № 51-ФЗ «Об утверждении Федеральной программы развития образования» (с изменениями от 26 июня 2007 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/181929/>
5. Медведев Д.А. Послание Президента Федеральному Собранию. 22 декабря 2011 г. // Российская газета. – 2011. – №290(5666). 23 декабря.
6. Путин В. О наших экономических задачах // Ведомости. – 2012. – №15(3030). 30 января.
7. Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – №7(5493). 23 января.
8. Путин В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. – 2012. – №05(28512). 16 января.
9. Путин В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. – 2012. – №20(25833п). 13 февраля.
10. Аврамова Е.М., Александрова О.А., Логинов Д.М. Современное высшее образование и перспективы вертикальной мобильности// Общественные науки и современность. – 2004. – №6.
11. Агапов Д.А. Правовая культура как элемент гражданского общества // Правовая культура. Научный журнал. – 2007. – № 1.
12. Антонов В.М., Поляков В.А. Правовая культура в XXI веке: различие и единство // Правоведение. – 2008. – № 2.
13. Арапов М.В. Бум высшего образования в России: масштабы, причины и следствия! // Общественные науки и современность. – 2004. – №6.
14. Байтин М.И., Петров Д.Е. Система права: К продолжению дискуссии // Государство и право. – 2003. – №1. – С. 25-34.
15. Батурина Ю.М., Лившиц Р.З. Социалистическое правовое государство: от идеи к осуществлению. Политико-правовой взгляд. – М.: Наука, 1989.
16. Безрядин В.И., Сальников П.П., Шхагапсоев З.Л. Юридическое образование как социальная ценность гражданского общества и правового государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 35-42.
17. Берман Г.Дж. Западные традиции права: эпоха формирования. – М., 1998.
18. Бехруз Х. Исламские традиции права. – Одесса, 2006.
19. Боер В.М., Городенец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алитейя, 1999.
20. Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. – СПб., 1999.
21. Володина Н.В. Иудейская государственно-правовая система // Современное право. – 2006. – №11. – С. 111-114; №12. – С. 106-110.
22. Гавриленко Д.А. Правовое государство и дисциплина. – Минск: Наука и техника, 1991.
23. Гессен В.М. О правовом государстве. – СПб., 1906.
24. Гражданское общество и правовое государство: предпосылки формирования / Отв. ред. Г.Н. Манов. – М., 1991.
25. Григонис Э.П., Исаков И.Ж. Гражданское общество и его институты в современной России. – СПб., 2004.
26. Григонис Э.П. Понятие и основные черты механизма правового государства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2000. – № 2 (6). – С. 51-57.
27. Давид Р., Жоффре-Спиноза К. Основные правовые системы современности. – М., 1999.
28. Дембо Л.И. О принципах построения системы советского права // Сов. государство и право. – 1956. – №8. – С. 88-98.
29. Загрядский Г.В. Правовые системы современности. – М., 1995.
30. Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. – Ярославль, 1998.
31. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества. В 2-х т. – Ярославль, 2002.
32. Керимов Д.А. Государство и правовое государство // Д.А. Керимов. Избранные произведения. В 3-х томах. Т. 3. – М.: Издательский дом «Академия», 2007.
33. Керимов Д.А. Гражданское общество и правовое государство // Д.А. Керимов. Избранное в 3-х томах. Т. 3. – М.: Издательский дом «Академия», 2007.
34. Керимов Д.А. К вопросу о формировании в России гражданского общества // Гражданин и право. – М., 2002. – №3.

35. Коваленко А.И. Проблемы теории и практики правового государства: Теорет. курс. авториз. изложения. – М.: Изд-во МЭГУ, 1994.
36. Козлихин И.Ю. Идея правового государства. История и современность. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993.
37. Козлов Т.Л. Региональная правовая традиция. Иудейское право // Юридические науки. – 2008. – №2(30).
38. Козлов Т.Л. Региональная правовая традиция. Мусульманское право // Государство и право. – 2008. – №5. – С. 9-12.
39. Кононов А.А. Общенаучная концепция системы права // Правоведение. – 2003. – №3. – С. 12-21.
40. Коэн Дл., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. – М.: Весь мир, 2003.
41. Красавчиков О.А. Система права и система законодательства // Правоведение. – 1975. – №2. – С. 62-71.
42. Красин Ю. Гражданское общество, плюрализм и толерантность // Стратегии формирования гражданского общества в России. – СПб., 2002.
43. Кузьменко А.В. «Системный взгляд» на систему права // Правоведение. – 2003. – №3. – С. 4-11.
44. Кузьминов Я. Реформа образования: причины и цели // Отечественные записки. – 2002 – №1.
45. Максимов А.А. Прецедент как один из источников английского права // Государство и право. – 1995. – №2. – С. 97-102.
46. Мамут Л.С. Демократическое правовое государство в России: проблемы становления // Журнал российского права. – 2006. – № 12.
47. Марченко М.Н. Иудейское право как подсистема общей системы израильского права // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 2001. – №3. – С. 79-88.
48. Марченко М.Н. Обычай в системе источников романо-германского права // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 2000. – №5. – С. 37-53.
49. Марченко М.Н. Особенности судебного прецедента в системе романо-германского права // Государство и право. – 2006. – №8. – С. 22-28.
50. Мухаева Н.Р. Правовая система Европейского Союза // Закон и право. – 2006. – №1. – С. 13-15.
51. Нерсесянц В.С. История идей правовой государственности. – М., 1993.
52. Нерсесянц В.С. Правовое государство, личность, законность. – М., 1997.
53. Поленина С.В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. – 1999. – №9. – С. 5-12.
54. Поленина С.В. Законодательство в Российской Федерации. – М., 1996.
55. Поленина С.В. Проблемы национально-культурной идентичности в свете взаимодействия правовых систем современности // Государство и право. – 2008. – №1. – С. 37-43.
56. Поленина С.В. Система права и система законодательства в современных условиях // Правоведение. – 1987. – №5. – С. 29-36.
57. Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в РФ. – М., 2002.
58. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
59. Разуваев Н.В. Правовая система и критерии отраслевой дифференциации права // Правоведение. – 2002. – №3. – С. 31-55.
60. Решетников Ф.М. Правовые системы стран мира: Справочник. – М., 1993.
61. Романов А.К. Правовая система Англии. – М., 2002.
62. Ромашов Р.А. Правовая культура современности: от конфликта цивилизаций к цивилизованному содружеству // Журнал российского права. – 2008. – №8.
63. Ромашов Р.А. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – №1.
64. Сальников В.П. Зная тенденции развития страны, мы готовим кадры с опережением // Юридический мир. – 2004. – №7. – С. 47-59.
65. Сальников В.П. О модернизации и совершенствовании российского образования // Наша власть: дела и лица. Специальный выпуск: Реформа образования в России. – 2006. – С. 44-46.
66. Сальников В.П. Правовая культура: проблемы, развитие, поиск // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 1999. – №1.
67. Сальников В.П. Служба закону – служить народу // Наша власть: дела и лица. – 2004. – №2 (38). – С. 70-71.
68. Самощенко И.С. Система советского законодательства. – М., 1980.
69. Сергеевин С.Л. Региональное законодательство: правовые и социально-политические аспекты. – СПб., 1998.
70. Синюков В.Н., Григорьев Ф.А. Правовая система. Вопросы правореализации. – Саратов, 1995.
71. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. – Саратов, 1994.
72. Смоленский М.Б. Право и правовая культура как базовая ценность гражданского общества // Журнал российского права. – 2004. – № 11.
73. Смоленский М.Б. Правовая культура, личность и гражданское общество в России: формула взаимообусловленности

- // Правоведение. – 2003. – № 1.
74. Тимошук А.С. Особенности правовой системы традиционного общества (на примере классического индусского права) // Труды МГЮА: Сб. статей. – 2006. – №5.
75. Тиунова Л.Б. Право. Конституция. Правовое государство: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 1992.
76. Хохлов Е.Б. Дискуссия о правовой системе // Правоведение. – 2002. – №3. – С. 29-31.
77. Шумилов В.М. Правовая система США. – М., 2003.

АРТАМОНОВА Галия Калимуловна,
профессор кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургского университета
государственной и противопожарной службы МЧС
России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: artamonova@mail.ru

ГОРБАШЕВ Вадим Вадимович,
кандидат юридических наук
E-mail: VVG123@mail.ru

РЕТУНСКАЯ Татьяна Павловна,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Московского университета предпринимательства
и права,
кандидат юридических наук
E-mail: retunsk1@mail.ru

РЕУФ Владислав Маркович,
старший преподаватель кафедры государственно-
правовых дисциплин Самарского юридического
института ФСИН России,
кандидат юридических наук
E-mail: reuf@yandex.ru

**Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве**

ПРАВО И ЗАКОН В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВЕДЕНИИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению имеющихся в современной научной литературе точек зрения на понятие права и закона. Авторы, исследуя современную юридическую литературу, проводят комплексный анализ мнений различных ученых с учетом соответствующего обоснования, а также обобщают и систематизируют их. Кроме того, авторами выдвигается своя позиция на определение таких юридических категорий, как «право» и «закон» с подробным раскрытием их отличительных особенностей.

Ключевые слова: норма права; закон; понимание права; система права; систематизация законодательства.

**ARTAMONOVA G.K.
GORBASHEV V.V.
RETUNSKAYA T.P.
REUF V.M.**

THE RIGHT AND THE LAW IN MODERN LEGAL LAW

The summary. Article is devoted consideration of the points of view available in the modern scientific literature on concept of the right and the law. Authors, investigating the modern legal literature, carry out the complex analysis of opinions of various scientists taking into account a corresponding substantiation, and also generalize and systematize them. Besides, authors put forward the position on definition of such legal categories, as «right» and «law» with detailed

disclosing of their distinctive features.

Key words: norm of the right; the law; understanding of the right; right system; legislation ordering.

Изучая современную учебную литературу, сталкиваешься с такой проблемой как отсутствие сравнения понятий права и закона. Юридическая научная мысль не только подразумевает это сравнение, но и ставит вопрос, находя повод для многочисленных дискуссий, как в настоящий момент, так и в юридико-историческом прошлом [24, стр. 129-142; 26], а в учебной литературе этот вопрос не освещается должным образом. Большинство учебников по юриспруденции рассматривают понятие права, правовые школы и т. д., а закону дается, в большинстве случаев, только узкое определение, как нормативно-правовому акту, как внешней форме права. Естественно, что этот вопрос относится в большей степени к научно-философскому подходу в изучении права, но его глобальность, актуальность определяет корень правосознания, правопонимания. В зависимости от того, какое соотношение права и закона, его разделения или соединения будут лежать в основе правопонимания, такая правовая позиция и будет в дальнейшем складываться. Однако этот фундаментальный вопрос, родившийся практически одновременно с правом, освещается только в специально посвященной этой теме юридической литературе [31].

В отношении права, дается размытое определение права, например, «что оно есть система общеобязательных, формально-определеных норм, которые выражают государственную волю общества, ее общечеловеческий и классовый характер; издаются или санкционируются государством и охраняются от нарушений, наряду с мерами воспитания и убеждения, возможностью государственного принуждения; являются властно-официальным регулятором общественных отношений» [5; 6; 9; 11, стр. 60-65; 25; 12, стр. 8-10; 34, стр. 34-48; 38; 40, стр. 5-8; 43, 49]. Четкие существенные признаки, такие как: государственно-волевой характер, нормативность, властно-регулятивная природа.

Под формой права понимаются определенные способы выражения государственной воли

общества, то есть внешнее проявление права, в каком виде оно существует и функционирует в реальной жизни. По сути, внешней формой выражения права представляется закон, что, безусловно, верно. Только почему, как правило, понятия права и закона объединяются или одно понятие становится неизмеримо уже другого, производным, а другое всеобъемлющим, только не сравниваются в их широком понимании, а если и сравниваются, то только с одной точки зрения, причем как данность, а не дискуссионный вопрос.

Соотношение права и закона если рассматривается, то в разделе понятия права, теории происхождения права, но не отдельно. Преимущество отдается нормативному пониманию права. Где право выражает государственную волю общества, обусловленную всеми окружающими, складывающимися условиями жизни. Через государство воля возводится в закон, становясь волей всех, что помогает преодолеть существенные противоречия между различными классами, группами населения, прийти к компромиссу. Право является осознанной волей людей, а государство выполняет функции корректора многосложной и противоречивой воли общества, придавая ей всеобщее выражение в нормативно-правовых актах, обеспечивая мерами принуждения, государственно-властным контролем. Сущность права объясняется как выражение всей реальной жизни во всеобщей государственной воле, а содержание – это его нормативный характер, форма – закон. Право выступает в качестве единственного, официального определителя и критерия правомерного и неправомерного, законного и противозаконного поведения, критерием меры свободы [1; 3; 14, стр. 77-84; 19; 39; 42; 47].

Можно сделать вывод, что нормативного определение права, в принципе, не разделяет понятие права и закона как правовые реалии, а сводит их в одно. Право является критерием законности, само состоящее из законов. То есть судит о законности само себя, основываясь на структуре рождения права из совокупности всех складывающихся в обществе факторов и

отношений. Логичная теоретически идеальная конструкция, в которой изначально не может быть погрешности, пока она изложена на бумаге.

Существует так же широкое понимание права, в котором проводится некий сравнительный анализ права и закона. В понятие права включается не только правовые нормы, но и другие правовые явления: правосознание, правоотношения, субъективные права, для отражения всех важнейших проявлений возникновения и функционирования права [16, стр. 100-102; 20; стр. 80-90; 21; 22, стр. 126-127; 23, стр. 18-39; 27; 29; 30; 43; 47]. Право рассматривается как особое свойство самих общественных отношений. При таком подходе нормативно правовой акт теоретически может являться неправовым. Что, по сути, невозможно в нормативном понимании права, ведь любой закон будет являться выраженной волей всех, средним числом уравнивающей справедливости.

Можно сказать, что в современной юридико-учебной литературе обозначались два принципиальных подхода, связанных с различием права и закона:

- 1) право есть творение государственной власти и правом следует считать все официальные источники норм независимо от их содержания;
- 2) закон, даже принятый надлежащим субъектом и в надлежащей процедурной форме, может не иметь правового содержания, быть неправовым законом и выражать политической произвол.

Наиболее активным приверженцем первого подхода можно назвать известного правоведа и теоретика Г.Ф. Шершеневича, который считает государственную власть источником всех норм права [46].

Сторонником второго подхода, подробно изучившим историю проблемы соотношения права и закона начиная с древнего Египта, является В.С. Нерсесянц, который утверждает, что правом можно считать только правовой закон. «Нормы действующего законодательства являются собственно правовыми по своей сути и понятию лишь в той мере и постольку, поскольку в них присутствует, нормативно выражен и действует принцип формального равенства и формальной свободы индивидов» [28, стр. 29].

Призвано, что право и государство являются самостоятельными, относительно независимыми

явлениями, результатами общественного развития, возникновение которых обусловлено историческим развитием, глубокими внутренними процессами генезиса общества. В такой же степени независимы от государства и современные процессы правообразования, которые проявляют себя в виде устойчивых, повторяющихся социальных отношений, формируются как правовые притязания общества и фиксируются общественным сознанием. Государство же выявляет эти притязания, эти правовые потребности и общества, вводит в закон, руководствуясь началами справедливости. Делает общеобязательными правилами поведения. Таким образом, право как единство содержания и формы складывается в результате взаимодействия общества и государства: содержание права – нормативно правовые акты – создается объективно, под воздействием социальных процессов, а форму праву придает государство.

Право вне своей законной, нормативно-правовой формы, как сущности не существует. Естественное право представляет собой естественно-социальные начала, которые должны определять содержание юридических предписаний.

Естественно-социальные начала это совокупная воля, потребность всех индивидуумов, поделенная на консистенцию справедливости, равенства и социальные, культурные, экономические факторы [13, стр. 99-106; 15, стр. 5-11; 18; 35; 36; 45].

Можно сделать вывод, что в настоящее время суть проблемы различия права и закона состоит в установлении соответствия между содержанием и формой самого позитивного права.

Особого внимания заслуживает главный довод, объединяющий почти всех сторонников широкой трактовки права. Он состоит в том, что такой подход ориентирует на различие права и закона, в отличие от нормативной концепции, якобы отождествляющей их, отстаивающих необходимость четкого разграничения сущности, содержания и формы права. Они рассматривают закон в качестве важнейшей, хотя и не единственной формой выражения правовых норм. В качестве примера можно привести предложенные В.Г. Графским формулировки отличительных характеристик права и закона, их соотношения. «Закон есть признаваемая и охраняемая государством норма, выражающая согласованную волю и интересы классов и социальных групп... и предназначенная для

регулирования общественных отношений, защиты прав, свобод и человеческого достоинства личности. Право – это форма существования и закрепления юридических представлений, традиций, обычая и норм, выражавших интересы классов, социальных групп и личности...» [10, стр. 68].

Ответ о соотношении права и закона прямо зависит от того, что понимается под правом. Сторонники нормативного подхода, разграничивая право как систему норм и форы его выражения, ведущее место среди которых принадлежит закону, вместе с тем, рассматривают их в тесном органическом единстве, как однопорядковые явления, направленные на решение общих задач и неспособных существовать друг без друга.

Представители широкого подхода, напротив, переносят центр тяжести на жесткое разграничение понятий права и закона, даже противопоставляют их, пытаясь обосновать превосходство права над законом, возможность существования правовых норм и без выражения их в законе и иных создаваемых или санкционируемых государством нормах, независимо от государства. В связи с этим уместна фраза Гете из «Фауста»: «Слова диспуты ведутся, из слов системы создаются». Что же можно сказать об обозначении юридическими любых концепций сторонников различия права и закона, которые по правом подразумевают нечто по времени или по смыслу предшествующее и определяющее по отношению к закону, то есть не юридические явления, неюридическое право и, напротив, концепций ученых, которые в качестве права признают лишь закон, законодательство, позитивное право, то есть официально действующее, позитивное право? Обратить свое внимание на абсолютизацию противопоставления концепций двух противоположных типов понимания.

Нельзя не заметить, что такой взгляд создает весьма расплывчатое представление о праве, высокие, но расплывчатые, абстрактные идеалы при всей их значимости сами по себе не могут заменить властного нормативного регулятора отношений между людьми, служить критерием правомерного и неправомерного поведения. К тому же указанные ценности неодинаково понимаются различными участниками общественных отношений, представляющими разные слои и группы населения. Что для одного справедливо, то для другого может таким и не быть. Право не может быть чем-то аморфным, а

значит, не может существовать реально вне и помимо своего институционального выражения в определенных юридических источниках и, прежде всего, в законах, принимаемых представительным органам государственной власти на основании конституционно закрепленной демократической процедуры, соответствующей воли народа. Справедливы слова В.Н. Кудрявцева «профессиональному юристу... должна быть присуща четкая и определенная позиция: никакое пожелание, убеждение или мнение не могут рассматриваться как правовая норма коль скоро они не выражены в юридическом акте, принятом надлежащим образом» [17, стр. 6].

Широкая трактовка права, когда оно отделяется от закона, может привести к легализации юридически противоправной деятельности тех или иных лиц, опирающихся на некие права, не получившие выражения в законе. Трудно согласиться с неоправданным противопоставлением естественного и позитивного права в юридико-научной литературе. Ученые правоведы занимают ту или иную позицию, довольно категорично отстаивают положения и доводы своей концепции и критикуют противоположную, как например В.С. Нерсесянц, Г.Ф. Шершеневич и др. в особенно жесткой форме такие противопоставления можно найти у Л.В. Петровой, которая пишет о позитивном праве и правопонимании исключительно в отрицательном смысле, оценивая их безотносительности к конкретно-историческим условиям, в духе «страшного разоблачения политической, теоретической, нравственной несостоятельности юридического позитивизма, которое велось на страницах нашей литературы последних лет... видеть в праве систему общеобязательных государственных норм, считать правовыми лишь те правила поведения, которые изданы или санкционированы государством – это, значит, лишать право самостоятельной ценности и роли, сводить его к какому-то придатку государства» [32, стр. 32]. В соответствии с такой конструкцией получается, что мера поведения, предписывает гражданам правовым государством, унижает человека. Но ведь обосновывая приоритет природенных прав человека, естественно-правовая теория всегда выступала за создание и развитие в конкретных государствах и у различных народов такого позитивного права. Она признавала его значение и необходимость для практической

реализации естественных законов, общечеловеческих идеалов и ценностей. В этом ее исторически прогрессивное значение [7, 8].

Размышляя о начале человеческой культуры Ницше вводит два начала: апполоновское и дионаисийское. Первое обеспечивает гармонию, тишину, покой, стабильность. Это – прежде всего мораль, долг, традиция, наука, вера во всеобщее счастье, прогресс и разумность человечества, моральные, эстетические и религиозные ценности.

Другое начало культуры – дионаисийское. Это источник мук, непокоя, творчества. Неукротимая жажда жизни, воля к жизни, выраженная во власти над самим собой. Можно подумать, что эта самая власть над самим собой, есть одна из граней проявления естественного права. Когда человек культурно, исторически развиваясь, поднимает себя над своим животным естеством. Желает не удовлетворения своих инстинктивных потребностей, а, отбрасывая их в область необходимого, жаждет морального и духовного удовлетворения. Удовлетворение духа, разума, а не тела.

Очень часто нормы закона, являясь квинтэссенцией исторического опыта желаниям большинства для блага большинства являются тем апполоновским началом человеческой культуры, тем выразителем гармонии созданного нами правового мира. И именно они подчас удерживают одного, многих от внутреннего и внешнего регресса [37].

Позитивное же право как в зеркале отражает буйство нашего дионаисийского начала или же радость, удовлетворение от созданного в зеркале изображения. То есть, во многом от уровня развития общества зависит и качество, и направление развития его законодательства нормотворчества.

Законодательство постоянно развивается, меняется с течением времени и обстоятельствами реальности. Выработанные ранее догмы, могут не подойти к возникающим новым социально-политическим, экономическим условиям, тогда они становятся историей, пассивным империческим знанием [33].

Чем больше живет и развивается человечество на Земле, тем необходимее становится право для продолжения существования. Тем разветвленнее и масштабнее становится правовая система, появляются новые институты права. По этим и многим другим признакам, можно сделать вывод,

что правовая система, законодательство это не только сухо и формально регламентированный свод законов различного уровня, это еще и чуткая живая система, очень тонко улавливающая любое изменение в жизни целого общества, моментально реагирующая на эти изменения. Своего рода грандиозное создание человечества, которое можно сравнить с природой; предохранитель от чрезмерного буйства дионаисийского начала. И если в этой системе и попадается иногда неправомерный закон, то он как гнилое дерево будет вытеснен естественными здоровыми силами.

Е.Н. Трубецкой выдвинул идею правового государства. Он считал, что определения права, в которых фигурирует понятия «власть», «государство», «принуждение», имеют, тот недостаток, что всякое государство или власть сами обусловлены правом. Нормы нравственные и правовые не исключают друг друга: поскольку внешнее поведение обусловливаемо внутренним настроением, последнее далеко не безразлично для права. В подходе Е.Н. Трубецкого присутствует мысль о гармонизации позитивного права с правом естественным. Последнее играет роль движущего начала в истории. [41, стр. 31-61]

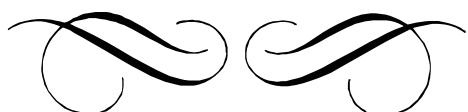
Позицию объединения двух категорий представляет М.И. Байтин [2; 4]. По идеи, именно такое позитивное право и создается в Российской Федерации в процессе формирования правового государства, что получило закрепление в Конституции (ст. 2, 18 и др.). Естественное право практически не осуществимо без позитивного, а духовная основа, нравственная сила и стабильность позитивного права коренятся в праве естественном. Признания их общности и органической взаимосвязи может и должно стать надежным критерием ограничения демократического правопонимания от недемократического.

Необходимо сосредоточить внимание на научной разработке конкретных механизмов практической реализации названных конституционных положений, взаимопроникновения и взаимодействия норм Конституции РФ и законов, развивающих эти нормы, в целях улучшения правотворчества, правоприменения и других форм юридической деятельности государства. На этом пути открываются и реальные возможности для сближения различных взглядов на право.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Тайна права: Его понимание, назначение, социальная ценность. – М., 2001.
2. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ильичев В.В., Минаков И.А., Ретунская Т.П., Рейф В.М. Право и закон в теории юридического позитивизма // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №1. – С. 148-152.
3. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Рейф В.М. Право и закон: естественно-правовая теория и юридический позитивизм // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №2. – С. 123-129.
4. Байгин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов, 2001.
5. Бааранов В.М. Теневое право. – Н. Новгород, 2002.
6. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры: методология причинного анализа. – СПб., 2005.
7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема. – СПб., 2002.
8. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права. Краткий словарь. – СПб., 2000.
9. Величко А.М. Нравственные и национальные основы права (сборник статей по философии и истории права). – СПб., 2002.
10. Графский В.Г. О понимании советского права // Сов. государство и право. – 1979. – №8.
11. Графский В.Г. Понимание права: некоторые актуальные аспекты традиционной темы // Труды МГЮА: Сб. статей. – 2003. – №10. – С. 60-65.
12. Жилин Г. Соотношение права и закона // Российская юстиция. – 2000. – №4. – С. 8-10.
13. Жуков В.Н. Возрожденное естественное право в России конца XIX-начала XX вв.: общественно-политическая функция и онтологическая основа // Государство и право. – 2001. – №4. – С. 99-106.
14. Карташов В.Н. О многообразии подходов к праву и интерактивному его определению // Труды МГЮА: Сб. статей. – 2003. – №10. – С. 77-84.
15. Козлихин И.Ю. Позитивизм и естественное право // Государство и право. – 2000. – №3. – С. 5-11.
16. Косарев А.И. О понимании права в меняющемся мире // Труды МГЮА: Сб. статей. – 2003. – №10. – С. 100-102.
17. Курдядцев В.Н. О правопонимании и законности. // Государство и право. – 1994. – №3.
18. Кузнецов Э.В. Естественное право как фактор духовного возрождения России // Правоведение. – 1992. – №4.
19. Лейст О.Э. Сущность права: Проблемы теории и философии права. – М., 2002.
20. Лопаева В.В. Либеральное правопонимание в контексте актуальных правовых проблем современной России // Общественные науки и современность. – 2008. – №5. – С. 80-90.
21. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. – М., 1999.
22. Манов А.Г. О комплексном правопонимании // Труды МГЮА: Сб. статей. – 2003. – №10. – С. 126-127.
23. Мартышин О.В. Совместима ли основные типы понимания права? // Труды МГЮА: Сб. статей. – 2003. – №10. – С. 18-39.
24. Матузов Н.И. О праве в объективном и субъективном смысле: гносеологический аспект // Правоведение. – 1999. – №4. – С. 129-142.
25. Наш трудный путь к праву: материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / Под ред. В.Г. Графского. – М., 2006.
26. Нерсесянц В.С. Право и закон: из истории правовых учений. – М., 1983.
27. Нерсесянц В.С. Право: математика свободы: опыт прошлого и перспективы. – М., 1996.
28. Нерсесянц В.С. Право: многообразие определений и единство понятия // Сов. государство и право – 1983. – №10.
29. Оль П.А. Плюрализм правопонимания и необходимость выработки единого понятия права: некоторые вопросы юридической гносеологии // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – №1.
30. Оль П.А. Правопонимание: от плюрализма к двуединству. – СПб., 2005.
31. Оль П.А., Сальников М.В. Правопонимание как феномен: понятие, уровни, критерии научности и основание типизации // Юридический мир. – 2005. – №3.
32. Петрова Л.В. Об ответственном и позитивном праве // Государство и право. – 1995. – №2.
33. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
34. Ромашов Р.А. Проблема соотношения понятий «право» и «закон» в контексте исторического и юридико-лингвистического анализа // Правоведение. – 2007. – №3. – С. 34-48.
35. Рябченко Е.В. «Возрождение» естественного права и его значение для позитивного права России в конце XIX и начала XX века: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2002.
36. Рябченко Н.Г. Проблемы естественного права в учениях немецких юристов: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2002.
37. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (методологические основы geopolитической доктрины России). – СПб., 2006.
38. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона. – СПб., 2002.
39. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Свобода личности и чрезвычайное законодательство. – СПб., 2005.

40. Самигуллин В.К. Право и неправо // Государство и право. – 2002. – №3. – С. 5-8.
41. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. – М., 1908.
42. Хайек Ф.А. Философия, право, законодательство и свобода: Современное понимание Либеральных принципов справедливости и политики. – М., 2006.
43. Честнов И.Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. – СПб., 2000.
44. Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху модернизма // Правоведение. – 2002. – №2. – С. 4-16.
45. Четверников В.А. Современные концепции естественного права. – М., 1988.
46. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып.1. – М., 1911.
47. Явич Л.С. Общая теория права. – Л.: ЛГУ, 1976.
48. Явич Л.С. Сущность права. – Л.: ЛГУ, 1986.
49. Ягменев Ю.В. Правда и закон: Из истории российского правоведения. – СПб., 2001.

ИБРАГИМОВ Курбан Магомедович,
аспирант кафедры теории и истории государства
и права Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического приборостроения
E-mail: profstarovoitova1@rambler.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

СТАНОВЛЕНИЕ ОБЫЧНОГО ПРАВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Аннотация. Анализируется проблема обычного права, проблематика исследования правового обычая, факты широкого и повсеместного неформального применения обычного права.

Ключевые слова: обычное право; Северный Кавказ.

IBRAGIMOV K.M.

COMMON LAW FORMATION IN THE NORTH CAUCASUS

The summary. The common law problem, problematics of research of legal custom, the facts of wide and universal informal application of a common law is analyzed.

Key words: Common law; the North Caucasus.

В современной правовой теории проблема обычного права активно обсуждается в юридической литературе. Дискуссии о том, составляет обычное право явление далекого прошлого или оно реально существует и развивается и в наши дни, представляются в настоящее время уже не столь актуальными. То, что обычное право не утратило значения для правового развития того или иного народа, достаточно глубоко обосновано в научных разработках.

Современное исследование обычного права, проводимое с учетом специфики конкретного субъекта Российской Федерации, показывает, что оно сохранило свой регулятивный потенциал, может быть использовано в целях повышения эффективности правовой системы. Создавая правовую систему современного Российского государства, необходимо учитывать сложившиеся веками обычно-правовые системы ее субъектов, что, несомненно, будет способствовать урегулированию и предотвращению большинства конфликтов, которыми переполнено современное общество.

При всем том, что проблематика исследования правового обычая и обычного права, привлекала и привлекает пристальное внимание историков и правоведов [См. например: 4; 5], юридическая мысль и дореволюционных, и современных ученых еще не охватила своим вниманием все аспекты историко-культурного и теоретико-правового развития правового обычая. Кроме того, правовая система изменяется под влиянием как внутренних, так и внешних факторов развития, вместе с ней изменяется и совершенствуется система источников права, их взаимодействие, что содержит в себе еще много неизученных граней. В связи с этим, представляется необходимым продолжить и углубить существующие исследования, осмыслить имеющиеся проблемы в современном правовом контексте с более широких нравственных, культурных и антропологических позиций.

В жизненном укладе каждого народа проявляется своеобразие его исторической культуры, представляющей органический сплав самых различных компонентов, в том числе народного языка, национальных традиций, обычаев,

прошлого правового опыта, исторического пути, пройденного каждым народом, и т. д. Стоит указать на особую роль религии, а именно мусульманского права на Северном Кавказе России.

Обычное право (правовое явление по своей сущности) долгое время было объектом пристального внимания только исторической науки. Этнологами, работавшими на Кавказе, собран богатейший материал, который до сих пор не обобщен в рамках юридической науки.

В последние годы в российской правовой науке значительно возрос интерес к обычному праву. Этот факт не является случайным, так как история правового развития нашего государства свидетельствует о том, что интерес к обычному праву возрастает в те периоды, когда в обществе реформируется существующая правовая система. Данное явление имеет место и в наше время. Именно поэтому одной из важнейших задач отечественной правовой науки является исследование и теоретическое переосмысление с принципиально новых позиций источников права, в числе которых достойное место должно занять обычное право.

Для современных исследователей особую актуальность представляет разработка теоретических основ обычного права, к которым, в частности, относятся: понятие, признаки и система обычного права; субъекты обычного права и их правовой статус; характер взаимных прав и обязанностей субъектов обычного права; нормы обычного права, их признаки и структура; соотношение обычного права с другими источниками права.

Необходим переход от преимущественного рассмотрения обычного права в статике к его изучению в динамике. Чтобы сформулировать и теоретически обосновать основополагающие категории теории обычного права, исследователи должны обратиться к анализу обычно-правовых систем конкретных народов нашего государства.

История народов Северного Кавказа в целом предоставляет уникальную возможность проследить эволюцию и интеграцию обычно-правовых систем.

Знание обычного права мусульман позволит законодательным органам государства правильно учесть и отразить специфические национальные особенности тех или иных народов РФ при проведении правовой реформы, повысить

эффективность правового регулирования в субъектах РФ, будет способствовать социальнopolитической стабильности в регионе, принимая во внимание общие черты, присущие обычному праву народов Северного Кавказа, а также традиционные стереотипы в применении его норм.

Такой путь исследования целесообразен и перспективен по ряду причин [2, стр. 3-5]:

Во-первых, формирование обычного права на Северном Кавказе – многовековой исторический процесс, характеризующийся особенностями социального развития северо-кавказских народов, а также имеющий определенную специфику, обусловленную влиянием мусульманской религии, права и российского законодательства

Во-вторых, рассматривая роль правового обычая в праве народов Северного Кавказа и изменение этой роли под влиянием как внутренних, так и внешних условий, определенным фактом включения в XIX веке Северного Кавказа в административное подчинение Российской империи и в правовую систему России можно сделать вывод, что в XIX веке взаимосвязанность обычного права и законодательства была более тесной, XX век характеризуется серьезными диспропорциями в соотношении обычного права и закона.

В-третьих, начало XXI в. определяется наличием неопровергимых фактов широкого и повсеместного неформального применения обычного права значительной частью населения республик Северного Кавказа для урегулирования последствий многих преступлений, а также в семейных спорах и конфликтах. Таким образом, в регионах Северного Кавказа, входящих в состав Российской Федерации, правовой обычай неофициально продолжает регулировать общественные отношения, целиком или частично, находящиеся вне контроля государства. Анализ применения обычного права у разных народов показывает, что обычное право и сегодня сохраняет достаточно мощный потенциал, проявляющий себя часто наряду, а в некоторых случаях и в противовес, нормативно-правовым актам государства [3, стр. 250].

Генезис правового обычая тесно связан с традиционными нормами морали, исторически сложившимися в обществе. Порой эта связь настолько тесна, что не всегда удается провести четкую грань между обычно-правовыми нормами и нормами морали, что говорит о своеобразности

формы права, объединяющей как правовое, так и моральное начало. Действие норм правового обычая обусловлено, в первую очередь, соответствием их содержания определенным в этом обществе моральным установлениям.

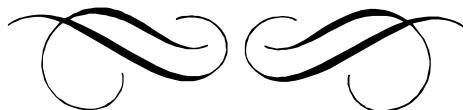
Следует полностью согласиться с мнением тех ученых, которые полагают, что современное реформирование российского законодательства должно происходить с учетом более широкого и активного закрепления с помощью обычно-

правовых норм, национальной культуры и религии каждого этноса без ущемления прав других этносообщества, проживающих на определенной территории [1, стр. 5-15]. Исследование правовых обычаем народов Северного Кавказа, позволит выявить закономерности правового

Необходимость решения всех названных проблем определяет безусловную теоретическую и практическую актуальность исследований обычного права в современных условиях.

Список литературы

1. Баранов П.П., Овчинников А.И. Правовая этнология – современное самостоятельное направление в отечественной юридической науке // Философия права. – 2002. – № 2.
2. Михайленко Н.М. Правовой обычай в системе источников права: опыт комплексного исследования (на примере правовой традиции народов Северного Кавказа): Автoref. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009.
3. Обычное право в России / Под ред. Г.В. Мальцева, Д.Ю. Шапсугова. – Ростов-на-Дону, 1999.
4. Обычное право и правовой плюрализм: (Материалы XI Междунар. конгр. по обыч. праву и правовому плюрализму, авг. 1997 г., Москва) / Отв. ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. – М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1999. – 251 с.
5. Обычное право народов России: Библиогр. указ.: 1890-1998 / Рос. акад. наук. Центр по изучению межнационал. отношений Ин-та этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Сост. и авт. вступ. ст. А.А. Никишенков / Под ред. Ю.И. Семенова. – М.: Старый сад, 1998. – 252 с.

ВАШКЕВИЧ Алла Васильевна,
старший преподаватель кафедры организации
работы полиции Санкт-Петербургского
университета МВД России,
кандидат педагогических наук
E-mail: all281@yandex.ru

КОЗЛОВ Евгений Николаевич,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: bagiirka@gmail.com

**Специальность 19.00.06 – Юридическая
психология**

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ К СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена вопросам профессионально-психологической подготовки сотрудников госавтоинспекции к служебной деятельности. Рассматриваются особенности профессионально-психологической подготовки, методики развития коммуникативной компетентности инспекторов ГИБДД, используемые для повышения квалификации слушателей в Санкт-Петербургском университете МВД России.

Ключевые слова: психологические качества (способности); психологические приемы; психологическая устойчивость; ролевое общение; компетентность; профессионализм.

**VASHKEVICH A.V.
KOZLOV E.N.**

TOPICAL ISSUES RELATED TO PROFESSIONAL-AND-PSYCHOLOGICAL TRAINING OF TRAFFIC POLICE OFFICERS FOR OFFICIAL EMPLOYMENT ACTIVITIES

The summary. Paper is devoted to the organization of vocational and psychological training of traffic police to performance. The features of psychological and vocational training, as well as methods of communicative competence of inspectors, traffic police, used for training students in St. Petersburg University, Russian Interior Ministry.

Key words: psychological qualities (capacity) psychological techniques; psychological stability; role communication; competence and professionalism.

Одной из приоритетных и жизненно важных задач государственной политики Российской Федерации является обеспечение безопасности дорожного движения. Значительная роль в повышении безопасности дорожного движения принадлежит Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России, о чем свидетельствует Федеральный закон РФ «О

безопасности дорожного движения», а также утвержденная Правительством Российской Федерации Федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2006-2012 годах».

Совокупность определенных профессиональных действий (организационных, профилактических, оперативно-розыскных, пропагандистских,

аналитических и др.) определяет профессиональную деятельность сотрудников Госавтоинспекции. Это и «профессионально-психологические действия, отличающиеся своими психологическими задачами и осуществлямыми психологическим средствами, приемами и методами». Профессор А.М. Столяренко справедливо отмечает, что «... результативность служебных действий резко повышается, если сотрудник учитывает и понимает психологические особенности личности или группы, психологически понимает и использует правильно психологические тонкости общения, психологически рассчитывает свои воздействия, ... понимает и контролирует психологическое влияние на ситуацию своей личности и поведения».

Инспекторский состав Госавтоинспекции осуществляет взаимодействие с участниками дорожного движения, «внешне оно обнаруживается в ... организованных, эффективных или, напротив, неорганизованных, суевийных, конфликтных ... действиях». В нормативно-правовых документах, регламентирующих деятельность сотрудников Госавтоинспекции, определены основополагающие организованные и сотрудничающие (неконфликтные) «психологические приемы» для общения с участниками дорожного движения: вежливость и тактичность, обращение на «Вы», спокойствие и выдержка, разъяснения в убедительной и ясной форме и др.

Однако, общение сотрудников Госавтоинспекции с участниками дорожного движения часто носит конфликтный характер, несмотря на правовую регламентацию таковых взаимоотношений. Об этом свидетельствуют результаты исследований, большое количество жалоб на действия сотрудников, поступающих в подразделения. В связи с этим, задачами профессионально-психологической подготовки сотрудников для подразделений ГИБДД в образовательных учреждениях МВД России являются: вооружение прикладными психологическими знаниями, необходимыми для осмысления действий в психологически насыщенных условиях профессиональной деятельности; формирование профессионально-психологических навыков и умений (аналитико-психологических, технико-психологических, тактико-психологических), необходимых для решения психологических трудностей и проблем, максимально приближенных к реальным

оперативно-служебным условиям; профессиональное развитие психологических качеств (способностей); повышение профессионально-психологической устойчивости.

Теоретические знания общих психологических закономерностей, механизмов, свойств и навыков психологического анализа ситуаций, приобретаются слушателями на занятиях по «психологии», и находят свое прикладное преломление в дисциплинах: «Психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел» и «Психология общения», «Конфликтология». Взаимосвязь изучаемого психологического материала с деятельностью сотрудников Госавтоинспекции, психологический анализ условий взаимоотношений и личностные особенности основных субъектов оперативно-служебной деятельности (сотрудника, участника дорожного движения приводит к формированию коммуникативных навыков и компетентности в общении в специфических условиях несения сотрудниками Госавтоинспекции службы, и помогает выстроить единый концептуальный подход профессионально-психологической подготовки слушателей в образовательных учреждениях МВД России.

Деятельность сотрудников Госавтоинспекции носит публичный характер, поэтому одним из наиболее важных результатов профессионально-психологической подготовки является компетентность в общении. Под компетентностью в общении сотрудника Госавтоинспекции следует понимать эффективное владение процессами общения в профессиональной деятельности, основывающееся на знаниях, умениях, навыках, и личных качествах. Компетентность в общении имеет сложную структуру, среди основных составляющих отметим: эффективное владение языком и речью в профессиональной деятельности; навыки установления психологического контакта; навыки оказания психологического и правомерного воздействия в общении с разными категориями участников дорожного движения; грамотное владение психотехниками общения в различных ситуациях служебного и делового общения; умение целенаправленно строить и перестраивать общение; умение ролевого общения. Причем при формировании компетентности в общении необходимо развивать ее как коммуникативную деятельность, то есть заботиться о развитии ее мотивационной и инструментальной сторон

одновременно.

Санкт-Петербургский университет МВД России на курсах повышения квалификации сотрудников Госавтоинспекции, которые объединяют слушателей с разным уровнем образования, разным стажем и опытом работы в подразделениях ГИБДД, для практического обучения слушателей навыкам общения с разными категориями участников дорожного движения в различных условиях оперативно-служебной деятельности, формирования и совершенствования компетентности в общении и способности анализировать ситуации профессионального общения преподаватели психологических дисциплин используют игровые методы обучения. Речь идет в первую очередь о деловых (ролевых) играх, одним из преимуществ которых является возможность моделирования и воспроизведения реальной оперативно-служебной обстановки в деятельности сотрудников Госавтоинспекции во всем комплексе специфических условий и особенностей несения службы. В игре происходит моделирование ситуации профессионального общения, исполнение ролей сотрудника и участника дорожного движения, психологический анализ ситуации профессионального общения. Специальным образом организуемая преподавателем учебная деятельность в виде игры позволяет слушателям на занятиях по профессионально-психологической подготовке выявить типичные поведенческие ошибки обогатиться психологическим опытом разрешения конфликтных ситуаций, а также обменяться этим опытом между сотрудниками.

Фабулы для подобных игр изыскиваются различными путями. Главный источник информации – сотрудники Госавтоинспекции, слушатели курсов повышения квалификации для сотрудников подразделений Госавтоинспекции регионов России. Причем для ролевых и деловых игр сотрудники предлагают наиболее актуальные, типичные ситуации профессионального общения, психологически трудные для разрешения, часто не «прожитые» или не разрешенные самими сотрудниками.

Главная особенность использования игры на практических занятиях со слушателями ФППК способствует тому, что в ходе игры осуществляется обмен профессиональным и психологическим опытом,рабатываются многовариантные способы (пути) разрешения

типичных, наиболее сложных и психологически насыщенных ситуаций профессионального общения сотрудников Госавтоинспекции с участниками дорожного движения. От такой предварительной совместной работы выигрывают обе стороны: сотрудники Госавтоинспекции и преподаватели психологических дисциплин. Первые накапливают опыт психологического анализа используемых ими приемов для последующего применения этих приемов непосредственно в профессиональной деятельности. Ибо понятые и осмыслиенные с психологической точки зрения прием, средство, рекомендация будут использованы с большей вероятностью, чем те, которые непонятны сотруднику. Вторые накапливают примеры ситуаций профессионального общения, а также психологически насыщенный и порой интуитивный профессиональный опыт разрешения проблем и конфликтного взаимодействия между сотрудниками Госавтоинспекции и участниками дорожного движения. Роль преподавателя-психолога при проведении игры заключается в проведении тщательного совместного психологического анализа, направленного на выявление комплекса психологических приемов, средств и методов, используемого сотрудниками для разрешения психологической проблемы или конфликта.

Есть масса достоинств в использовании игрового метода для подготовки сотрудников Госавтоинспекции:

Во-первых, игра, как универсальный вид деятельности, помогает преодолеть трудности и барьеры в общении, понять себя, выработать грамотные и обоснованные способы поведения в психологических трудных ситуациях общения с гражданами (участниками дорожного движения).

Во-вторых, в ходе игры, кроме компетентности в общении, формируются не менее важные профессионально значимые качества сотрудника Госавтоинспекции – прогностические способности, т. е. способности просчитывать, предвидеть целесообразность используемых психологических техник на основе визуальной диагностики личности участника дорожного движения

В-третьих, игра способствует формированию профессионально-психологических навыков и умений многовариантного, технологичного разрешения конфликтов определенного типа с учетом психологических особенностей субъектов,

включенных в конфликт.

В-четвертых, в игре слушатели не просто делают открытия о том, каким опытом общения они обладают, а еще и создают новые варианты более конструктивного поведения в смоделированных профессиональных ситуациях, пробуют их проявить в общении, добиваются того, чтобы собственное поведение по-настоящему устраивало. Обучаемые осваивают новые для себя приемы общения, новые средства, а с другой стороны – избавляются от лишнего (ненужных жестов, лишних слов, психологически неграмотных

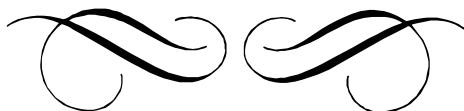
приемов и пр.), находят варианты поведения, сочетая их с решением стоящих перед сотрудником целей.

В-пятых, в игре слушатель имеет возможность получать информацию о себе как о личности и профессионале при помощи трех источников – самонаблюдения, наблюдений участников игры и оценок экспертов.

Таким образом, использование игры не только способствует познанию слушателями себя, но и формируют у них позитивное отношение к себе как к профессиональному.

Список литературы

1. Приказ МВД РФ от 2 марта 2009 г. №185. «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения». – М., 2009.
2. Басова Н.В. Педагогика и практическая психология. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
3. Прикладная юридическая педагогика в органах внутренних дел: Учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России юрид. профиля / Под ред. В.Я. Кикотя, А.М. Столяренко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
4. Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Под ред. А.М. Столяренко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.
5. Столяренко А.М. Вводный обзор к разделу «Психологические технологии в правоохранительной деятельности» / Энциклопедия юридической психологии / Под общ. ред. А.М. Столяренко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2003.
6. Столяренко А.М. Профессионально-психологическая подготовка юриста // Прикладная юридическая психология: Учеб. пособие для вузов / Под ред. А.М. Столяренко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Мир политики и социологии» публикует научные статьи и материалы различной политической и социологической тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основания для включения статьи в журнал являются:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом направления журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи

1. Статья присыпается в электронном варианте.
2. Электронный вариант статьи представляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman», полуторный межстрочный интервал.
3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр.
4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы - в формате Word.
5. Тема статьи – на русском и английском языках.
6. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).
7. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).
8. Затекстовые ссылки оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются в алфавитном порядке. Сначала указываются нормативные акты, затем материалы на иностранном языке и, наконец, на русском языке. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста/документа, то в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:
 - в тексте: [7, стр. 15].
 - в затекстовой ссылке: 7. Чибинев В. М., Макаров Д. А. Эволюция государственности степных народов Евразии и их влияние на становление древнерусского государства. – Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2008. – 361 с.
9. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.
10. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

Всех авторов просим обратить внимание на требования к оформлению статей, поскольку игнорирование хотя бы одного вышеуказанного пункта даёт редакции право отказать в публикации Вашей статьи.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).
2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.
3. Почтовый адрес.
4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.
5. Ученая степень и звание.
6. Основные направления научных исследований.
7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.
8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышенназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом направления журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств ООО «Образовательный центр «СоветникЪ».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.
2. Литературное редактирование.
3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов.
4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.
5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору.

Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присыпать по адресу:

Редакция журнала «Мир политики и социологии»,
198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25? тел. / факс: (812) 755-56-58
E-mail: magazine-sovetnik@yandex.ru
www.centersovetnik.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40505

от 01 июля 2010 г.

Название Мир политики и социологии

Адрес редакции 198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114,
корп. 1, лит. Б

Примерная тематика и (или) специализация Научная; реклама не более
40 %

Форма периодического распространения журнал

Язык(и) русский

Территория распространения Российская Федерация

Учредитель (соучредители) Общество с ограниченной
ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ»"
(198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)

Заместитель Руководителя

Р.В. Шередин

Начальник Управления
разрешительной работы в сфере
массовых коммуникаций

М.Ю. Ксензов

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года
№ 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в
соответствии с законодательством Российской Федерации.

017613

Корректор Щурова Е.Ю.
Верстка Ларин Д.А.

**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«МИР ПОЛИТИКИ И СОЦИОЛОГИИ»**

2012, № 2

Подписано в печать 20.02.2012. Формат 60 x 84 $\frac{1}{8}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 18,0 уч.-изд. л.; 18,0 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 375.
ООО «Образовательный центр «СоветникЪ»
